

ИСТОРИЯ HISTORY

Васильченко Э. А., Васильченко О. А.
E.A. Vasilchenko, O.A. Vasilchenko

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

INTRAFAMILIAL RELATIONS AMONG INDIGENOUS PEOPLES IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Васильченко Эльвира Александровна – доктор исторических наук, профессор, декан социального факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: SFknagtu@mail.ru.
Ms. Vasilchenko E. Aleksandrovna – Doctor of History, Professor, Dean of the Social Sciences faculty of Komsomol-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Васильченко Олег Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: SFknagtu@mail.ru.
Ms. Vasilchenko O. Alekseevich – Doctor of History, Professor, Social Sciences Faculty, Komsomol-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Аннотация. В статье приведены сведения о характере внутрисемейных отношений коренных жителей Дальнего Востока. Рассмотрены причины широкого распространения различных форм полигамии. Проанализированы особенности мужской и женской трудовой деятельности в семейном хозяйстве.

Summary. The paper contains data on peculiarities of intra-familial relations of indigenous peoples in Russia's Far-Eastern region. Causes for the wide spread of various polygamy forms are considered. Features of male and female labour activity patterns within a family household are analyzed.

Ключевые слова: семья; Дальний Восток; аборигены; история; социальная организация.

Key words: family; Far East; indigenous peoples; history; social organization.

УДК 316.35(075)

Задолго до появления российских переселенцев территории Дальнего Востока были заселены коренными народами – эвенками, эвенами, гольдами, орочами, гиляками и другими представителями аборигенного населения.

Основой экономической и общественной жизни аборигенов являлась патриархально-семейная община.

Большая патриархальная семья состояла из родителей и их женатых сыновей или нескольких братьев с семьями. Например, среди гольдов встречались семьи, насчитывавшие до 25 человек [3, 16, 149].

Главой семьи считался отец. После его смерти – старший сын. Если он умирал, то во главе семьи становился следующий за ним брат. Среди женщин господствующее положение обычно занимала мать или жена старшего брата.

Наряду с большими семьями существовали и малые семьи. Так, в начале XX века средний размер семей нижнеамурских аборигенов составил 5,5 человек [4].

Среди коренных народов Приамурья были широко распространены различные формы полигамии – левират, сорорат и многоженство [5].

Левират имел экономическую и морально-психологическую основу (защита интересов вдов и детей). Гибель мужчины на охоте или по другим причинам была частым явлением. Вдова, оставшаяся с детьми, нуждалась в защите и помощи. Младший брат погибшего или младший двоюродный брат, иногда племянник покойного брали вдову к себе в жены [1, 109].

Сорорат так же объяснялся экономическими интересами. Он позволял вдовцу получить мать для детей и жену без выплаты калыма. Вдовец должен был жениться на незамужней младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице умершей жены. Обычай запрещал браки вдовцов и вдов со старшими родственниками покойных жены или мужа.

Многоженство в среде коренного населения Дальнего Востока имело несколько причин: иногда старая жена сама просила привести в дом молодую жену для помощи в ведении хозяйства; часто брали вторую жену в случае бездетности первой. Многоженство для аборигенов было показателем благосостояния и мерилom богатства.

При всей схожести семейных обычаев и традиций они обязательно несли в себе этническую специфику, свойственную каждому народу. Общественное развитие характеризовалось использованием различных форм семейно-брачных отношений.

Например, среди эвенков, алеутов и чукчей сохранялись еще групповые формы брака. Согласно нормам группового брака, мужчина мог жить со всеми женами своих старших братьев и со всеми сестрами своей жены. При этом старший брат не имел права на жен младших братьев. Половая жизнь допускалась строго для представителей одного поколения и была запрещена между представителями разных поколений.

С развитием оленеводства, обособлением хозяйств групповой брак постепенно перерождался в товарищество по жене. Это было свойственно эвенкам, эвенкам и чукчам. Мужчина отдавал свою жену на некоторое время в жены другому мужчине, а затем она возвращалась назад. Так закреплялись дружеские отношения у мужчин. У многих тунгусоязычных народов Приамурского края групповой брак сопутствовал парному браку.

Коренных жителей трудно обвинять в безнравственности. Они жили по другим законам, отличным от принятых среди переселенцев из Европейской России. Так, в тесных ярангах чукчей ютились несколько супружеских пар. Они спокойно относились к публичности своей половой жизни. Н. О. Каллиников, изучавший быт и нравы коренных народов северо-востока Российской Империи, писал о чукчах: «Проституции в европейском смысле слова между чукчами нет, нет и ревности. Они смотрят на удовлетворение полового чувства как на простое удовлетворение человеческих естественных потребностей» [2, 84].

Важнейшим принципом в семейно-брачных отношениях аборигенов являлось стремление к экзогамии, т.е. к ограничению супружеского союза по степени родства. Соблюдение экзогамных норм имело положительный характер, так как препятствовало заключению браков среди ближайших родственников, вследствие чего род не подвергался опасности вырождения через определенное количество поколений.

У разных народов существовали различные способы приобретения жен. Например, у эвенков наиболее древним способом была война. Кроме того, получил распространение обменный брак между двумя семьями. Обменивались девушками. С экономической точки зрения обмен был выгоден, так как не требовалась уплата дорогого калыма и приданного к свадьбе. Приготавливались только мелкие подарки.

У всех народов дальневосточного региона России практиковалось заключение ранних браков. Родители договаривались и по сговору женили малолетних или даже еще не родив-

шихся детей [6]. При достижении брачного возраста договор претворялся в жизнь. На первом месте при заключении браков всегда стояли причины хозяйственного порядка. Личные чувства жениха или невесты отходили на второй план.

У гиляков и гольдов практиковалось выдавать замуж малолетних девочек 8-12 лет, у чукчей – 5-7 лет. Девочки поселялись в семьях мужей, начинали брачную жизнь по достижению половой зрелости. Иногда дети, нареченные мужем и женой, оставались в своих семьях до наступления половой зрелости. Возраста жениха и невесты они достигали примерно в 14-16 лет.

Наблюдалась нехватка невест, обусловленная многоженством и высокой смертностью от болезней и при родах. Поэтому вопрос о будущей невесте вставала перед родителями еще при достижении сыном 4-5-летнего возраста.

Препятствием для заключения браков являлась необходимость уплаты женихом большого калыма. Плата за невесту должна была заменить труд уходящей женщины. Например, гольд среднего достатка платил за жену в среднем около 250 рублей деньгами; отдавал 2 больших чугунных котла и 10 кусков материи [1, 149]. Использование калыма в семейно-брачных отношениях аборигенов имело негативные последствия, так как для его сбора требовалось время. Малоимущие выплатить калым не могли, поэтому для них исключалась возможность получить жену.

Многим народам Приамурского края был известен брак путем отработки невесты. Мужчина, желавший жениться, работал в доме родителей невесты. Он доказывал свою умелость в делах охотничьих и хозяйственных. В случае неудачи на этом поприще его ждал отказ со стороны родителей невесты. У эвенков срок отработки колебался от 1,5 до 3-х лет, у коряков – иногда до 5 лет. Если жених удовлетворял требованиям семьи невесты, то получал от главы семьи согласие на брак.

Взаимоотношения супругов регламентировались обычным правом.

У гольдов женщина была существом низшим по своей природе. Разговаривать и советоваться с женщиной считалось унижительным для мужчин. Все были в этом убеждены, в том числе и сами женщины. Они не могли принимать участие в коллективном разговоре, не могли садиться за еду вместе с мужчинами и ели только после них.

По-иному сложились отношения между мужчинами и женщинами у коряков. Жена имела право голоса в решении семейных вопросов. Избиение жены было редким явлением. Даже замужние женщины находились под защитой своих родственников. Большим почетом пользовалась многодетная мать. После смерти мужа она могла стать главой семьи.

В семьях чукчей женщина также играла важную роль при принятии решений. Если хозяин отсутствовал, доминирующую роль в семье играла его жена.

При всей трудности и сложности положения замужней женщины, она могла вернуться к родственникам, т.е. существовал развод как способ расторжения брака. У коряков разводы совершались как по инициативе мужа, так и жены. Поводом могло послужить безнравственное поведение жены, плохое обращение мужа или его родственников, развал женой домашнего хозяйства. В семье гольдов мать невесты жила первые две недели в доме жениха вместе с дочерью. Если обращение с дочерью со стороны родни мужа было плохим, то тогда брак расторгался.

Проживание коренных народов России большими патриархальными семьями поддерживалось соблюдением строго регламентированных внутрисемейных отношений. Существовало разделение хозяйственной деятельности семьи на мужские и женские работы.

Трудовая занятость мужчин зависела от вида основной деятельности (рыболовство, охота или оленеводство). К мужским занятиям относилась заготовка дров и обменные операции.

Женщина занималась приготовлением пищи, уходом за детьми, выделкой шкур, изготовлением хозяйственной утвари и одежды. У кочевых народов женщины наравне с мужчинами ухаживали за оленями и водили караваны. Они содержали очаг и жилище.

Малодетные женщины и девушки у эвенков промышляли пушного зверя. Корякские женщины полностью выполняли все работы по разделке и сушке рыбы на промыслах. Они также обрабатывали туши убитых морских зверей.

У коренных народов широко использовался детский труд. С раннего возраста дети начинали выполнять посылную для них работу. Под руководством старших членов семьи они постепенно приобретали необходимые хозяйственные навыки.

Глава семьи выступал как руководитель и организатор семейного производства, определял по своему усмотрению действия всех членов семьи при решении хозяйственных задач. Решения главы опирались на вековые традиции, нормы обычного права и правила проживания членов семьи и близких родственников. Взаимоотношения между сородичами были основаны на взаимопомощи.

Обобщая характеристику внутрисемейных отношений аборигенов Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века, можно выделить положения:

1. Основной структурной единицей общественного строя аборигенов российского Дальнего Востока была патриархально-семейная община (патриархальная семья), что служило причиной сохранения пережитков группового брака, левирата, сорората, многоженство и др.

2. В конце XIX века хозяйство семьи аборигенов являлось полунатуральным. Под влиянием социально-экономического развития региона в результате его колонизации в хозяйственной деятельности коренных народов произошли заметные изменения. Появление товарно-денежных отношений способствовало дальнейшему разложению патриархально-родового строя. Семья перестала играть роль основной производственной ячейки, что привело к изменению внутрисемейных отношений, ослабило зависимость женщин от мужчин.

3. Ведущей тенденцией в семейно-брачных отношениях коренных народов стало постоянное уменьшение числа неразделенных семей и увеличение численности малых. Это способствовало уменьшению влияния на членов семьи существовавших стереотипов гендерных взаимоотношений, которые прививались в больших патриархальных семьях.

4. Вовлечение полунатурального хозяйства аборигенов в товарно-денежные отношения способствовало разрушению первобытной замкнутости и изолированности коренных народов, сближению их культуры с культурой славянских народов. Это повлияло на внутрисемейные отношения между мужчинами и женщинами. Коренные жители Дальнего Востока получили возможность познакомиться с этой стороной семейной жизни у восточнославянского населения региона, гендерные отношения которого находились на более высоком уровне развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венюков, М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. – Хабаровск, 1970. – 345 с.
2. Каллиников, Н. О. Наш крайний Северо-Восток / Н. О. Каллиников. – СПб., 1912. – 245 с.
3. Лопатин, И. А. Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские / И. А. Лопатин. – Владивосток, 1922. – 254 с.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 56 – Л. 2.
5. РГИА ДВ – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 430. – Л. 5.
6. РГИА ДВ – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 310. – Л. 75.

Верхоломов С. А.
S. A. Verkhologov

«УПРАВЛЯЕМАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

«CONTROLLED GLOBALIZATION» IN EAST ASIA

Верхоломов Сергей Александрович – аспирант кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 72, корп. 2, кв. 57. E-mail: verholomov_s@mail.ru.

Mr. Sergey A. Verkhologov – PhD Candidate, Department of History and Law, the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur). 72/2 Lenina st., apartment 2, Komsomolsk-on-Amur 681035. E-mail: verholomov_s@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена всестороннему рассмотрению процессов глобализации в Восточно-азиатском регионе. На основании этого автор делает вывод о формировании «управляемой глобализации» в Восточной Азии.

Summary. The paper offers a comprehensive analysis of globalization processes in East Asia. Proceeding from it, the author makes a conclusion concerning the development of the «controlled globalization» in the region.

Ключевые слова: «управляемая глобализация», регионализация, неолиберализм, инвестиционный климат, Холодная война, Восточная Азия, диктаторский режим, США, экономический кризис.

Key words: «controlled globalization», regionalization, neoliberalism, investment climate, Cold War, East Asia, dictatorship, USA, economic crisis.

УДК 951.06(093.5)

Исследования в области общественных отношений показывают, что глобализация является эпохальным сдвигом в развитии человечества. Этот феномен приводит в движение процессы как на макро- (тенденция к регионализации), так и на микроуровне (поиск новой идентичности). Важную роль в этом процессе исследователи отводят регионализации. По мнению обществоведов, из числа которых можно выделить английского социолога Р. Робертсона, английского философа З. Баумана, израильского социолога Ш. Эйзенштадта, глобализация – это процесс, который приводит мир к изменениям на всех уровнях человеческой жизни, включая экономику, политику, повседневную жизнь, культуру. Вместе с этим авторы отмечают в своих трудах, что глобализация не ведет мир к полному единообразию [1; 8]¹. Отмеченному явлению способствует тот факт, что отдельно взятый мир обладает специфическими чертами, которые нельзя оценить с помощью эталонов другого мира, что в итоге наделяет этот процесс уникальными свойствами. Регионализация – это процесс протекания глобализации в отдельно взятом мире. Не выпадает из этого ряда и Восточная Азия. Однако интерес исследователей к этому региону вызван сугубо экономическими причинами – экономический взлет стран Восточной Азии. Данный факт отражается на результатах исследований по вопросам глобализации, так как ученые раскрывают лишь одну сторону этого феномена – экономическую. Предлагаемая работа посвящена всестороннему рассмотрению процессов глобализации в Восточной Азии.

Одним из проявлений глобализации, как указано выше, является регионализация, не зря исследователи в области социальных отношений указывают, что «регионализация – это

¹ Робертсон Р., Бауман З. называют этот процесс глокализацией. Эйзенштадт Ш. называет данный процесс множественностью модернизмов.

тихая глобализация». Во всем мире можем наблюдать тенденцию складывания региональных блоков: в Европе – Европейский союз, на Ближнем Востоке – Лига Арабских государств, в Северной Америке – НАФТА, в Латинской Америке – МЕРКОСУР и т.д. В Восточной же Азии происходит становление достаточно большого числа региональных организаций – АТЭС, АСЕАН, ШОС и т.д. При этом исследователи отмечают, что регионализм в Азиатско-Тихоокеанском регионе нельзя сводить к какой-либо организации, здесь повсеместно можно наблюдать интеграционные процессы. Так, например, российский экономист Г.М. Костюнина пишет, что нельзя выделить какую-либо организацию, за которой бы закрепились роль проводника глобализации в этом регионе. Здесь можно выделить и соглашения АНЗСЕРТА, ПАСЕР, СПАРТЕКА, региональные организации типа АСЕАН, АТЭС, интеграционные процессы в зонах «Большой Китай», «Большой Меконг», «Кольцо Японского моря» и т.д. М. Бисон указывает на тот факт, что регионализация в АТР, которая проходит под знаменем АТЭС, является типичным примером «старого регионализма», когда в этом регионе сильно ощущалось влияние американского государства. Поэтому исследователи в один ряд ставят АТЭС (региональное экономическое сообщество) и АТР (географическое название), когда хотят указать на интеграционные процессы в этом регионе. Однако Азиатский экономический кризис 1998 года и Мировой экономический кризис 2008 года продемонстрировали неспособность АТЭС, АТР ликвидировать последствия финансовых кризисов. В связи с чем российские политологи С.В. Севастьянов, С.А. Караганов, Я.М. Бергер, А.Д. Богатуров, английский политолог М. Бисон указывают, что по сравнению с другими регионами мира в Восточной Азии только идет процесс складывания регионализма не на основе АТР, АТЭС, а на базе АСЕАН+3 (Корея, Китай, Япония).

В монографии «Восточная Азия: между глобализмом и регионализмом» указывается, что укрепление регионального экономического сотрудничества на базе нового форума АСЕАН+3 является ответом на вызовы глобализации, во-первых, а во-вторых, «продиктовано сугубо конкретными задачами – выхода из кризиса 1997-1998 гг.» [7, 10].

А.Д. Богатуров, Я.М. Бергер, С.М. Караганов полагают, что интеграция в Азии должна строиться путем объединения «малых» стран вокруг одного большого, так как интеграция на основе АТР является расплывчатой, а организации, созданные на этой региональной основе, не могут принимать действенных решений [15].

По мнению М. Бисона, складывание регионального сотрудничества на базе АСЕАН+3 представляется более перспективной темой сотрудничества, нежели АТЭС, АТР. Автор объясняет данный факт тем, что государства Восточной Азии объединяет общий исторический опыт – экономическое и военное воздействие Японии, последствия Холодной войны, особый характер ведения бизнеса и т.д., создающие условия для формирования идентификации на международной арене. Сотрудничество на уровне АТЭС и АТР является примером «старого регионализма», который складывался в условиях Холодной войны [2].

Российский историк Л.Г. Арешидзе и отечественный политолог М.И. Крупянко пишут, что «организация АСЕАН+3 задумывалась как база для создания альтернативы американской Бреттон-Вудской системе в виде Азиатского валютного фонда вместо Международного валютного фонда» [12, 47]. При этом авторы отмечают, что государства Восточной Азии понимают, что для реализации намеченного курса им придется отказаться от международной помощи, в том числе и США, что противоречило американской дипломатии. По мнению А.Д. Богатунова, «американская дипломатия в конце 90-х годов основала новую тактику: фактически навязывая «вольным или невольным партнерам» собственное видение решения тех или иных мировых проблем, она стремилась придать своим действиям форму консенсусных решений, взаимных уступок и компромиссов, согласованных шагов» [17, 579]. Поэтому многие исследователи (А.Д. Богатуров, М. Бисон, Л.Г. Арешидзе, С.А. Караганов и т.д.) считают, что Вашингтон будет всячески противодействовать становлению Восточно-азиатского регионализма. Шагом в этом направлении может служить тот факт, что Соеди-

ненные Штаты настаивают на включении в интеграционные процессы в Восточной Азии Новой Зеландии, Австралии, Индии.

Таким образом, мотивирующим фактором становления восточноазиатского регионализма служит выработка коллективных мер реагирования на внешние экономические и политические вызовы, то есть процессы глобализации. Государства Восточной Азии стремятся создать альтернативный вариант глобализации, где решения по важнейшим вопросам принимаются не на наднациональном уровне, а на базе межправительственного диалога. Благодаря этим процессам в Восточной Азии происходит столь стремительный экономический рывок. Как об этих тенденциях писал управляющий директор Международного Валютного Фонда Мишель Камдессю. «Совсем недавно, десять лет назад, на развивающиеся государства Восточной Азии приходилось лишь одна шестая часть мирового производства. Однако изменив экономическую политику, государства этого региона привлекли частный капитал. В результате чего на сегодняшний день (1997 год) на страны Восточной Азии приходится около четверти мирового ВВП, а к 2005 году будет приходиться треть мирового производства» [3].

Американский социолог П. Бергер называет такую модель управления международными процессами – «Управляемая глобализация». Появление такого феномена на международной арене, по мнению исследователя, связано со «стремлением «управлять» процессами глобализации посредством государственного вмешательства» [14, 23]. Это явление объяснимо тем, что на Востоке всегда были сильны позиции государства. В англоязычной литературе данный феномен получил название патерналистская модель государства, когда непосредственно в систему государственных отношений была встроена система социально-экономических отношений. Американский социолог Ч. Тилли указывает на то, что в Восточной Азии были сильно развиты редистрибутивные отношения, когда экономические отношения встраивались в административную систему [18]. Американский экономист К. Поланьи писал, что восточная модель экономики характеризуется ее встроенностью в само общество, где роль экономических отношений выполняют политические, религиозные и моральные отношения [16]. Российский историк Л.С. Васильев подчеркивает, что на Востоке аппарат администрации сложился раньше частнособственнических отношений, поэтому они оказались зависимыми от государства. Причем исследователь отмечает, что данный системный феномен присущ Востоку до сегодняшнего дня [6]. И действительно, на протяжении всего XX века можем отмечать данный феномен, в том числе и подъем восточноазиатских экономик в 60-80-е годы XX века.

Отечественный исследователь А.И. Яковлев связывает успех экономических реформ с установлением диктаторских режимов: в Корее – генерал Пак Чонхи, Тайване – Чан Кайши (военное положение было отменено в 1987 году), Китае – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин [21]. Даже в таком демократическом государстве, как Япония, экономические реформы проходили под сильным влиянием государства. По мнению отечественного историка Э.В. Молодяковой, в основе подхода Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) регулирования рынка лежали, «во-первых, понимание несовершенства рыночного механизма и, следовательно, необходимости защиты общества от его «провалов» и, во-вторых, расширительное толкование понятия «провалы рынка», что создавало основу для масштабного, чем в других развитых странах, вмешательства государства в экономическую жизнь» [22, 13]. Вместе с этим авторитаризм в странах Восточной Азии господствовал до тех пор, пока не произошли изменения на международной арене, в области геополитики и методов управления экономикой. С одной стороны, Соединенным Штатам Америки было выгодно поддерживать авторитарные режимы, так как шла Холодная война. В этих условиях необходимы были сильные союзники, но война в 1991 году закончилась, и соответственно Вашингтон стал навязывать собственное видение политики. С другой стороны, ввиду экономического кризиса 80-х годов, который привел к стагнации, произошла выработка и внедрение нового метода управления экономикой, получившего название неолиберализм. Рассматривая эту теорию, американский географ-марксист Д. Харви подчеркивает, что «индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах – сильного права собственности, свободного рынка

и свободной торговли. При этом роль государства сводится к минимуму. Оно должно формировать законодательные структуры и выполнять все функции, необходимые для охраны священных прав частной собственности, гарантировать их соблюдение, если понадобится — то и силой, — а также обеспечивать «правильную» работу рынков» [20]. Поэтому исследователи отмечают, что поддержать экономический рост в Восточной Азии в новых условиях можно лишь благодаря внедрению неолитерализма, который в первую очередь предполагает перестройку политических отношений.

В докладе «Цели развития тысячелетия. Сокращение бедности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» говорится, что для преодоления бедности в Азии мало только проводить экономические реформы, к этому явлению необходимо добавить процесс демократизации [4].

В работе «Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики» публикуется программа действий по преодолению экономического отставания государств. В одном из пунктов авторы пишут, что для реализации этой цели нужен хороший инвестиционный климат. Вместе с этим авторы отмечают, что инвестиционный климат является «средой правильного регулирования экономики», то есть формируется под влиянием перестройки политической системы [9].

В работе американского правоведа Б. Линдси публикуется материал о влиянии государственной политики на экономическую систему. Автор пишет, что коррупция, финансовые кризисы, мошенничество в сфере финансов и многое другое — все это является результатом вмешательства государства в экономику. Для разрешения этих проблем необходимо проводить политику демократизации. По мнению Б. Линдси, таким образом, государство решает две задачи: во-первых, происходит создание «хороших правовых институтов», а во-вторых, формируется благоприятный инвестиционный климат [13]. Однако наряду с мирными способами распространения отмеченной политической системы существуют и силовые методы насаждения демократии. Страны, не участвующие в процессах демократизации, объявляются враждебными по отношению к миру и помещаются в «Ось Зла». Под влиянием этих особенностей восточноазиатские государства вынуждены согласиться с такими правилами игры, поэтому повсеместно можно наблюдать демократизацию — и в коммунистическом Китае, и в либеральной Японии.

Проводя демократизацию, восточноазиатские государства разрушают социально-экономическую систему, которая существовала в регионе на протяжении тысячелетия. Английский социолог З. Бауман пишет, что под влиянием демократизации увеличивается индивидуальная свобода, «а функции, которые недавно считались прерогативой государства, переступают в «сферу ответственности» индивидов» [11, 62]. Под влиянием этих особенностей происходит отделение экономики от культуры и государства, а вместе с этим и самобытных особенностей, благодаря которым восточноазиатское общество добилось столь высоких результатов в экономике. Кроме того, распространение западной модели управления экономикой приводит к «дезинтеграции общества в результате утраты общих духовных и нравственных ценностей», так как происходит гибель самобытности и насаждение на этом этапе западной капиталистической системы [10, 231]. Поэтому неудивительно, что одним из первых, кто выявил тенденцию гибели национального государства, был представитель восточноазиатского региона японец К. Омаэ.

Развивая эту проблему, В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова приходят к выводу, что одной из тенденций преобразования буржуазного национального государства является становление государства на этнооснове [19]. Данная тенденция не останется незамеченной, так как под влиянием этого будет происходить распад многонациональных государств, что, кстати, мы можем наблюдать на современном этапе в Восточноазиатском регионе — Синьцзян-Уйгурский район, Тибет, Кхмерская проблема и т.д.

Под влиянием вышеописанных явлений современного мира странам восточноазиатского государства приходится проводить комплекс мер реагирования на процессы глобализации на региональном уровне, так как в равной степени они затрагивают все государства Восточной Азии. Мероприятия данного типа приводят к формированию регионализма, но становление происходит не по классическому варианту как в Европе, когда все решения принимаются на наднациональном уровне.

Итало-американский социолог Арриги Дж. связывает данный факт с фундаментальными различиями между двумя системами государств. Восточноазиатские государства, соревнуясь друг с другом, никогда не стремились создать империи вне своих границ, в Европе же становление регионализма происходит под влиянием поглощения двумя-тремя государствами других политических систем [5, 351]. Даже создание такого экономического явления, как Свободные Экономические Зоны, является свидетельством фундаментальных различий Востока от Запада. Государства Восточной Азии не переносят успешную экономическую систему на всю территорию государства, они создают лишь оплот для максимального извлечения прибыли, не изменяя базовых ценностей. Поэтому формирование регионализма в Восточной Азии происходит на уровне межправительственного диалога АСЕАН+3. Это пример совместного сотрудничества для контролирования процессов глобализации в Восточной Азии как максимального извлечения прибылей, так и максимального сопротивления глобальной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*, Vol. 24, No. 2 (Spring, 1999), pp. 283-295.
2. Mark Beeson Regionalism and Globalization in East Asia. Politics, Security and Economic Development. «Palgrave Macmillan», 2007. – 336 p.
3. Michel Camdessus Globalization and Asia: The Challenges for Regional Cooperation and the Implications for Hong Kong. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/1997/mds9703.htm>.
4. Millennium Development Goal of halving poverty in Asia and the Pacific Region. Progress, prospects and priorities. International Fund for Agricultural Development (IFAD). 2006. – 53 p.
5. Арриги, Джованни. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Джованни Арриги; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
6. Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на новую проблему) / Л. С. Васильев // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 6. – С. 148-161.
7. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г.И. Чуфрин; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2004. – 282 с.
8. Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН. – М., 2004. – Ч. I. – 264 с.
9. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 216 с.
10. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества; вступ. ст. В. Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – 318 с.
11. Зарубина, Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. – СПб.: РХГИ, 1998. – 288 с.
12. Крупянко, М. И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый международный порядок» / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 448 с.
13. Линдси, Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Бринк Линси; пер. с англ. – М.: Мысль, 2011. – 416 с.
14. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
15. Перспективы «развитой» Азии и политика России: Материалы ситуационного анализа (бэкграунд) Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. URL: <http://globalaffairs.ru>.
16. Поланьи, К. Избранные работы / Карл Поланьи. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 200 с.
17. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 2. События 1945-2003 годов / под ред. А. Д. Багатурова. – М.: Культурная революция, 2009. – 720 с.
18. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. / Чарльз Тилли; пер. с англ. Т. Менской. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 360 с.
19. Фетодова, В. Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Фетодова, В. А. Колпаков, Н. Н. Фетодова. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
20. Харви, Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Дэвид Харви; пер. с англ. Н. С. Брагиной. URL: www.vusnet.ru/biblio.
21. Яковлев, А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX-XX веках / А. И. Яковлев. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 504 с.
22. Япония: полвека правления либерал-демократов / рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.

Кузьмин А. Ю.

КЭМП-ДЭВИДСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ
В САУДОВСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Кузьмин А. Ю.

A. Y. Kuzmin

**КЭМП-ДЭВИДСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ
В САУДОВСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

**CAMP DAVID ACCORDS AS THE TURNING POINT
IN SAUDI-EGYPTIAN RELATIONS**

Кузьмин Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119421, г. Москва, ул. Обручева, 3-2-84; 8(909) 639-92-91. E-mail: kuzmin282@yandex.ru

Mr. Alexander Yu. Kuzmin – PhD in History, Assistant Professor, Dean of the Department of History of Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow); 3-2-84, Obrucheva St., 119421, Moscow; phone: +7 (909) 639-92-91. E-mail: kuzmin282@yandex.ru

Аннотация. В статье автором проанализированы основные аспекты саудовско-египетских отношений в период заключения кэмп-дэвидских соглашений. Выявлены проблемы, осложняющие отношения между Саудовской Аравией и Египтом на рубеже 70-80-х гг. XX века.

Summary. The paper offers an analysis of the main aspects of Saudi-Egyptian relations during the time of the Camp David Accords. Problems, which complicated relations between Saudi Arabia and Egypt at the turn of the 1980ies are identified.

Ключевые слова: ближневосточный конфликт, саудовско-египетские отношения, кэмп-дэвидский мирный процесс, политическая изоляция.

Key words: Middle-East conflict, Saudi-Egyptian relations, Camp David Accords, peace process, political isolation.

УДК 951.06

Американо-египетско-израильская встреча в Кэмп-Дэвиде открылась 5 сентября 1978 г. В первый день египетский президент А. Садат зачитал пространный документ, который включал следующие требования: возвращение на родину всех палестинских беженцев и выплаты репараций за ущерб, причиненный в ходе арабо-израильских войн; полного отвода израильских войск к границам 1967 г.; обсуждение вопроса интернационализации Иерусалима.

Требования, выдвинутые А. Садатом, вполне импонировали Саудовской Аравии, но иное мнение сложилось по отношению к ним у Израиля. Ответ М. Бегина был явно недоброжелательным: «Я уже сделал для египетского президента все, что мог, приняв его в Иерусалиме» [3].

После подобного ответа переговоры уже продолжались только через посредников. На десятый день египетский президент не выдержал и заявил о том, что уезжает домой. Только с помощью титанических усилий американцам удалось этого избежать [12].

В полдень на одиннадцатый день переговоров Дж. Картер направился в резиденцию А. Садата, где провел всего около пятнадцати минут. Этого времени оказалось достаточно, чтобы египетский лидер согласился с казавшимися ему ранее неприемлемыми условиями документа, выработанного американцами. До сих пор остается загадкой, что сказал на самом деле в эти пятнадцать минут президент США. Вечером того же дня министр иностранных дел Египта М. Камель заявил об уходе в отставку в знак протеста против согласия А. Садата с навязанными Египту решениями. Американский президент чувствовал себя триумфатором, рассчитывая с помощью этого успеха остаться на второй срок в Белом доме. Внешне хоро-

шее расположение духа было и у А. Садата. Но это было лишь внешнее впечатление. То, что произошло в Кэмп-Дэвиде, никак не вязалось с тем, что было обещано Саудитам и остальному арабскому миру.

В ходе совещания Египта, Израиля и США было подписано два документа – «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мира на Ближнем Востоке» [17]. По первому из них Египет и Израиль обязались не позднее чем в трехмесячный срок заключить между собой мирный договор. Второй документ касался решения вопроса о Западном берегу реки Иордан и сектора Газа. А. Садат настаивал на внесении в преамбулу египетско-израильского договора сроков осуществления «самоуправления» палестинцев. Такой постановкой вопроса он хотел создать впечатление, будто он заботится об общеарабских делах и не замыкается на двусторонних отношениях с Израилем.

Сам документ предусматривал проведение переговоров «об урегулировании палестинской проблемы во всех ее аспектах в три этапа при участии Египта, Израиля, Иордании и, начиная со второго этапа «представителей палестинского народа». Подписанный договор обходил молчанием право палестинцев на самоопределение [5, 194]. В свою очередь, предусматривалось создание «автономного самоуправления» под контролем Израиля. Через три года должны были начаться переговоры о статусе палестинских районов, где со стороны палестинцев будут участвовать избранники жителей западного берега реки Иордан и сектора Газа. Из переговорного процесса исключалась Организация освобождения Палестины, официально признанная не только самим народом Палестины, но и всеми арабскими государствами.

А. Садат фактически согласился на подписание сепаратного соглашения. Он еще раз продемонстрировал миру, что ему характерен приоритет национальных интересов над общеарабскими. Египетско-израильский договор предусматривал эвакуацию израильских войск лишь с Синайского полуострова, чем фактически подтверждал право Израиля на оккупацию западного берега реки Иордан, сектора Газа, Голанских высот. Для возврата Синайского полуострова А. Садат был готов пойти на нарушение общеарабского консенсуса о всеобъемлющем урегулировании арабо-израильского конфликта. «Решение Египта начать двусторонние мирные переговоры с Израилем свидетельствуют, что «государственные интересы и арабские интересы не всегда совпадают даже в решающих вопросах» [11].

Существовало мнение о том, что «Египет стал жертвой американо-израильских манипуляций» [15]. Порвав с СССР, он попал в зависимость от США. Израиль оказался менее сговорчив, чем рассчитывал А. Садат, а США оказались не способными оказать на него давление в пользу компромиссов [15]. Парадоксальным было и то, что документ со стороны Израиля подписал М. Бегин – лидер блока ЛИКУД, требовавшего развития Израиля в библейских границах, то есть с включением Синайского полуострова. В данном случае верх взял определенный политический реализм, сопровождавшийся желанием иметь спокойную и безопасную границу на юге.

В результате А. Садат был вынужден пойти на заключение сепаратного мира, хотя негативные последствия в нем существовали и для самого Египта. Вывод израильских войск с Синайского полуострова должен был проходить в течение трех лет с момента подписания договора, а Каир согласился установить дипломатические отношения с Израилем уже через 9 месяцев и в полном объеме. В противном случае ему пришлось бы возвращаться на прежние сильно ослабленные позиции. Вполне возможно, что А. Садат поехал в Кэмп-Дэвид за журавлем, но вернулся он только с синицей, и именно по этой птице судили о его поездке в арабском мире.

С другой стороны, А. Садат видел, чего арабский мир сумел достичь в отношениях с Израилем за последние 30 лет. Вполне возможно, что он решил попробовать новый путь. К тому же, он вполне мог в дальнейшем создать видимость того, что «его путь был вынужденным» [13].

Какова же была реакция арабского мира на кэмп-дэвидские соглашения?

Кузьмин А. Ю.

КЭМП-ДЭВИДСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В САУДОВСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Радикальные режимы в одночасье без каких-либо видимых колебаний заклеямили документы, подписанные в Кэмп-Дэвиде. Умеренные режимы с некоторыми оговорками, но также, в своем большинстве, осудили действия А. Садата. Таким образом, египетскому президенту не удалось погрузиться в эйфорию по поводу соглашений. Наиболее болезненным для него было то, что от него отвернулись его друзья, а наиболее влиятельным и значительным для него другом была именно Саудовская Аравия.

«Стремление А. Садата играть роль «передового борца» арабского мира стало нервировать саудовскую верхушку. Возвращенный при помощи Саудовской Аравии, он отвел им второстепенную роль в решении ближневосточного вопроса, при этом полностью игнорируя права палестинцев» [10]. Реакция Саудитов вызвала у А. Садата особое раздражение. Он рассчитывал на то, что Саудовская Аравия, явно одобрявшая его отход от курса Г.А. Насера, поддержит и его шаги по нормализации отношений с Израилем, или, по крайней мере, не будет оказывать им активного сопротивления. Но Саудиты твердо заявили следующее: «То, что было достигнуто на кэмп-дэвидской конференции, нельзя считать окончательной формулой для мира. Этих соглашений недостаточно для ухода Израиля со всех оккупированных территорий во главе с Иерусалимом. Мы осуждаем провал в соглашениях гарантий роли ООП в будущих переговорах» [14].

Л.В. Валькова утверждала в этой связи, что «если бы Египет в Кэмп-Дэвиде хотя бы создал видимость решения палестинской проблемы, добился хотя бы освобождения восточной части Иерусалима, где находятся памятники мусульманской культуры, то Саудовская Аравия одержала бы результаты этих переговоров» [8, 89-90].

Данную точку зрения поддерживает и венгерский исследователь Э. Рети: «Саудиты летом 1981 года упрекали Садата не в том, что он признал Израиль, а в том, что он совершенно забыл о нуждах и требованиях арабов. Они выступали за решение палестинской проблемы по плану Фахда за ведущую роль ООП» [8, 92]. Тут же он утверждает: «Король Саудовской Аравии наверняка присоединился бы к Садату, если бы речь шла о более скромном египетском начинании» [8, 92].

Существует несколько высказываний относительно подписанного договора влиятельных саудовских политиков. Например, министр иностранных дел Саудовской Аравии заявил о Кэмп-Дэвиде: «Этот мир ненадежный, чреватый новой войной» [1]. Интересна в свете отношения Саудовской Аравии к Кэмп-Дэвиду и позиция верховного наставника «Братьев-мусульман», находившихся в определенной зависимости от Саудитов: он осуждает действия А. Садата, но при этом пытается убедить арабов не порывать своих связей с Египтом [9].

В середине ноября 1978 г. Саудовская Аравия отказалась принять в Эр-Рияде специального посланника А. Садата, который «намеревался передать египетскую точку зрения на переговоры с Израилем» [4]. Это решение Саудитов подтверждает то, что Саудовская Аравия не одобрила кэмп-дэвидские соглашения. Реакция Саудовской Аравии была вполне естественной, потому что свою собственную политику в ближневосточном регионе они базировали на приверженности исламу и арабскому национализму.

Но при всем при этом, с другой стороны, события конца 1978 – начала 1979 гг. показывают, что Саудиты еще не поставили окончательную точку в отношениях с Египтом. Саудовской Аравии нужна была стабильность в регионе, а отход Египта от общеарабского лагеря мог бы вызвать некоторые изменения на Ближнем Востоке, что, в свою очередь, также не устраивало саудовскую династию. В результате предполагаемого отхода вполне было возможно возрождение и урегулирование отношений между Сирией и Ираном. В дальнейшем это стало особенно актуальным в связи с иранской революцией. Союз данных государств нес новую значительную угрозу Саудовской Аравии, так как он нарушал стабильность в регионе. Революция в Иране страшила Саудитов. Они боялись подобной революции и у себя.

Взвесив все обстоятельства за и против после осуждения Египта, Саудовская Аравия решила все же добиваться того, чтобы А. Садат не пошел на дальнейшие переговоры с Израилем, считая, что вернуть Египет на прежний путь еще есть возможности. Саудиты офици-

ально заявляли о разочаровании, но к этому также добавлялось, что «королевство не вмешивается во внутренние дела страны» [16]. Это давало шанс для нормализации египетско-саудовских отношений в дальнейшем.

В ноябре 1978 г. в Багдаде состоялось совещание глав арабских государств. Главной темой обсуждения стали сепаратные действия А. Садата. Участники совещания призвали египетского президента отказаться от принятого им решения. В этом случае они гарантировали предоставление Египту единовременной финансовой помощи в размере 5 млрд долл. [7]. Но А. Садат проигнорировал этот призыв, вступив тем самым в окончательную и бесповоротную конфронтацию с арабским миром.

В качестве ответной меры участники Багдадского совещания договорились о политических и экономических санкциях против Египта, которые должны были вступить в силу в случае подписания египетско-израильского соглашения. Также на багдадской встрече был создан фонд финансовой помощи государствам, находящимся в прямой конфронтации с Израилем, – Сирии, Иордании и Организации освобождения Палестины. Расходы по данной помощи взяли на себя крупные нефтеэкспортирующие арабские страны. Подобный шаг еще раз подтверждал решимость и последовательность арабского мира в борьбе против Израиля. Нужен был им при этом и Египет.

Но А. Садат решил и дальше действовать исключительно в интересах собственного государства. После этого большинству уже стало ясно, что его уже не свернуть с начатого им пути. Египетский президент не собирался никому уступать. В свою очередь, о своей неуступчивости заявила и Саудовская Аравия: «мы поддержим договор о мире на Ближнем Востоке только в том случае, если в нем будут участвовать все арабские противники Израиля» [18].

26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан мирный договор между Израилем и Египтом. Он предусматривал прекращение состояния войны между двумя государствами и отвод войск с Синайского полуострова, который должен был завершиться, как отмечалось выше, через три года, к апрелю 1982 г. Также он предусматривал полное взаимное признание, установление дипломатических отношений, прекращение экономического бойкота и отказ от возведения дискриминационных барьеров на пути свободного передвижения людей и товаров [5, 195]. Самым тяжелым ударом для всего арабского мира стала шестая статья договора. В ней предусматривался приоритет данного договора над любыми другими договорными обязательствами Египта. Согласившись с данной статьей, А. Садат наиболее отчетливо показал всему арабскому миру, что дружба с Израилем в данный момент для него важнее, чем с арабами.

Египетско-израильский договор юридически закрепил дезертирство Каира с фронта общеарабской борьбы за ликвидацию израильской агрессии. Стремление А. Садата во что бы то ни стало добиться заключения договора с Израилем с целью возвращения Синайского полуострова, дало Тель-Авиву и Вашингтону возможность превратить время в фактор давления на Египет. Из-за своей поспешности А. Садат без всяких условий предоставил Израилю гарантии со стороны США, выразившиеся в заключение соглашения о стратегическом сотрудничестве между ними. Это тем более поставило Египет в неравноправное положение по отношению к другим участникам переговоров.

27 марта 1979 г. в Багдаде состоялась конференция на уровне министров иностранных дел, экономики и финансов, на которой был подписан документ о введении в действие политических и экономических санкций против Египта. В решении багдадской конференции специально оговаривалось, что экономические санкции не должны затрагивать интересы 2 млн. египетских граждан, работающих в арабских странах, поскольку эти санкции направлены непосредственно против политики А. Садата, а не против египетского народа. Конференция осудила политику США в связи с их ролью в заключении египетско-израильского договора.

Непосредственно решения конференции предусматривали следующее: прекращение финансовой, материальной или технической помощи; отказ от займов Египту; отказ от еги-

Кузьмин А. Ю.

**КЭМП-ДЭВИДСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ
В САУДОВСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

петских акций и облигаций; отказ от поставок в Египет нефти и нефтепродуктов; запрет на торговлю с египетскими организациями, сотрудничающими с Израилем. Решения Багдадской конференции были поддержаны всеми арабскими странами, за исключением Омана и Судана. Египет был исключен из всех межарабских финансовых и экономических организаций и фондов, приостановлено его членство в ЛАГ и ОПЕК. Штаб-квартира Лиги арабских государств была перенесена из Каира в Тунис.

Саудовская Аравия так же, как и большинство других арабских стран, заняла резко отрицательную позицию по отношению к действиям египетского президента, но, согласившись с решениями багдадского совещания, она особенно подчеркнула, что санкции направлены не против египетского народа, который, с ее точки зрения, также стал заложником египетско-израильского договора. Это было очень значимо в связи с тем, что в Саудовской Аравии работало много египтян. Их не должны были коснуться изменения в отношениях между двумя государствами. 24 апреля 1979 г. Саудовская Аравия прекратила оказывать Египту экономическую помощь [6].

Египетско-израильский договор затрагивал не только интересы арабского мира в целом, но и интересы самой Саудовской Аравии. Дело состояло в том, что Саудовское королевство в период потепления между двумя государствами передало Египту два своих острова – Сенафир и Тиран, что должно было способствовать укреплению блокады Израилю. Согласившись на мирное урегулирование с Израилем, Египет должен был по всем принятым международным правилам сразу вернуть эти острова Саудовской Аравии. Вместо этого он пошел на явное нарушение всех правил, предоставив их в распоряжение Израиля [2]. Это привело к еще большему ухудшению отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валькова, Л. В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика / Л. В. Валькова. – М.: Наука, 1987. – С. 83.
2. Валькова, Л. В. Внешняя политика Саудовской Аравии в 70-80-е годы: дис. ... д-ра ист. наук / Л. В. Валькова. – М., 1988. – С. 245.
3. Глухов, Ю. В. Выстрелы на параде / Ю. В. Глухов. – М.: Советская Россия, 1983. – С. 54.
4. Закир, Ш. Американская политика в Персидском заливе / Ш. Закир. – Бейрут, 1989. – С. 64.
5. Князев, А. Г. Египет после Насера. 1970 – 1981 / А. Г. Князев. – М.: Наука, 1986. – С. 194-195.
6. Кошелева, Е. С. «Еврейский вопрос» Саудовской политики в 70-е годы XX века. Научные труды МПГУ / Е. С. Кошелева. – М., 2005. – С. 352.
7. Народы Азии и Африки. – М., 1981.
8. Проблемы современной советской арабистики. Вып. 1. – Ереван: Ереванский университет, 1988. – С. 89-90.
9. Трофимов, Д. А. Исламский фундаментализм в политической жизни Египта / Д. А. Трофимов. – М.: Изд-во МГИМО, 1991. – С. 135.
10. Турсунов, Р. М. Саудовская Аравия в межарабских отношениях в период 1964 – 1975 годов / Р. М. Турсунов. – Ташкент: Ташкентский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1987. – С. 29.
11. Vamett M. N. Sovereignty, nationalism and regional order in the Arab states system. Cambridge: Harvard univ. press, 1995. – P. 502.
12. Bickerton Jan J. The Arab – Israeli Conflict. A History. L., 2009. – P. 121.
13. Bill J. A. The middle East: politics and power. – Boston: Allyn and Baron, 1977. – P. 152.
14. Friendlander A.. Sadat and Begin. – Colorado: Westview press, 1983. – P. 244.
15. Quandt W. The Middle East^ Ten years after Camp David. – W.: The Brooklings inst., 1988. – P. 127.
16. Quandt W. Camp David: peacemaking and politics. – W.: The Brookling inst., 1986. P. 325.
17. Search for Peace in the Middle East. Documents and Statement. 1967 – 1979. – W/ Gov. print off., 1979/ – P. 180.
18. Times. L. 18.3.1979.

Осинцева Н.С.
N.S. Osintseva

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН АЗИАТСКО – ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В ОБЛАСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)¹

COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE ASIA – PACIFIC REGION IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (EXAMPLE OF KHABAROVSK KRAI)

Осинцева Наталья Сергеевна - аспирант кафедры истории и архивоведение Комсомольского - на - Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 89243148558. E-mail: osintsevma@mail.ru.

Ms. Natalia S. Osintseva - PhD Candidate, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel.: + 79243148558. E-mail: osintsevma@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трудовой миграционной политики России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Выявлены правовые основы сотрудничества и проблемы, осложняющие взаимоотношения России и стран АТР в области трудовой миграции в начале XXI века. Предлагаются меры, направленные на усовершенствование механизма регулирования трудовой деятельности мигрантов на российском Дальнем Востоке.

Summary. The paper considers some special aspects of labor migration policies in Russia and in Asia-Pacific countries. Identified are the legal basis for cooperation and the problems that complicate relationships between Russia and the PAR countries in the field of labor migration in the early XXI century. Measures are proposed to improve the mechanism of state control over labor migrants' life and work in Russia's Far East.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовой мигрант, межправительственное соглашение, реадмиссия, незаконная миграция.

Key words: immigration policy, migrant worker, an intergovernmental agreement, readmission, and illegal migration.

УДК 94 (5)

Миграционные связи, и в первую очередь, трудовые имеют огромное значение для приграничных территорий нашей страны, к ним относится Хабаровский край, расположенный в Дальневосточном Федеральном округе. Это объясняется тем, что в крае наблюдается снижение численности трудового населения. Согласно сведениям всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Хабаровского края постоянно проживало 1,436 тыс. человек [1]. По данным Правительства Хабаровского края в 2010 г. численность населения края составила 1,343 тыс. человек [2]. Следовательно, с 2002 по 2010 гг. численность населения сократилась на 93 тыс. человек.

¹ Научные исследования проведены при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0958.

Осинцева Н.С.

**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН АЗИАТСКО – ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В ОБЛАСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)**

Для Хабаровского края характерен высокий миграционный отток населения. К сожалению, край стремятся покинуть жители в самом трудоспособном возрасте – от 20 до 40 лет. По уровню образования люди, имеющие высшее и незаконченное высшее образование [2, 33]. Следовательно, край теряет преимущественно молодых, трудоспособных, квалифицированных специалистов. В связи с этим представляется целесообразным развитие сотрудничества со странами АТР в области трудовой миграции.

В 2000-2008 гг. была сформирована нормативно-правовая база сотрудничества между Россией и странами АТР в сфере миграции. В ее основу легли межправительственные соглашения «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в России» (ноябрь 2000 г.) [3], «О временной трудовой деятельности вьетнамских граждан в России» (август 2003 г.) [4], «О временной трудовой деятельности вьетнамских граждан в России и российских граждан во Вьетнаме» [5], «О сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией» [6], «О реадмиссии» (2008 г.) [7], «О временной трудовой деятельности северокорейских граждан в РФ» (август 2007 г.) [8].

Осуществление трудовой деятельности иностранцев в Хабаровском крае реализуется через распределение квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. Основным поставщиком иностранной рабочей силы из стран АТР является Китай. Так, в 2010 г. - 36% разрешений на работу выдано китайским рабочим, северокорейцам – 8,5 %, вьетнамцам - 5 % [9].

Трудовая миграция из Вьетнама незначительная. Это обусловлено географической удаленностью Вьетнама от России, большими затратами на билеты для вьетнамцев [3, 38].

Миграционные связи между российским Дальним Востоком и КНДР развиваются слабо. Это связано с тем, что корейцы приезжают на Дальний Восток с целью заработать деньги и вернуться с ними на родину. Не способствует привлечению корейских трудовых мигрантов в край и отсутствие корейских инвестиций в дальневосточную экономику [1, 6].

Иностранцы используются в основном на неквалифицированной работе в сельском хозяйстве, торговле, строительстве и обрабатывающей промышленности [10].

Фактором, осложняющим сотрудничество является проблема нелегальной миграции. На территории России находится около 50-60 тыс. нелегальных мигрантов из Вьетнама, Китая [4, 121].

Механизм регулирования миграционных процессов между РФ и странами АТР нуждается в совершенствовании, как на федеральном, так и региональном уровне.

Российским властям необходимо проводить дифференцированную иммиграционную политику по отношению к странам Азиатско-Тихоокеанского региона в зависимости от географического положения страны, ее трудового потенциала.

Российскому руководству в ходе диалога на высшем уровне необходимо убеждать лидеров стран поставщиков трудовых мигрантов брать ответственность за координацию действий в сфере не только борьбы с незаконными мигрантами, но и принимать меры по предотвращению этих потоков. Российские представители должны настаивать на том, чтобы депортация нелегалов-иностранцев должна производиться за счет государства, проживания иностранца.

Региональным властям следует воспользоваться опытом США и привлекать в экономику края больше высококвалифицированных иностранных специалистов [5, 79], что позволит развивать высокотехнологические и наукоемкие отрасли производства.

Необходимо создавать благоприятные социально-экономические условия в крае, например, модернизация производственного оборудования, развитие транспортной инфраструктуры, чтобы иностранная миграция стала доступной для жителей отдельных стран АТР таких, как Вьетнам, КНДР.

Таким образом, сотрудничество России и стран АТР по направлению трудовая миграция является сегодня перспективным. Однако Россия не будет являться приоритетной страной для трудоустройства высококвалифицированных специалистов из стран АТР до тех пор,

пока не завершится процесс правового обеспечения иммиграционной политики и модернизации российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забровская, Л. В. Трудовая миграция из КНДР в Россию / Л. В. Забровская // Проблемы Дальнего Востока. - 2005.- № 5. - С. 6-8.
2. Ларин, В. Л., Ларина Л. Л. Внешняя политика России, безопасность и сотрудничество в АТР в зеркале общественного мнения (по результатам опроса жителей Дальнего Востока, 2010 г.) / В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина // Россия и АТР. - 2011.- № 1.- С. 31-34.
3. Рязанцев, С. В., Кузнецов, Н. Г. Как России использовать миграционный потенциал Вьетнама. / С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов // Азия и Африка сегодня.- 2011.- № 7.- С. 33-35.
4. Ивахнюк, И. В. Закрытые и открытые двери для трудовых мигрантов / И. В. Ивахнюк // Международная жизнь. - 2009. - № 8. - С.117-127.
5. Кучеренко, А. Контроль над миграционными процессами в США: тенденции эволюции / А. Кучеренко // Мировая экономика и международные отношения.- 2009. - №2. - С. 75-83.

Примечания

1. Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>
2. Общие сведения. Население и трудовые ресурсы. Численность населения. Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru
3. http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/010/2005810132351_1310846.htm
4. <http://lawru.info/base60/part4/d60ru4363.htm>
5. <http://mirpal.org/material.htm>
6. http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf
7. <http://www.fms.gov.ru/about/cooperation/899/details.htm>
8. <http://www.mcftr.ru/journals.htm>
9. Информация о трудовой миграции и использовании иностранной рабочей силы в Хабаровском крае в 2010 году. Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru
10. Информация о привлечении иностранной рабочей силы. Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/vac_info_260810_3.htm.

Яхимович С. Ю.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)

Яхимович С. Ю.

S.Yu.Yakhimovitch

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ
СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

**THE BOLSHEVIST PARTY ORGANIZATION AS PART
OF THE SOVIET COMMUNITY IN THE NORTHERN MANCHURIA (1924 – 1931 гг.)**

Яхимович Сергей Юрьевич – аспирант Дальневосточного государственного гуманитарного университета, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Mr. Sergey Yu. Yakhimovitch – PhD Candidate, the Far Eastern State University of Humanities; Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities, the Far-Eastern Judicial Institute under the Internal Affairs Ministry of the Russian Federation, (city of Khabarovsk). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы структурного устройства, реорганизационных и численных изменений североманьчжурской большевистской партийной организации. Даётся анализ её задач и внутреннего состояния в 1924 – 1931 гг.

Summary. The paper considers the issue of the structure, reorganization and changes in numbers of the North Manchurian Bolshevik party organization. The analysis is provided of its problems and internal state in 1924 – 1931.

Ключевые слова: Северная Маньчжурия, харбинское губернское бюро РКП(б), Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б), ячейка, райком.

Key words: Northern Manchuria, Harbin provincial bureau of the Russian Communist Party of Bolsheviks, North Manchurian committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, party cell, party district committee.

УДК 951.06

После заключения в 1924 г. советско-китайских соглашений о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) в Северной Маньчжурии образовалась большая советская колония. В 1920-х гг. её численность составляла более 50 тыс. чел. [20, 6; 21, 2], и она существовала бок о бок с российской эмиграцией до 1935 г. Принявшие в Северной Маньчжурии подданство СССР россияне питали к новой власти на родине противоречивые чувства. В такой ситуации перед советским руководством стояла задача по формированию из этой пёстрой массы людей единой колонии советских граждан, пропитанной новыми мировоззренческими ценностями. Тактические ходы для её решения заключались в том, что советские подданные должны были ощущать на себе идеологический прессинг и контроль со стороны советской власти и постепенно, особенно молодёжь, подвергаться советизации. Данная задача напрямую возлагалась на североманьчжурский партийный аппарат, который также должен был контролировать, совместно с другими уполномоченными на то органами, советские хозяйствующие субъекты в регионе. Целью статьи является рассмотрение структуры, функциональных задач, численности и деятельности североманьчжурской партийной организации, как руководящего элемента колонии советских граждан на Северо-Востоке Китая. Хронологические рамки статьи определены интервалом от закрепления прав СССР на совладение КВЖД в 1924 г. до оккупации Маньчжурии японскими войсками в конце 1931 г.

Деятельность основной советской коммунистической организации в Северной Маньчжурии в 1924 – 1931 гг. хронологически можно разделить на несколько коротких этапов. Первый (1924 – начало 1926 гг.) связан с подготовкой и закреплением прав СССР на КВЖД и работой харбинского губбюро РКП(б); на второй этап (1926 – 1929 гг.) приходится преобразование губбюро в Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б) и укрепление парторганизации на фоне постоянной эскалации советско-китайских конфликтов на линии дороги; третий (1930 – конец 1931 гг.) – постконфликтное время восстановления практически разгромленного в 1929 г. СМК. Последующий, четвёртый этап (1932 – 1935 гг.) охватывает работу парторганизации в Маньчжоу-Го в условиях фактической японской оккупации региона и свёртывания деятельности СМК ВКП(б) ввиду продажи КВЖД.

Внутреннее устройство советской колонии напоминало государственную модель СССР, и РКП(б) – с декабря 1925 г. – ВКП(б) [5, 544], – для её жизнедеятельности отводилась роль руководящего и пропагандистского звена. Помимо, собственно, большевистской партии, на территории Северной Маньчжурии действовал целый ряд подотчётных ей коммунистических и советских общественных организаций: комсомольские, пионерские, профсоюзные, женские и др. Все они имели частные и общие задачи, среди которых агитационной и разведывательной работе отводилось не последнее место [4, 136-143]. Немногочисленная большевистская организация в зоне КВЖД (Харбинская группа РСДРП) существовала с 1905 г., и наибольшую революционную активность она проявила в 1917 – 1918 и 1920 гг. [7, 2-27 об.; 2, 27-94]. С 1924 г. большевистская организация, тогда официально именовавшаяся харбинским губернским бюро (губбюро) РКП(б), вошла в новую фазу активных действий на линии КВЖД и в прилегающих районах. Нелегальное положение советских политических организаций в Северной Маньчжурии исходило из советско-китайских дипломатических договорённостей. Согласно статьям шестой пекинского и пятой мукденского договоров, в Китае и на территории Трёх Восточных провинций (ТВП) в Маньчжурии (фактически независимых от Пекина с 1922 г. [1, 528-529; 3, 15]) запрещались коммунистические организации и пропаганда их идей даже среди совграждан [29, 83, 97], что значительно затрудняло работу РКП(б) среди советской колонии.

Основные функции североманьчжурской коммунистической организации, помимо общего руководства советской колонией, исходили из задач, возлагавшихся на неё. Важнейшими из них были: пропаганда коммунистических идей среди советских граждан, русских эмигрантов и китайского населения (в основном через распространение соответствующей литературы в Северной Маньчжурии); помощь в сборе разведывательной информации на китайской территории; организация боевой работы среди совграждан на случай вооружённых конфликтов в регионе; борьба с белоэмигрантскими организациями и формированиями; налаживание необходимой и выгодной для СССР финансово-экономической деятельности КВЖД и других совхозорганов; усиление коммунистической, комсомольской и профсоюзных организаций с целью массовой советизации новых граждан СССР [30, 30-36]. Почти все эти задачи, как и существование самой парторганизации, изначально носили негласный характер.

Руководство большинством североманьчжурских советских коммунистов, сгруппированных на линии КВЖД, было возложено на губбюро харбинской организации РКП(б). Оно напрямую подчинялось ЦК партии и Дальневосточному краевому комитету (ДКК) РКП(б) в Хабаровске, которые утверждали и направляли для работы в губбюро руководящий состав и определяли стратегию его действий. Диссонанс в деятельность губбюро в районе КВЖД вносил тот факт, что оно руководствовалось, в основном, директивами из Далькрайком, а руководство дороги – главным образом, из Москвы через консульства в Китае, что требовало времени на корректировку указаний [23, 25 об.]. Особую и более детальную руководящую роль в работе парторганизации Северной Маньчжурии в силу не только организационно-партийной соподчинённости, но и территориальной близости играл ДКК ВКП(б) [13, 12-13; 14, 34-34 об.; 16, 2].

Яхимович С. Ю.

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

Структурное устройство североманьчжурской парторганизации определялось его задачами и включало семь отделов: агитационно-пропагандистский, оперативно-технический, отчётно-финансовый, учётно-статистический, общих дел, организационное бюро и секретариат. Работа отделов была разбита на два основных сектора – особый (отвечавший за вопросы связи) и военный [4, 138-140; 22, 13-15]. Аппарат руководства харбинского губбюро РКП(б) к 1925 г. состоял из ответственного секретаря, его заместителей – заведующего организационной работой, заведующего агитационной работой, а также управляющего делами, машинистки и курьера [24, 153]. Большинство партийных руководящих кадров, работавших в Северной Маньчжурии, были законспирированы и проходили в сводках и отчётных документах под псевдонимами. В 1924 – начале 1926 гг. секретарём харбинского губбюро был Е.И. Накоряков, который до своего отъезда в апреле 1924 г. на VI Дальневосточную партконференцию и XIII съезд РКП(б) проходил под фамилией Кулаков, а после возвращения в Харбин с июня этого же года уже под фамилией Владимиров [23, 45; 24, 27, 56, 63]. Особым решением бюро Далькрайкома от 5 февраля 1926 г. новым секретарём харбинского губбюро ВКП(б) был назначен Я.К. Кульпе (т. Андрей) [12, 34], который нелегально возглавлял партийную организацию в Северной Маньчжурии до октября 1928 г. под видом представителя транспортного кооператива «Центросоюза» Адама Остеля [6, 415-420].

Харбинское губбюро РКП(б) подразделялось не городские ячейки (горячейки) партии, но их количество и устройство всей парторганизации неоднократно изменялись. Каждая ячейка разбивалась на пятёрки («пятки» по партийной терминологии), руководимые «пятководами». К весне 1925 г. на КВЖД действовало 32 городских ячейки (19 в Харбине и 13 на линии дороги) [24, 151-152]. На закрытом заседании ДКК ВКП(б) 24 апреля 1926 г. харбинское губбюро было переименовано в Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б) в связи с административно-территориальным и партийным районированием на Дальнем Востоке [8, 3; 24, 9]. Аббревиатура «СМК» закрепилась за всей североманьчжурской коммунистической организацией [9, 2]. Дальбюро своим решением от 28 марта 1927 г. для управления руководством СМК утвердил 17 членов и 2 кандидатов, из которых формировалось бюро в составе 5 членов и 2 кандидатов. При СМК так же, как и при губбюро, утверждалась контрольная комиссия (СМКК) ВКП(б) во главе с уполномоченным от контрольной комиссии Дальбюро (т. Леонтий) и его заместителем (Берзин), выполнявшая надзорные и ревизионные функции в отношении советских коммунистических организаций в Северной Маньчжурии [13, 13; 4, 139]. В результате районирования, низшим звеном в структуре СМК ВКП(б) оставались партийные ячейки (делились на звенья – пятёрки), но сведённые в 9 райкомов [12, 44, 58, 73; 22, 13]. По данным уполномоченного Дальневосточной краевой контрольной комиссии (ДККК) ВКП(б) т. Букау, инспектировавшего СМК в начале 1929 г., в Харбине имелось 14 первичных ячеек, и ещё 15 по линии дороги [15, 32]. Всего же девяти райкомам подчинялись 124 низовых ячейки [30, 10-14].

Важно заметить, что в прямое подчинение СМК не входили партийные ячейки советских дипломатических представительств и некоторых хозяйственных учреждений, пользовавшихся относительным правом экстерриториальности в ТВП и имевшими свои парторганизации, подчинявшиеся бюро заграничных ячеек (БЗЯ) ЦК РКП(б). К ним принадлежали члены партии консульств СССР, Дальбанка, «Торгпредства», «Совторгфлота» и некоторых других хозорганов [23, 51; 24, 98-99, 152]. Хотя они тесно взаимодействовали с СМК, последний не мог вмешиваться во внутренние дела этих партячеек [13, 9]. Ввиду малочисленности комячеек этих организаций, для удобства их сводили под партийное руководство одного из учреждений. Например, к середине 1931 г. в партийную ячейку «Торгпредства» входили также коммунисты «Совторгфлота», «Госторга», «Текстильного синдиката» и коммерческого агентства Уссурийской железной дороги [27, 129]. Количество партийцев ведущих совхозорганов, подчинявшихся БЗЯ, было невелико, в 1925 – 1931 гг. от 40 до 90 чел. [23, 51; 27, 127-130; 15, 39-49].

Напротив, динамика численности североманьчжурской парторганизации в зоне КВЖД имела тенденцию к постепенному увеличению вплоть до вооружённого советско-китайского столкновения в 1929 г. Так, на момент заключения пекинского договора 31 мая 1924 г. членов РКП(б) здесь числилось 340 чел., а весной 1929 г. – 851 чел. (520 действительных членов ВКП(б) и 331 кандидат в члены партии) [24, 52; 15, 31]. По социальному положению в январе 1925 г. из 378 членов ВКП(б) рабочих было 216 чел., служащих и прочих категорий – 162 чел. [24, 152]. На начало 1929 г. из 761 членов партии (из которых 77 женщин) рабочими являлись 53,6 %, служащими – 41,9 %, остальные составили 4,5 % [15, 31]. В ходе конфликта 1929 г. североманьчжурская парторганизация сильно пострадала. В начале 1930 г. её численность составляла всего 271 чел., но в течение постконфликтного восстановительного процесса уже на 1 мая 1931 г. в рядах местной организации ВКП(б) состояло 556 чел. – 491 действительных членов и 65 кандидатов партии [27, 118]. Далькрайком ВКП(б) контролировал состав коммунистов СМК «при условии соблюдения полной конспирации и удлинения сроков проведения переписи против общеустановленных ЦК ВКП(б)» [10, 190; 11, 27].

Далькрайком указывал на необходимость укрепления партийной дисциплины и повышения бдительности, что повлекло первую крупную «чистку». «В целях очистки парторганизации от провокаторов и неустойчивых элементов, СМ бюро [должно – С.Я.] разработать порядок проверки всей организации» – указывалось в постановлении Дальбюро партии за 10 июня 1929 г. [14, 34-34 об., 51]. Ужесточение полицейского режима и ряд провалов в работе партийных органов в ТВП привели к тому, что Далькрайком тем же постановлением от 10 июня принял решение о реорганизации СМК ВКП(б). Северо-Маньчжурский комитет в старом составе распускался, а руководство им возлагалось на вновь созданное бюро СМК из 5 человек, в связи с чем из Хабаровска в Харбин командировались два работника [14, 34]. Ввиду обострения обстановки на КВЖД Далькрайком в июле 1929 г. поставил во главе Северо-Маньчжурской парторганизации «руководящую парттройку в составе т. Юрия – секретаря и тт. Филипповича и Цицеры – членами», а профсоюзный «Дорожный комитет утвердить в составе тт. Филипповича, Короля и Беспалова» [14, 14, 50].

Помимо уже имевшихся руководящих органов СМК и СМКК ВКП(б), параллельно им создавался ещё один партийный надзорный институт на территории ТВП. Это так называемая «четвёрка», куда входило высшее советское руководство КВЖД и консульских учреждений СССР в Маньчжурии. Она должна была рассматривать все партийно-хозяйственные вопросы. В 1930 – середине 1931 гг. «четвёрка» состояла из советского генконсула в Харбине Б.Н. Мельникова, управляющего КВЖД Ю.В. Рудого, товарища председателя правления дороги А.И. Емшанова и т. Кузнецова [27, 126]. В критический период отсутствия отозванного в начале 1931 г. в Хабаровск секретаря СМК ВКП(б) А.А. Френкеля, фактически временное руководство Северо-Маньчжурским комитетом взяла на себя «тройка», полностью состоявшая из членов «четвёрки» – Б.Н. Мельникова, А.И. Емшанова и Ю.В. Рудого [28, 8]. Ещё одним совещательным органом являлось политическое бюро, в которое входило 9 представителей от ведущих советских хозяйственных учреждений, профсоюзов, СМК и СМКК ВКП(б). Политбюро должно было следить за реализацией политической линии ЦК партии среди коммунистов и бороться с «уклонами» [30, 10-14].

Во время конфликта 1929 г. на КВЖД партийная организация оказалась на грани разгрома, а многие её члены были либо депортированы в СССР, либо арестованы и отправлены в концентрационные лагеря или ушли в глубокое подполье. Однако после победы советских войск, в 1930 г. прежнее положение вещей в Северной Маньчжурии было восстановлено и парторганизация начала постепенно восстанавливаться путём привлечения в свои ряды новых членов взамен большинства не вернувшихся из Советского Союза депортированных коммунистов. Это вызвало омоложение партийных кадров СМК и привлечение в члены и кандидаты ВКП(б) людей менее опытных в вопросах подпольной работы, партийной дисциплины и личной стойкости в условиях полицейского режима [19, 5-8, 241-242, 251-254]. Участились

Яхимович С. Ю.

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

случаи самовольного выезда в СССР рядовых и руководящих членов СМК, что было категорически запрещено делать без разрешения Далькрайкома или ЦК партии [16, 2; 19, 239].

Процессы, происходившие в Советском Союзе и внутри партии большевиков, нашли отражение в эволюции советской колонии в Северной Маньчжурии и, в первую очередь, во внутрипартийных отношениях среди членов СМК. На начальной фазе присутствия СССР на КВЖД наблюдалось относительное единство организации с немногочисленными «уклонами» от директив, спускавшихся для СМК из ЦК и ДКК ВКП(б). В середине 1925 г. под влиянием противоречий с мукденскими властями среди части партийцев возобладало мнение о решительном отпоре китайцам, вплоть до вторжения Красной Армии с целью закрепления на КВЖД и оказания помощи китайской революции [23, 49 об.-50]. Нарастание конфликтных ситуаций на КВЖД ещё больше усилило ура-патриотические настроения среди членов СМК. Дальбюро ВКП(б) на заседании в марте 1927 г. заявляло уже о «красном шовинизме» и чересчур агрессивных выпадах большинства членов североманьчжурской парторганизации и рабочих в сторону мукденской администрации и китайцев вообще, что выражалось в лозунгах, в роде – «Бей китайцев!», «Даёшь дивизию!». Руководство СМК нередко закрывало на это глаза, практически не проводя разъяснительной работы среди членов партии по данному вопросу, что, в свою очередь, давало лишний повод Чжан Цзолиню к репрессиям против совграждан на линии дороги [13, 6-7].

Нелегальное положение, в котором пребывала советская парторганизация в ТВП, выявило одну из особенностей её внутрипартийного самоуправления, состоявшего в незначительности демократических начал и дискуссий, которые в Советском Союзе ещё допускались в середине 1920-х гг. Ещё в марте 1925 г. Е.И. Накоряков писал о том, что вводить внутрипартийную демократию как в ВКП(б) в Северной Маньчжурии нет возможности, т.к. здесь, без всяких послаблений, необходима твёрдая руководящая роль губбюро [24, 153]. Этим во многом объясняется отсутствие принципиальных расколов в парторганизации и незначительности серьёзных «уклонов». После советско-китайского конфликта 1929 г. внутри СМК сложилась наиболее нездоровая обстановка. Секретарь парторганизации А.А. Френкель и его сторонники не нашли общего языка со многими высшими должностными лицами советской администрации КВЖД и «четвёркой» [27, 117-118]. Этот межличностный конфликт, подогретый склоками и сплетнями среди высокопоставленных партийных функционеров, взаимными обвинениями в троцкизме, бухаринском «правом уклоне», корыстолюбии и «обуржуазивании», породил так называемую «войну компроматов». Письма с упреками в адрес оппонентов и доносы посыпались из Северной Маньчжурии в ДККК и ЦКК ВКП(б) как из рога изобилия [27, 4-85].

Подобная обстановка нервозности, попытки игнорирования руководящей роли Далькрайкома ВКП(б), а также «несоветское поведение» части партийцев во время конфликта инспирировали партийные «чистки» в СМК ВКП(б). Массовые партийные проверки СМК проходили в первой половине 1929 и в 1931 гг. Для этих целей ДККК ВКП(б) по прямому распоряжению Центральной контрольной комиссии партии сформировала парттройки для проверки членов ВКП(б), работающих в советских органах Маньчжурии [33, 145; 17]. Итогом проверок 1929 и 1931 гг. было подтверждение членства в ВКП(б) многих рядовых партийцев СМК, за исключением скомпрометировавших себя. В свою очередь, несогласие с решением парттроек по проверке членов СМК вызвало случаи так называемого «невозвращения» в Советский Союз тех, кто должен был вернуться на родину. Среди них были как рядовые члены партии, так и обличённые властью старые большевики и даже чекисты [25, 192 об.; 26, 114-115; 27, 126].

После снятия в начале 1931 г. с поста секретаря СМК ВКП(б) А.А. Френкеля на заседании бюро Далькрайкома 9 марта 1931 г. ЦК партии утвердил на эту должность т. Невлера, а также ввёл помимо него в бюро СМК тт. Ганина, Митяева и кандидатов – тт. Кочкарёва и Занояна. В состав бюро вошли также тт. Малиновский, назначенный в январе 1931 г. на должность председателя профсоюза железнодорожников КВЖД, и Николаев, ставший заве-

дующим организационной работой СМК [16, 2, 9, 76]. В середине 1931 г. в Москву были отозваны два члена «четвёрки» – Емшанов и Мельников. Несмотря на это, начались трения уже среди нового руководства СМК – Невлером и Николаевым [27, 120, 132, 143]. Осложнение политической ситуации на Северо-Востоке Китая в начале 1930-х гг., выразившееся в новых провокациях гоминьдановских властей, и усиление в регионе Японии вызвали к жизни директивы ЦК ВКП(б) о более энергичной боевой и разведывательной работе, возложенной на СМК руководством партии и Коминтерном [27, 119].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что большевистская партийная организация в Северной Маньчжурии, находясь на нелегальном положении, развернула активную пропагандистскую деятельность по советизации местной колонии граждан СССР, одновременно выполняя функции разведывательно-боевого характера. Особенности структурного устройства и строгой дисциплины в подпольном режиме позволили избежать организации внутрипартийной борьбы, однако в ходе советско-китайского вооружённого конфликта 1929 г. СМК ВКП(б) был фактически разгромлен. Это обстоятельство и «война компроматов» в начале 1930-х гг. инспирировали партийные «чистки» рядов и омоложение кадров североманьчжурской парторганизации. Оккупацию региона японскими войсками в конце 1931 – начале 1932 гг. она встретила заметно обновлённой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварин, В. Империализм в Маньчжурии. Т. 2 / В. Аварин. – М.: ОГИЗ, 1934. – 560 с.
2. Андреев, Г. И. Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. / Г. И. Андреев. – Новосибирск: Наука, 1983. – 142 с.
3. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920 – 1950-е гг. / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.
4. Балакшин, П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1 / П. П. Балакшин. – Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Книгоиздательство Сириус, 1958. – 430 с.
5. Большая советская энциклопедия (в 30 т.) / Т. 12. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 624 с.
6. Голубев, Е. П. Миссия «товарища Андрея» / Е. П. Голубев // Ленинская гвардия на Дальнем Востоке. – Хабаровск: Книжное издательство, 1970. – С. 415-433.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р – 6081, оп. 1, д. 146.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. П – 2, оп. 1.
9. ГАХК, ф. П – 2, оп. 1, д. 8.
10. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 9.
11. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 11.
12. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 12.
13. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 51.
14. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 143.
15. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 157.
16. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 269.
17. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 424, св. 62.
18. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 594, св. 107.
19. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 708.
20. Там же, ф. Р – 830, оп. 1, д. 218.
21. Там же, ф. Р – 849, оп. 1, д. 23.
22. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925 – 1932) / Г. В. Мелихов. – М.: Русский путь; Вико-М, 2007. – 320 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 31, д. 17.
24. РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 53.
25. Там же, ф. 613, оп. 2, д. 62.
26. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 50.
27. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 51.
28. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 194.
29. Советско-китайские отношения. 1917 – 1957. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 468 с.
30. Шишкин, П. П. Большевизм в Китае. Ч. 1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурской коммунистической партии / П. П. Шишкин. – Шанхай: Время, 1930. – 160 с.

Кравец Г. В.
G. V. Kravets

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГОВ В ПЕРИОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

BUILDING SOCIAL-COMMUNICATIVE COMPETENCE IN UNIVERSITY STUDENTS OF PSYCHOLOGY

Кравец Галина Васильевна – старший преподаватель кафедры психологии развития и образования Марийского государственного университета (Россия, Йошкар-Ола). E-mail: sfera04@mail.ru.

Ms. Galina V. Kravets – Senior Lecturer, Department of Developmental and Educational Psychology, Republic of Mari-El State University (city of Ioshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: sfera04@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются теоретический и экспериментальный подходы автора к проблеме формирования социально-коммуникативной компетентности будущих психологов в условиях модернизации современной высшей школы. Под социально-коммуникативной компетентностью (СКК) понимается интегративное свойство личности, обеспечивающее её социально-коммуникативную успешность. Экспериментально доказывается эффективность формирования СКК средствами социально-психологических тренингов.

Summary. The article deals with the author's theoretical and experimental approaches to the problem of developing social communicative competence of university students in the context of modernization of Russia's higher education. The term "social communicative competence" (SCC) refers here to an integrative personal quality ensuring the one's social communicative success. The effectiveness of the SCC's development by means of social psychological training is proved experimentally.

Ключевые слова: компетенции и компетентности, социально-коммуникативная компетентность, компетентностный подход, социально-психологические тренинги, рефлексивность, эмпатия, субъективная локализация контроля, способность самоуправления.

Key words: competences and competencies, social and communicative competence, competence-based approach, social psychological training, reflexiveness, empathy, subjective locus of control, self-management ability.

УДК 378

Повышение качества современного образования – одна из актуальных проблем для всего мирового сообщества. В процессе реализации «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» произошла резкая переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся [2, 7], а компетентностный подход предполагает значительное усиление практической направленности образования. Новый Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в требовании к разработке общих образовательных программ нацеливает вузы на «формирование социально-личностных компетенций выпускников, например, компетенций социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельного характера» [6, 4]. Компетенции в цитируемом документе определены как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в

определенной области [6, 2]. В то же время анализ литературы показывает всю сложность, многомерность и неоднозначность трактовки как самих понятий компетенция, компетентность, так и основанного на них компетентного подхода к процессу и результату образования. В связи с этим И. А. Зимняя указывает на необходимость продолжения широкого системного как теоретико-методологического, так и эмпирического изучения данных вопросов [2, 7], что и определило область наших научных интересов.

Существующие в современной педагогической и психологической литературе определения понятий компетенция и компетентность имеют нестрогий характер и отличаются по объему, составу, семантической и логической структуре. Одни авторы употребляют их как слова-синонимы, обозначающие действенность системы знаний. Другие авторы разводят эти понятия по разным основаниям. Большинство исследователей рассматривают компетентность по сравнению с компетенцией как более широкое понятие. «Оно включает, – пишет И. А. Зимняя, – наряду с когнитивно-знаниевым мотивационный, отношенческий, регулятивный компоненты» [2, 17]. Компетенция, это «программа», на основе которой развивается компетентность. Следовательно, компетентность и компетенции выступают как взаимоподчиненные компоненты активности субъекта. Компетенцию мы рассматриваем как потенциальную активность, готовность и стремление субъекта к определенному виду деятельности. Компетентность – как проявленные на практике стремление и способность (готовность) личности реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая её социальную значимость и личную ответственность за результаты своей деятельности и необходимость её постоянного совершенствования.

Поскольку для практического психолога образования общение является и основным «инструментом», и содержанием профессиональной деятельности, эффективность последней обуславливается компетентностью в общении (включающей коммуникативную, перцептивную и интерактивную компетентности) во взаимосвязи с личностными, психологическими и общесоциальными компетентностями. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о социально-коммуникативной компетентности, включающей в себя все вышеназванные компоненты.

Анализ различных теоретических позиций в определении места социально-коммуникативной компетентности в структуре общей профессиональной компетентности показывает, что профессиональное общение признается всеми исследователями важной стороной любой деятельности, обеспечивающей достижение высоких результатов деятельности благодаря конкретным коммуникативным умениям и навыкам (работа в команде, разрешение конфликтных ситуаций, способность к взаимодействию, сотрудничеству и т.д.). Осмысление социально-коммуникативной компетентности в качестве подструктуры других видов компетентности, на наш взгляд, подчеркивает не ее зависимое, второстепенное положение в структуре профессиональной компетентности, а наоборот, зависимость отдельных видов компетентностей от способностей и умений осуществлять незатрудненное общение. Как общение пронизывает все стороны нашей жизни и деятельности, так и социально-коммуникативная компетентность пронизывает все виды компетентностей, обеспечивающих нашу успешную жизнедеятельность в обществе.

Несмотря на проводимые в образовании реформы, мы до сих пор сталкиваемся с многочисленными примерами социально-коммуникативной некомпетентности дипломированных педагогов-психологов, плохо адаптированных в социуме, с массой личных и профессиональных проблем, с неконструктивным, порой откровенно конфликтным поведением. Таким образом, существует *противоречие* между объективной потребностью общества в подготовке педагогов-психологов с развитой социально-коммуникативной компетентностью и недостаточной теоретической и практической разработанностью проблемы её формирования в условиях вуза. В поиске решений данной проблемы через изучение путей и эффективности методов формирования социально-коммуникативной компетентности у студентов психолого-педагогических специальностей мы видим *цель* нашего исследования.

Кравец Г. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГОВ В ПЕРИОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Академическое обучение будущих психологов традиционно ориентировано на декларативно-теоретические психологические знания, которые сами по себе не обеспечивают эффективность жизнедеятельности ни в профессии, ни в быту. «Логически завершенную форму декларативного знания – эрудицию, Амбруаз Паре едко назвал «пылью, вытряхнутой из книг в пустой череп»... Реальное же знание – это «знание» собственного опыта, а не только информации» [1, 16]. По мнению многих исследователей, именно понятие «опыт» является важнейшей составляющей любой компетентности и методов обучения, направленных на их формирование. К таким методам ученые относят, в первую очередь, методы активного социально-психологического обучения. Мы предполагаем, что с помощью этих методов и, прежде всего, посредством социально-психологических тренингов (СПТ), можно ускорить решение задачи формирования социально-коммуникативной компетентности.

Безусловно, проблему формирования социально-коммуникативной компетентности будущих специалистов невозможно решить в рамках только одной учебной дисциплины или одного тренинга, поскольку данная задача решается в ходе всего воспитательно-образовательного процесса в вузе [3; 4]. Но СПТ может запустить механизмы саморазвития личности студентов, дать мощный толчок к дальнейшему совершенствованию их коммуникативных качеств.

Под СКК мы понимаем интегративное свойство личности, обеспечивающее её социально-коммуникативную успешность. Структура СКК – сложное синтетическое образование, характеризующееся наличием взаимосвязанных компонентов и уровней, включающих единство мотивационно-личностного, когнитивного и поведенческого компонентов. Поэтому формирование социально-коммуникативной компетентности средствами СПТ мы рассматриваем не только как развитие собственно коммуникативных умений или оптимального коммуникативного поведения, а, в первую очередь, свойств личности, обуславливающих коммуникативный успех. Наибольший интерес в этом плане представляют эмпатийность, рефлексивность, locus контроля и самоуправление (как целенаправленное изменение, цель которого себе ставит человек, самостоятельно управляющий своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями).

В соответствии с данной теоретической позицией мы разработали программу тренингов СКК, составившую основу формирующего эксперимента, проведенного нами с октября 2005 г. по май 2010 г. в ФГОУВПО «Марийский государственный университет» г. Йошкар-Олы. В нём приняли участие 468 студентов 1, 3 и 5-х курсов очной формы обучения специальностей «Педагогика и психология» и «Специальная педагогика и психология» факультета педагогики и психологии.

Так как единой интегральной методики, позволяющей определить наличие и уровень всех компонентов СКК, не существует, эмпирическое изучение данного феномена *на констатирующем и контрольном этапах* эксперимента проводилось с использованием батареи тестов из двух групп. В первую группу входили методики для исследования собственно социально-коммуникативных проявлений и навыков: коммуникативных и организаторских склонностей, особенностей типа поведения в общении, уровня самоконтроля в общении, умения быть хорошим собеседником и умения слушать и т.д.: методика «КОС-1» (В. В. Синявский, В. А. Федорошин); методика «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон, перевод и обработка Ю. З. Гильбуха); «Тест на оценку самоконтроля в общении» (М. Снайдер); методика «Выявление умения слушать» (А. А. Андреев); Методика для оценки компетентности социально-коммуникативной (КСК) (А. Н. Сухов, А. А. Деркач). Вторую группу составил комплекс тестов и опросников для диагностики личностных особенностей, обуславливающих формирование СКК: методика «Диагностика уровня эмпатии» (В. В. Бойко); методика «Диагностика индивидуальной меры рефлексивности» (А.В. Карпов, В.В. Пономарёва); тест-опросник «Субъективная локализации контроля» (Дж. Роттер, методика адаптирована и валидизирована Е. Ф. Бажиным, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткиндром); тест «Способность самоуправления» (Н. М. Пейсахов). Дополнительно с целью исследования самооценки позитивных коммуникативно-личностных изменений участников тренинга и дальнейших исследований эффективности СПТ мы, опираясь на структуру социально-коммуникативной компетентности, разработали экспресс-опросник: каждый участник тренингов оценивал по 5-бальной шкале произошедшие изменения в коммуникативно-личностной сфере. Данные обрабатывались с использованием методов математической статистики (t-критерий Стью-

дента, «хи-квадрат-критерия») с помощью программы Microsoft Excell 2007, а также пакета прикладных программ StatPlus 2005.

Формирующий этап исследования представлял собой цикл двух трёхдневных социально-психологических тренингов с экспериментальными группами (на 1, 3, 5-х курсах), проведенных в режиме глубокого погружения (по 8 часов ежедневно) с недельным перерывом между тренингами. Общая продолжительность программы – 48 часов. В контрольной группе тренинги не проводились.

Цель тренингов заключалась в повышении уровня социально-коммуникативной компетентности студентов как интегральной составляющей в структуре ключевой социальной и профессиональной компетентности психологов. При этом предусматривалось развитие тесно взаимосвязанных коммуникативной, интерактивной и перцептивной компетентностей, обеспечивающих эффективность межличностного и внутригруппового взаимодействия в социуме.

Содержание программы тренингов было ориентировано на решение следующих блоков задач:

- развитие способности и потребности самоуправления и саморазвития как способности к целенаправленному изменению человека, который сам управляет своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями, и необходимого для этого интернального локуса контроля, то есть личной ответственности за достижения, неудачи, уверенности в собственных силах и возможностях;
- развитие эмпатийности, рефлексивности как индивидуально-личностных факторов, обуславливающих формирование социально-коммуникативной компетентности.
- развитие перцептивных и сензитивных способностей с целью адекватного понимания участников межличностного взаимодействия;
- развитие способности строить конструктивные (эффективные) отношения, которая включает: способность располагать к себе людей, устанавливать доброжелательные отношения, анализировать ситуации межличностного взаимодействия, извлекать из каждой ситуации опыт успешного общения, ставить задачи и решать самоизменения в общении, преодолевать возникающие препятствия, управлять своим эмоциональным состоянием;
- построение каждым участником группы саморазвивающейся системы оптимизации общения;
- эмоциональное сближение, сплочение и развитие способности работы в команде.

Программа и технологии основывались на принципе целостности – единства когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов занятия. Приоритетными в тренингах были техники, опирающиеся на механизмы эмоционального развития личности, так как мы разделяем точку зрения известного американского доктора нейропсихологии Антонио Р. Дамасио: согласно его исследованиям рациональность не функционирует без эмоциональной составляющей. «Человечество страдает не от недостатка логических способностей, а скорее от недостатка эмоций, которые способствуют развёртыванию логики», – писал А. Дамасио [5, 144].

В основе работы ведущего тренинга положены следующие главные принципы:

- мотивационной готовности (опора на имеющийся интерес и развитие интереса к темам тренинговых занятий с учётом актуальных интересов);
- целостности материала (единство когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов);
- учета возрастных особенностей студентов (преимущественная ориентация на процесс общения; переживания, связанные с чувством наступающей взрослости, половой идентификацией и формированием образа «Я»; интенсивное развитие абстрактного мышления, изменение его способов, его социализация; активное формирование самосознания и рефлексии; ярко выраженная реакция эмансипации и самоактуализации);
- соответствия методам познания (на тренинге придается основное значение анализу ситуации «здесь и теперь»; обобщение – естественная часть рефлексии, следующей за выполнением упражнений).

Анализ и статистическая обработка результатов экспериментальной группы (ЭГ), полученных на контрольном этапе эксперимента, убедительно доказали достоверность изменений средних и уровневых показателей социально-коммуникативной компетентности. По t-

Кравец Г. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГОВ

В ПЕРИОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

критерию Стьюдента для связной выборки полученный коэффициент $t = 8$ больше критического значения, которое при вероятностно допустимой ошибке $p \leq 0.001$ составляет 3,65. Следовательно, подтвердилась гипотеза о том, что выборочные средние показатели ЭГ на констатирующем и контрольном этапах статистически достоверно отличаются друг от друга, с точностью расчетов, превышающую 99,9 %. В результате статистической обработки методом «хи-квадрат критерия» уровней показателей социально-коммуникативной компетентности и личностных параметров мы получили коэффициенты, равные соответственно $\chi^2_{Эмп} = 13,32$ и $\chi^2_{Эмп} = 12,96$. Это больше критического значения 9,48 для вероятностной ошибки 0,05, что доказывает значимость образовавшихся различий на констатирующем и контрольном этапах эксперимента в распределении показателей ЭГ. В контрольной же группе значимых изменений не произошло. Следовательно, гипотеза о значимых изменениях, которые произошли в показателях СКК в результате проведенных тренингов, экспериментально подтвердилась: уровень СКК в ЭГ значительно повысился. Данные экспресс-опроса также подтверждают заметные новообразования в процессе формирования социально-коммуникативной компетентности участников тренингов: 40 % участников ЭГ ставят своим изменениям 4-5 баллов, что соответствует формулировке «глубокие изменения, которые положительно повлияли на мои отношения с людьми»; 45 % респондентов поставили себе оценку в 3 балла («заметные изменения»).

Полученные результаты позволяют сделать вывод об эффективности проведенных социально-психологических тренингов по формированию социально-коммуникативной компетентности, содержание которых направлено на развитие качеств личности, входящих в структуру СКК, и о возможности ускорения её формирования у будущих психологов средствами социально-психологических тренингов. Социально-коммуникативная компетентность практических психологов может и должна быть сформирована в период профессионального обучения в вузе как основа профессионального и общего жизненного успеха. При этом необходимо сконцентрировать внимание на разносторонней по содержанию, разнообразной по формам и методам учебно-воспитательной работе, отвечающей интересам и потребностям будущих профессионалов и общества в целом. Особое место в условиях модернизации современного образования занимает практикоориентированный подход, обуславливающий высокую результативность социально-психологических тренингов, направленных не только на развитие оптимального социально-коммуникативного поведения, а, в первую очередь, свойств личности, необходимых для гармонизации межличностного взаимодействия, социального и профессионального бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтихов, О. В. Практика психологического тренинга / О. В. Евтихов. – СПб.: Речь, 2004. – 224 с.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя // Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.
3. Лежнина, Л. В. Формирование готовности будущего педагога-психолога к профессиональной деятельности: моногр. / Л. В. Лежнина. – М.: «Прометей» МПГУ, 2009. – 240 с.
4. Морова, Н. С. Формирование социальной активности студентов в условиях воспитательной системы педагогического вуза: моногр. / Н. С. Морова, С. О. Грунина. – Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2007. – 104 с.
5. Damasio, Antonio R. Descartes' Error: Future and the Human Life / Antonio R. – IN: Scientific American, 1994. – 144 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования // Министерство образования и науки РФ. – М., 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/220207m.htm> – заглавие с экрана.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

МОНИТОРИНГ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

MONITORING THE DEVELOPMENT OF SOCIAL COMMUNICATIVE COMPETENCE IN STUDENTS: ORGANIZATIONAL ASPECT

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27, Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel.: +7-4217-24-11-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-421-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1, Vokzalnaya Street, apt. 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel.: +7-421-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных категорий педагогической диагностики в контексте дополнительного образования, описаны требования к диагностическому инструментарию и процедуре определения эффективности развития компетентностей учащихся, представлен алгоритм изучения эффективности процесса развития социальной и коммуникативной компетентностей, приведены методики изучения социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся, охарактеризованы основные типы и виды образовательной продукции в системе дополнительного образования.

Summary. The paper presents an analysis of the key categories related to educational testings in the context of extended education; it describes requirements for testing tools and procedures needed for the assessment of the efficiency of competence development in students, and puts forward an algorithm for studying the efficiency of the process of social and communicative competence building and methods for the study of social and communicative competencies of students; it also describes the key types and forms of educational products to be used in the system of extended education.

Ключевые слова: мониторинг, развитие, организация, диагностика, эффективность.

Key words: monitoring, development, organization, testing, efficiency.

УДК 37.013:371

Проблема оценки результативности образования на протяжении ряда последних лет продолжает оставаться актуальной для системы образования в целом, и система дополнительного образования в этом смысле не является исключением. Поскольку дополнительное образование до недавнего времени выполняло только досуговую функцию, то и понятие «качество» рассматривалось в этой системе как характеристика отдельных результатов творче-

ской деятельности обучаемых. Это обуславливалось еще и тем, что объединение обучаемых на принципах свободного выбора и учета интересов вступало в противоречие с любыми попытками жестко регламентировать подходы к оценке образовательных результатов. Ввиду того, что в настоящее время состав качественных показателей результатов деятельности обучаемых изменился и расширился, возникла необходимость осуществления мониторинга как результативности деятельности обучающихся в целом, так и мониторинга сформированности социальной и коммуникативной компетентностей в частности.

Развитие социальной и коммуникативной компетентностей учащихся, осуществляемое средствами дополнительного образования, представляет собой целенаправленный, управляемый педагогический процесс. В управлении развитием социальной и коммуникативной компетентностей учащихся важную роль играет так называемая обратная связь, т.е. та информация, которая поступает от ученика к педагогу и свидетельствует о ходе образовательного процесса, затруднениях и достижениях учащихся в овладении компетентностями.

Канал обратной связи действует благодаря педагогической диагностике, осуществляемой в ходе мониторинга. Диагностика является важным этапом педагогического процесса, в том числе процесса педагогического сопровождения развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся, выступая необходимым условием его эффективности.

Поскольку наиболее приемлемой формой взаимодействия основного и дополнительного образования в рамках образовательного учреждения выступает интеграция [1, 38], то представляется возможным перенести основные положения педагогической диагностики, реализуемой в рамках общего образования на систему дополнительного образования, подчеркнув при этом специфику последней.

Методологическим основанием деятельности по определению эффективности развития компетентностей учащихся является парадигма личностно-ориентированного образования, в которой личность ребенка рассматривается как цель, субъект и результат образовательного процесса.

Определение эффективности процесса развития компетентностей учащихся средствами дополнительного образования осуществляется на основе оценки уровней социального и коммуникативного развития обучающихся. Основное предназначение дополнительного образования заключается в его развивающем влиянии, поэтому только происходящие изменения в личности ребенка могут свидетельствовать об эффективности функционирования школьного дополнительного образования.

Сущностной особенностью дополнительного образования является предоставляемая им возможность выбора, отличающаяся не только более высокой степенью свободы выбора, но и объектами выбора. Эту особенность необходимо учитывать при организации диагностики социальной и коммуникативной компетентностей учащихся, максимально используя желаемые, самостоятельно выбранные школьником, приоритетные виды деятельности.

При отборе критериев, показателей и методик изучения эффективности развития компетентностей учащихся необходимо использовать системный подход, позволяющий установить взаимосвязь оценочно-результативного компонента с целями, задачами, содержанием и способами организации педагогического процесса в системе дополнительного образования. Необходимо отказаться от исследования уровней развития компетентностей школьников путем случайного подбора диагностических средств, в основе которого лежит субъективное отношение к инструментарию изучения педагога дополнительного образования.

В основе разработки рекомендаций и выводов по результатам мониторинга развития компетентностей учащихся должна лежать диагностика изменений ситуации развития ребенка в течение нескольких лет, а не одноразовые срезы, пусть даже очень глубокие и детальные. Целесообразно проводить многолетнее диагностическое исследование с неизменными критериями и показателями на протяжении всего периода изучения. В этой связи следует продумать и создать систему хранения и интерпретации получаемой в течение нескольких лет информации.

В ходе диагностики компетентностей учащихся необходимо определить наиболее эффективные педагогические средства дополнительного образования и те формы и способы организации образовательного процесса, которые в наименьшей степени повлияли на развитие личности учащихся.

Оценочно-результативный компонент педагогического мониторинга развития компетентностей учащихся в конкретном учебном заведении должен обладать единичными, особенными и общими чертами, детерминированными неповторимостью системы дополнительного образования в данном образовательном учреждении и окружающей его социальной и природной средой, спецификой типа учебного заведения, характером межличностных отношений в нем.

Диагностический инструментарий по оценке социальной и коммуникативной компетентностей не должен быть громоздким и требовать большого количества времени и сил для подготовки и проведения изучения, обработки получаемых результатов. Однако необходимо помнить, что ориентация на использование в процессе изучения только экспресс-методик не всегда является оправданной, так как получение выигрыша во времени нередко происходит за счет снижения качества получаемой информации.

Необходима максимальная включенность педагогов дополнительного образования в диагностический процесс. Это способствует повышению качества диагностики, сокращению затрат времени у главных организаторов изучения, расширению возможностей ознакомления всех педагогов, обучающихся и родителей с результатами проведенного исследования.

Процесс изучения социальной и коммуникативной компетентностей не должен причинить вреда испытуемым, а его результаты не могут стать средством административного давления на педагога дополнительного образования или самого обучающегося. В противном случае станет невозможным получение достоверных результатов на последующих этапах диагностики. При проведении диагностического исследования необходимо соблюдение педагогического такта. Недопустимо без согласия испытуемых публичное оглашение ответов на вопросы анкеты или беседы, сообщение результатов, которые унижают достоинство отдельных учителей или школьников.

На основе перечисленных положений, являющихся стратегическими ориентирами в организации диагностического исследования, разрабатывается технология изучения эффективности развития социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся. При разработке технологических аспектов необходимо определить что, как и когда диагностируется, кто является организатором и участником изучения.

Алгоритм изучения эффективности процесса развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся можно представить следующим образом:

1. Определение цели и задач изучения уровней развития компетентностей учащихся. Основная цель изучения заключается в выявлении способности системы школьного дополнительного образования содействовать развитию компетентности обучающихся. В зависимости от уровня развития компетентностей можно определить и степень эффективности системы дополнительного образования: чем более высок уровень развития компетентностей, тем выше её эффективность, и наоборот.

В качестве частных задач изучения могут быть избраны следующие: выявление уровня социального и коммуникативного развития выпускников учебного заведения, степени влияния отдельных педагогических средств, конкретных организационных форм дополнительного образования на личность обучающегося и процесс его развития; получение информации о результативности работы конкретного педагога дополнительного образования; определение степени удовлетворенности обучающихся функционированием системы дополнительного образования и его результатами.

2. Подбор критериев и показателей для определения уровней развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся. Данный этап является одним из важнейших, так как на нем определяются конкретные характеристики и индикаторы, позволяющие в дальнейшем обоснованно судить о результативности функционирования различных форм дополнительного образования в общеобразовательном учреждении. Содержание критериев и

показателей уровней развития компетентностей обусловлено их структурой и содержательным наполнением, возрастом исследуемых (учащихся), а также способом и конкретным методом их изучения.

3. Выбор методов и методик изучения уровней развития компетентностей учащихся. К работе на этом этапе следует приступать только после определения критериев и показателей уровней развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся. Применение стандартизированных методик должно сочетаться с такими доступными и многофункциональными методами педагогического исследования, как педагогическое наблюдение, метод экспертной оценки педагогов и самооценки учащихся, изучение продуктов деятельности. Последний метод заслуживает особого внимания, поскольку специфика дополнительного образования определяет своеобразие образовательной продукции, анализ которой позволит педагогу сделать вывод о степени развития компетентностей обучающихся.

4. Подготовка диагностического инструментария. Для проведения диагностического исследования надо своевременно подготовить необходимый инструментарий – бланки для испытуемых, протоколы изучения, специальное оборудование и т.д. Такая подготовка осуществляется как представителями администрации образовательного учреждения, так и отдельными педагогами, участвующими в диагностическом процессе.

5. Диагностика обучающихся. При изучении эффективности развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся используется несколько диагностических методов (методик). Использование каждого из них происходит в соответствии с требованиями, предъявляемыми к процедуре применения того или иного метода диагностики. Субъекты диагностики должны хорошо знать и соблюдать данные требования, что позволит получить достоверную информацию и не причинить вреда испытуемым.

6. Обработка и интерпретация результатов исследования. После проведения исследования развития компетентностей учащихся создается рабочая группа для обработки и интерпретации результатов изучения. Она состоит из трех-четырех человек. В нее входят, как правило, педагоги дополнительного образования, психолог, социальный педагог, заместитель руководителя образовательного учреждения по воспитательной работе (или дополнительно образованию). После обработки результатов данные исследования заносятся в таблицы, графики, диаграммы.

7. Анализ, оценка и обсуждение результатов изучения. При анализе результатов исследования особое внимание следует уделить выявлению тенденций изменения показателей в течение нескольких лет. Это позволит более точно определить, в какой ситуации (развития, стабильного функционирования) находятся компетентности учащихся, какая степень эффективности характерна для системы дополнительного образования образовательного учреждения. Об основных результатах диагностического исследования следует проинформировать учащихся и родителей.

В завершение считаем необходимым еще раз обратить внимание на то, что значимой составляющей учебно-воспитательного процесса в системе дополнительного образования, определяющей его качество, является своевременная и качественная педагогическая диагностика. Чтобы отвечать современным требованиям, организация диагностики компетентностей обучающихся должна основываться на теоретических положениях, учитывающих специфику процесса развития социальной и коммуникативной компетентностей в условиях дополнительного образования, и строится в соответствии с определенным алгоритмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Педагогические условия формирования социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся средствами дополнительного образования / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 167 с.
2. Черноусенко, Т. И. Моделирование системы дополнительного образования (на примере инновационного образовательного учреждения): дис. ... канд. пед. наук / Т. И. Черноусенко. – Ставрополь, 2003.

Федоров В. В.
V.V. Fedorov

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНВАРИАНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО ТРЕНЕРА В НОВОМ ФОРМАТЕ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

BUILDING EDUCATIONAL INVARIANTS OF THE TEACHING WORK OF A SPORTS COACH IN THE CONTEXT OF THE NEW FORMAT OF PHYSICAL EDUCATION

Федоров Владимир Вячеславович – доктор педагогических наук, профессор Дальневосточной государственной академии физической культуры (Россия, Хабаровск).

Mr. V.V.Fedorov – Doctor of Education, Professor, the Far-Eastern Academy of Physical Education (city of Khabarovsk).

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования профессиональных компетенций спортивного тренера, раскрывается структура профессиональных компетентностей специалиста, обобщено содержание инвариантов профессиональной деятельности спортивного тренера в контексте разработки магистерских программ.

Summary. The paper deals with the problem of developing professional competences in a sports coach. The competences' structure is revealed, and the invariants of educational activities of a sports coach in the context of MA program development are summarized.

Ключевые слова: инварианты профессиональной деятельности, компетенции тренера, компоненты профессиональной компетентности спортивного тренера.

Key words: invariants of professional activities, sports coach competences, sports coach educational work components.

УДК 37.013

Принятие Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения предполагает обновление целеполагания высшего образования, когда фактически профессиональные компетенции и уровни компетентности выступают новой результативно-целевой основой образования.

Этот переход в системе подготовки специалистов в области физической культуры и спорта требует новых подходов к разработке как методологических оснований, ценностно-целевых приоритетов, так структурного и содержательно-методического обеспечения образовательного процесса. Введение двухуровневой системы обучения (бакалавриат, магистратура) обуславливает изменения в административно-организационном, исследовательском и внедренческом направлениях, связанных с проектированием, внедрением компетентностных стандартов, разработкой основных образовательных программ модульного формата, определением перечней формируемых компетенций и т.д.

Наряду со специальными знаниями, умениями, навыками педагогической и спортивной деятельности необходимо обоснование модели и структуры компетентности специалиста, а именно таких составляющих, как: ценностно-смысловая ориентация, мотивация, профессиональная предрасположенность личности, творческие способности, механизмы саморазвития специалиста в физкультурной деятельности. При этом профессиональные компе-

Федоров В. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНВАРИАНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО ТРЕНЕРА В НОВОМ ФОРМАТЕ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

тенции характеризуются сложностью состава, межпредметностью, надпредметностью, практикоориентированностью, мотивированностью предлагаемого педагогического обеспечения. Системный подход к профессиональному становлению через бакалавриат позволяет студенту самоопределиваться в профессии, понять свои перспективы, наметить целевые установки в движении к совершенству, понять на данном этапе свое место в данной пирамиде (массовый спорт, детский спорт, спорт высших достижений).

Отсутствие научно обоснованного представления об инвариантной структуре компетентности специалиста (тренера), критериально-оценочной составляющей успешной профессиональной деятельности, в частности, в спорте высших достижений усиливает противоречие между новыми требованиями к выпускнику специализированного (физкультурного) вуза и недостаточной разработанностью технологий подготовки специалиста (бакалавр, магистр) в конкретном виде физкультурно-спортивной деятельности.

Понятие «инвариант» широко используется в науке и обозначает нечто неизменяемое при изменении тех или иных условий, в которых оно востребовано. В контексте нашего обоснования неизменными условиями подготовки специалиста (тренера) по виду спорта могут быть уровни профессиональных мотивов; диалогического общения, взаимодействия и сотрудничества преподавателя и студентов как субъектов образовательного процесса; проблемного характера содержания образовательной и тренерской деятельности и ряд других позиций.

Необходимость объективного оценивания уровней сформированности профессиональной компетентности будущего тренера обуславливает потребность разработки содержательных критериев, оценочных показателей и механизмов такой оценки на разных этапах профессиональной подготовки, причем при выполнении магистерских программ их востребованность и значимость значительно усиливаются. Следовательно, инварианты тренерской деятельности могут представлять собой интегральную систему устойчивых связей между её компонентами (ценностно-смысловым, мотивационным, инструментальным, индивидуально-психологическим, практическим), содержательное наполнение которых осуществляется с учетом целей, видов и направленности профессиональной деятельности.

Процесс формирования ценностно-смыслового компонента профессиональной компетентности будущего тренера непременно ориентирован на изменение, «обогащение» ценностного багажа, связанного с будущей профессией воспитателя, наставника. Именно функциональные возможности тренерской деятельности, охватывающие телесное, личностное саморазвитие, достижение наивысших спортивных результатов, преодоление трудностей в спортивном и профессиональном становлении со временем становятся ценностными приоритетами и главными «мотиваторами» профессионального выбора и совершенствования.

Постановка высоких целей в системе «тренер-спортсмен» не только наполняет смыслом совместную деятельность, но и вскрывает «области некомпетентности», активизируя процессы мотивации и саморазвития всех участников учебно-тренировочного процесса. Познавательный мотив и мотив достижений в совокупности могут стать целостным инвариантом, побуждающим к повышению уровня профессиональной компетентности. Они остаются значимыми как в начале тренерской карьеры (в процессе формирования), так и при ее завершении, различаясь лишь форматом спортивных намерений и достижений.

Инструментальный компонент представлен специальными знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими успешность образовательной деятельности, приобретение педагогического опыта взаимодействия и общения. Данный компонент неизменно востребован в любой системе взаимоотношений субъектов образования, подвержен критериальному обобщению и может стать инвариантом при оценивании уровня общей и специальной профессиональной компетентности. Вместе с тем необходимо когнитивное усвоение основ тренерской деятельности, ведущие положения которой мотивированно преподаются, осознанно закрепляются студентом в процессе обучения в вузе, активно применяются на практике на основе равноправного диалога и сотрудничества.

Индивидуально-психологический компонент в контексте формирования инварианта мы представляем как процесс саморазвития субъектов образования, направленный на выбор и организацию вектора самостоятельного освоения тренерской деятельности, определение своих потенциальных возможностей (самопознание, самоопределение), понимание предложенных преподавателем целей и задач, формирование способностей, оценку текущих результатов (саморегуляция), которые в совокупности способствуют выходу на новое качественное состояние, ценностную идентификацию поведения и поступков студента (самореализация), проявляясь в практической деятельности на новом уровне профессиональной компетентности.

В образовательном процессе это освоение магистерской программы с углубленным изучением научно-методического, психолого-педагогического, организационно-управленческого компонента системы подготовки тренерских кадров.

На данном этапе особое значение приобретает практический компонент, профессионально-важные качества будущего тренера, целеустремленность к высоким достижениям, акцент на творческое целостное саморазвитие личности. Профессиональные компетенции, формируемые в процессе профессиональной подготовки магистра, предполагают более высокий уровень компетентности субъектов образования (преподаватель-студент, тренер-спортсмен), поскольку акцент смещается с позиции «знаю» на позицию «умею». Именно вторая позиция становится определяющей, когда способности в организационном, управленческом, планово-контрольном, методическом, соревновательном спектре тренерской деятельности свидетельствуют о профессионально-квалификационном уровне подготовки магистра.

Профессионально-важные качества спортивного тренера становятся инвариантом компетентности, целевыми ориентирами учебно-воспитательного процесса физкультурного вуза при выборе мотивов и целей тренерской деятельности, принятии решений, построении программы действий, достижении целей, самооценке результатов профессиональной готовности. Особое значение в данном контексте приобретают межличностные отношения «преподаватель-студенты», «тренер-спортсмен», «тренер-команда», в которых уровни коммуникабельности, сотрудничества, взаимопонимания могут служить критерием сформированности профессиональной компетентности спортивного тренера.

Разработка магистерских программ по профилю «Подготовка высококвалифицированных спортсменов в избранном виде спорта» актуализирует потребность формирования педагогических инвариантов успешной профессиональной деятельности спортивного тренера.

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ**

**SPATIAL SYMBOLS IN THE RUSSIAN ROCK-POETRY'S LINGUISTIC
PICTURE OF THE WORLD**

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature Studies of the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. В статье описана система пространственных символов в языковой картине мира русской рок-поэзии. Данное описание является результатом исследования контекстов упоминания пространственных символов в текстах русской рок-поэзии на предмет зафиксированных в них ассоциаций.

Annotation. The paper describes a system of spatial symbols as included by the Russian-language rock-poetry into its linguistic picture of the world. Such description is the result of a study of the contexts spatial symbols are mentioned in by rock-poets, to find out which associations are tied to the symbols.

Ключевые слова: символ, языковая картина мира, русская рок-поэзия, пространство.

Ключевые слова: symbol, linguistic picture of the world, Russian rock-poetry, space.

УДК 804.0:804.1

Для современного языкознания характерно внимание к двум взаимосвязанным категориям объектов: символам и языковым картинам мира. Это обусловлено осознанием роли слова в понимании человеком мира и роли человека в понимании слова. Человек как носитель (представитель) одновременно языка и культуры осмысливает окружающую его и свою внутреннюю действительность и фиксирует это понимание в языке. В свою очередь язык управляет тем, как человек осознает мир и себя в мире. Одну из главных ролей в построении языковой картины мира играют символы – особого рода знаки, выражающие реальные и потенциальные связи понятий. Наличие этих связей в языковом отношении связано с семантической валентностью слова, которая, в свою очередь, находит воплощение в текстовых ассоциативных связях символа. Таким образом, анализ ассоциативных связей, зафиксированных в текстах определенной субкультуры, позволяет выявить основные компоненты семантики символа, соотнести символы одной категории друг с другом и тем самым смоделировать языковую картину мира (суб)культуры.

Описанные выше соображения легли в основу работы по описанию системы пространственных символов в языковой картине мира русской рок-поэзии, поскольку последняя выразила в текстах представления субкультуры, породившей её. В ходе анализа выборки из 207 тестов русской рок-поэзии (представленных в творчестве 11 групп) на предмет отражения в них символов пространства было проанализировано 2717 ассоциаций двенадцати символов. При этом в качестве символов рассматривались номинации, представленные не менее, чем в двадцати контекстах.

Поскольку исследование изначально строилось на анализе эмпирического материала, привести все основания для сказанного ниже, не представляется возможным, как и продемонстрировать сказанное на конкретных примерах (в любом тексте зафиксирована и инвариантная, и вариативная составляющие символа), приведем здесь лишь обобщенное описание системы пространственных символов как аспекта языковой картины мира русской рок-поэзии.

В центре мира расположен ДОМ. Центральность этого символа определяет наибольшую частотность упоминаний (93 упоминания в 207 текстах) и самое большое число ассоциаций (516 из 2717 асс.). Центральность символа ДОМ поддерживается и представительной группой номинаций предметов, которые в большинстве своем связаны с домом и его частями, его внутренним убранством.

ДОМ понимается как изначально данное человеку локализованное и самодостаточное вместилище, предназначенное для земной жизни. Это вместилище понимается как единственное или последнее, второго или следующего ДОМА у человека быть не может, однако его реальность не утверждается однозначно. ДОМ реален и призрачен одновременно. Он отличается континуальностью и стабильностью в течение лет, но в то же время дискретен и зыбок в потоке дней. ДОМ связан с практичными, жизненно необходимыми благами, но эти блага лишь кажутся доступными. ДОМ заселен, но живущие в ДОМЕ не являются одной семьей. В нем живет и временно присутствует множество чужих людей. Хотя внутреннее пространство ДОМА заполнено людьми, разнообразными носителями информации и коммуникативными единицами, человек среди них ощущает одиночество, поэтому он стремится втянуть в это пространство человека, внимание которого будет взаимно направлено на него. Одновременность наличия благ и их отчужденности, присутствия людей и их неродства, коммуникации и её опосредованности, устойчивости во времени, но краткосрочности, текучести и неопределенности форм продуцирует противоречивое восприятие ДОМА в символическом плане как желаемого и недоступного или доступного и нежелаемого. ДОМ может дать покой и сытость, но эти покой и сытость равнозначны смерти. Такое восприятие одновременно притягивает и отторгает, что выражается в цикличности и многократности уходов из дома и возвращений домой, воспринимаемых и в том, и в другом случае как важный поступок. Однако важность этого поступка нивелируется не меньшей важностью следующего, противоположного поступка. Противоречивость характеристик дома и отношения человека к нему вызывают агрессию со стороны человека.

ДОМ существует в пространстве ГОРОДА. Сам же ГОРОД понимается как призрачный объект, который характеризуется нетвердостью и противоречивостью. ГОРОД абстрактен и обобщен, он не воспринимается как родной, свой. ГОРОД существует независимо от человека, он постоянно строится и разрушается, но парадоксально связан с категориями покоя и стабильности: неопределенность, хаотичность, постоянное движение и изменение являются константами ГОРОДА. Человек воспринимает это постоянное движение и изменение как жизнь, стремится к ГОРОДУ, но в результате, не имея возможности достичь общности с ГОРОДОМ, он ощущает лишь власть ГОРОДА над собой и отторгает его. В некотором смысле ГОРОД – это полоса отчуждения между домом и землей, своеобразный антимир.

ЗЕМЛЯ в отличие от ГОРОДА представляется как недискретная, но вполне материальная среда. Человек вынужденно движется к её центру, который, собственно, является его ДОМОМ. ЗЕМЛЯ противопоставлена ГОРОДУ, цивилизации, не обработана, не освоена. Человек понимает её необходимость и нужность, но связывает её и с порождением жизни, и со смертью и разрушением. В этом отношении ЗЕМЛЯ циклична: ЗЕМЛЕЙ всё порождается и в нее всё обращается.

Плоскости ДОМ-ГОРОД-ЗЕМЛЯ противопоставлена плоскость НЕБА, в которой выделяются ЗВЕЗДА и СОЛНЦЕ. Эти плоскости являются зеркальным отражением друг друга, одновременно похожим и антагонистичным. При наличии зеркальности НЕБА и ЗЕМЛИ,

которая выражается в частности в заселенности, плоскость НЕБА лишена домов, городов и границ, что делает НЕБО идеализированным воплощением жизни.

НЕБО в русской рок-поэзии понимается как нечто иррациональное. Это нечто живое и одновременно заселенное некими существами, перемещающимися по небу как по тверди. НЕБО не функционально для человека, но оно вторгается в человеческую жизнь, наблюдая и поглощая то, что находится на земле. Оно устанавливает жесткую последовательность событий и производит изменения состояний земных объектов, что при всей необъяснимости и противоречивости этих изменений выглядит как жизнь. НЕБО связано со старостью и смертью, но при этом является ожидаемым и желанным. Преимущественно миролюбивое отношение к НЕБУ тем не менее тяготеет к агрессии в формах выражения этого отношения (война, драка).

ЗВЕЗДА как объект, принадлежащий плоскости НЕБА, понимается как преимущественно антропоморфное, самостоятельное, неуправляемое, противоречивое, сложное во взаимодействии олицетворение пограничности (маргинальности), соотносимой с человеческой душой. Эта воплощенная пограничность разделяет и соединяет космос и землю, человека и мир, физическое и ментальное. При наличии соотношения с душой человека взаимодействие между ЗВЕЗДОЙ и человеком связано с безответностью либо со стороны ЗВЕЗДЫ, либо со стороны человека. В отличие от общекультурных представлений в русской рок-поэзии ЗВЕЗДА соотносится не с божественным, а с человеческим. ЗВЕЗДА непредсказуема и противоречива: она воплощает собой стремление к высоким идеалам, которое сопровождается падением, растрепанием, распадом. ЗВЕЗДА живет своей жизнью и не управляет жизнью человека, хотя человека отличает стремление к контакту со ЗВЕЗДОЙ. В отличие от СОЛНЦА ЗВЕЗДА соотносится не с закономерностью движения, а с блужданием и в этом смысле она воплощает собой небесный аналог человека в ПУТИ.

СОЛНЦЕ в языковой картине мира русской рок-поэзии так же, как и ЗВЕЗДА, воспринимается как нечто живое, что продолжает русскую мифологическую традицию. Причем жизнь СОЛНЦА, с одной стороны, связана с порождением жизни, а с другой – с лишенным смысла, постоянным, зависимым движением в ограниченном пространстве. В этом смысле СОЛНЦЕ выступает в качестве небесного аналога человека в ДОРОГЕ, а геоцентричность во взаимодействии СОЛНЦА и ЗЕМЛИ продолжает птоломеевскую традицию.

Рассматривая в качестве центра мира ДОМ, русская рок-поэзия уделяет больше внимания символизации объектов, связанных с плоскостью ЗЕМЛИ. В этой плоскости выделяются границы (некие пределы пространства, состояния, за которыми следуют другие пространства и состояния) и треки (относительно зафиксированные траектории движения, развития человека).

Представления о границах в русской рок-поэзии выражены в символах ДВЕРЬ, СТЕНА и ОКНО.

ДВЕРЬ представляется как локализованная граница между внешним и внутренним, телом и миром, различными временами. Эта граница одновременно противопоставляет и соединяет разделяемое. Однако при том, что функция соединения, обеспечивающая переход из одного пространства (состояния) в другое, защищена некоторым условием (ключом), сам проход сквозь ДВЕРЬ обусловлен выбором человека между сохранением и утратой того, что есть в актуальном пространстве (времени, состоянии). Интересно, что дверь выполняет не только заградительно-пропускную, но и коммуникативную функцию: она является каналом передачи звуковой информации из другого пространства. Эта информация в виде сигналов провоцирует в душе человека некий эмоциональный, непонятный зов, подталкивающий к проходу сквозь дверь. ДВЕРЬ – это граница, которая сама себя призывает перейти, но одновременно препятствует переходу, предполагая невозможность возврата.

СТЕНА как вторая символическая репрезентация представлений о границах в русской рок-поэзии ограничивает древнее замкнутое пространство, предназначенное для жизни, но актуально не обжитое, вызывающее отторжение и стремление выйти из круга. Преодоле-

ние этой границы в обход малоперспективно, продолжительно и трудоемко. В то же время СТЕНА воспринимается именно как горизонтальная граница, хотя и заслоняющая обзор, но, в сущности, не имеющая высоты, при наличии достаточной решимости её можно легко перешагнуть или разрушить.

ОКНО – третье символическое представление о границе. Специфика этого представления состоит в том, что ОКНО понимается как приспособление для передачи из мира в ДОМ и частично из ДОМА в мир с непонятной целью преимущественно визуальной и в ограниченном объеме звуковой информации. Транслируемая из другого пространства информация представлена в форме искаженных черно-белых, статичных проекций различного рода, доведенных до совершенства, но лишенных тем самым жизненности, эстетичности, практического смысла. Обесмысленные формы, транслируемые ОКНОМ, подавляют психику человека и вызывают отторжение, желание прекратить трансляцию. ОКНО – это граница, рассказывающая о другом пространстве, мире, но не пропускающая в другое пространство, а проход сквозь ОКНО равнозначен смерти.

Представления о треках в языковой картине мира русской рок-поэзии выражены в символах ДОРОГИ, ПУТИ и РЕКИ.

ДОРОГА понимается как судьба, потенциально многократный земной путь души человека от одного шага, поступка к следующему, совмещающий духовный и вещный мир, на котором его постигают мучения, сомнения, трудности физического плана. Сомнения в основном связаны с правильностью и собственностью ДОРОГИ. Причем правильность и собственность во многом как категории противоположны. Эта противоположность связана с противоречивостью ДОРОГИ: она реальна, видима, но умозрительна и не ощутима, она предоставляет собственные возможности, обеспеченные сомнительной правильностью, однако ограничивает стремления самого человека, управляет им, сдавливая. Отсюда возникает конфликт признаков, затрудняющий идентификацию дороги как своей. При всей противоречивости ДОРОГИ человек стремится к ней как к самому движению жизни.

ПУТЬ в отличие от ДОРОГИ понимается как траектория блуждающего, постоянного, недифференцированного, самоценного движения. Это движение регулируется идеалистическими ориентирами, но осложняется преградами со стороны природы. Это движение связано с материальными лишениями, но не требует обдумывания и принятия решений, оно свободно в плане преобразования, саморазвития, перемещения и самореализации, самовыражения. Тем не менее внешне блуждающий ПУТЬ имеет внутренние закономерности, помогающие человеку.

РЕКА выражает размытое в границах, недискретное течение жизни. Оно внешне статично, но внутренне динамично. РЕКА выражает представление о жизни человека в аспектах отношения разных временных пластов (в первую очередь, настоящего и будущего), а также отношений с другими людьми и богом, миром в целом. РЕКА выражает идею предельности и безграничности жизни, совмещающей притяжение и свободу, близость и удаленность времен и людей.

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

L. V. Krainik, M. N. Rassokha

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF INDIRECT COMMUNICATION (AS EXEMPLIFIED
BY THE ENGLISH LANGUAGE 'UNDERSTATEMENT')

Крайник Лариса Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru.

Ms. Larisa V. Krainik – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Vladivostok). E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru

Рассоха Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: mrassokha@gmail.com.

Ms. Marina N. Rassokha – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Vladivostok). E-mail: mrassokha@gmail.com

Аннотация. В статье идет речь о непрямой коммуникации и одном из способов ее маркирования в британской лингвокультуре. Авторы анализируют лингвоспецифичный знак дискурса *understatement*, выявляют его семантико-функциональные особенности, в частности метадискурсивные, и исследуют его лингвокультурные характеристики.

Summary. This paper focuses on indirect communication and the way it is marked in British linguoculture. The authors analyse the linguospecific discourse marker *understatement*, identify its semantic and functional peculiarities, metadiscursive ones in particular, and explore its linguocultural characteristics.

Ключевые слова: британская лингвокультура, непрямая коммуникация, дискурсивная стратегия, лингвоспецифичный знак дискурса, метадискурсивный маркер.

Key words: British linguoculture, understatement, indirect communication, discursive strategy, linguospecific discourse marker, metadiscursive marker

УДК 81.2

Непрямая коммуникация – семантически нечеткое, завуалированное выражение смысла высказывания – в большей или меньшей степени присуща любой лингвокультуре. Все человеческие языки вырабатывают набор средств для обслуживания такого рода коммуникации. В этой связи напомним известное высказывание Л. Витгенштейна о том, что язык используется для того, чтобы скрывать и маскировать мысли.

Рассматривая языковые и культурные особенности феномена непрямой коммуникации, необходимо учитывать ряд параметров, а именно: наличие корпуса единиц (слов, выражений, синтаксических структур), имеющих в данном языке для осуществления такого ви-

да общения, их рекуррентность в дискурсе, сценарно-прагматическую и культурную специфику ситуаций, в которых говорящие прибегают к непрямой коммуникации. На наш взгляд, существенным также является наличие в языках вербальных знаков, обозначающих феномен непрямой коммуникации в целом, а также специализированных номинаций, маркирующих отдельные культурно-детерминированные аспекты этого языкового явления.

Существуют культуры, для которых непрямая коммуникация является особенно характерной, к ним относится британская лингвокультура с ее ключевым понятием *understatement*, обозначающим некатегоричность и недосказанность как типовой прием коммуникации. В данной статье мы обратимся к лингвокультурологическому анализу этого феномена и рассмотрим семантико-функциональные особенности лексемы *understatement* в конкретных речевых реализациях британского публицистического и художественного дискурсов (см. прим. 1).

Для речевого поведения британцев непрямая коммуникация в целом является существенной чертой общения, отражающей систему ценностей данного языкового коллектива. Она социально признается обществом, в котором стремление к консенсусу, коммуникативному компромиссу играет особую роль и отражается в виде уникальной «британской» фатики. В британском дискурсе «*understatement*» номинируется определениями *традиционный* (*traditional understatement*) и *характерный* (*characteristic understatement*). Наверное, не будет преувеличением сказать, что этот свойственный англичанам культурный феномен был подмечен и многократно описан известными путешественниками, писателями, мыслителями прошлых лет. *Understatement* как характеристика английского языка упоминается еще в древнеанглийской поэме «Беовульф», в которой «*the voices possess 'understatement'*» [10, xxix]. Ученые, обсуждая переводы исторических текстов на современный английский язык, указывают на необходимость сохранять эту отличительную черту – “*characteristic early English understatement*” – и отражать ее в переводах (см. прим. 2).

В наивной картине мира, отражающей обыденные представления британцев о непрямой коммуникации, этот феномен бытует в качестве речевого поведенческого стереотипа. Он существует в языковом сознании говорящих как в виде автостереотипа, так и гетеростереотипа. В качестве примера первого можно сослаться на выдержку из руководства для беженцев, переселившихся в Британию: «*The Englishman... attaches very great importance to modesty, understatement in speech rather than overstatement... He values good manners far more than he values the evidence of wealth*» [BNC-F] (см. прим. 3). Для иллюстрации гетеростереотипа приведем высказывание венгра Дж. Микеша, эмигрировавшего в Британию и ставшего там известным писателем-юмористом: «*the English have no soul, they only have the understatement*» [18, 24].

Таким образом, для британцев крайне существенным аспектом коммуникации являются некатегоричность и смягчение высказывания – *understatement*, которые направлены на то, чтобы, сдерживая эмоции, избегать резких категоричных выражений, крайне негативных оценок и прямых мнений. Очевидно, что представители других лингвокультур, общаясь с британцами, осознают эти особенности речевого поведения. В подобных случаях дискурсивный акт непрямой коммуникации может маркироваться этнонимом, что свидетельствует о культурно-обусловленном характере такого рода общения. Чрезвычайно показательны следующие примеры из нашего материала: «*I said you're pretty out of shape. <...> You only ran five metres and you're panting fit for the knacker's yard.* 'I am nothing of the sort! That's a gross exaggeration.' Then Ronni conceded as her chest continued to heave, 'I may be just a little out of breath.' '*English understatement.*' Guido laughed at that...» [BNC-F]; «*A deer jumping out over a hedgerow and straight in front of the car frightened her half to death before she could finish. By good fortune, not to mention cool-headed driving, neither the deer nor the Mercedes came to grief. 'That was a touch close,' she murmured, as the deer crossed the road and leapt over another hedge and disappeared. 'Is that what they call British understatement?' he asked drolly, as they glided out of countryside*» [BNC-F].

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

В специальной научной литературе *understatement* рассматривается в качестве одной из прагматических стратегий. В рамках теории вежливости правила межличностного общения предписывают смягчать категорические суждения, избегать негативных оценок. Эта стратегия, как и стратегия *overstatement*, также применяется говорящим в соответствии с принципом интереса, который предписывает быть непредсказуемым, а следовательно, интересным собеседником [14, 145-149].

В отечественной лингвистике *understatement* изучается в рамках дискурсивно-стратегического подхода и используется для описания речевых стратегий и набора сопутствующих им тактик/приемов/техник. В основном речь идет о стратегиях, направленных на избегание разногласий между коммуникантами и поощрение гармоничного общения. Используются такие термины, как стратегия уклонения от прямого ответа [1], стратегия намека [4], стратегия *understatement* [4; 5], митигативная стратегия [7].

При анализе речевого феномена *understatement* исследователи подчеркивают расхождение семантического и прагматического значений, непрозрачность, неясность соотношения семантики и прагматики [4, 28; 13, 406-407]. Извлечение смыслов, не содержащихся в собственно высказывании, требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. Такую осложненную коммуникацию В. В. Дементьев назвал «непрямой коммуникацией» (НК) [2, 5]. Этот ученый указывает на ее лингвистический аспект, поскольку в языке существуют единицы разной степени точности/формализованности [2, 22]. Они составляют категорию, которая получила название «лингвистической неопределенности» или *linguistic vagueness, linguistic imprecision, fuzzy categories* [11, 5-13], *indefiniteness* [16]. В отечественной лингвистике появился термин «кажимость» [6], объективирующий модальное значение неуверенности в достоверности содержания высказывания и его контекстуально-прагматической обусловленности.

Причины лингвистической неопределенности многочисленны. Одни из них кроются в природе самого языка, другие вступают в игру только при определенных условиях. В. В. Дементьев указывает на то, что теоретическим основанием существования НК является асимметрия языковой системы, которая определяет такие качества НК, как рассогласование означающего и означаемого и множественность интерпретаций [2, 19]. Кроме того, отмечается, что в каждой национальной речевой культуре существует своеобразный концепт непрямой коммуникации, который выражает преимущественно отрицательную оценку свойств непрямой коммуникации, препятствующих настоящему обмену смыслами [2, 140-142].

Само слово *understatement* как знак дискурса, маркирующий особенности коммуникации на английском языке, мы относим к категории лингвоспецифичных языковых единиц (термин А. Д. Шмелева). Это такие ключевые слова, которые способствуют пониманию культуры, ее уникальных черт, отражая «лингвоспецифичные конфигурации идей» [9, 12]; в данном случае *understatement* отражает комплекс представлений членов британской лингвокультуры об определенных аспектах общения на английском языке. Безусловно, эти представления находят отражение как в самой семантике слова *understatement*, так и в его функционировании в дискурсе.

Рассмотрим сначала семантику языкового знака *understatement*. По данным словарей [15; 17], *understatement* имеет два значения: «a statement that makes something seem less important, serious, big etc than it really is» и «the practice of using an understatement to talk about something» [17, 1564]. Следует отметить, что словарные дефиниции не содержат указания на культурную детерминированность семантики данного слова. Например, специализированный словарь английского языка и культуры ограничивается следующей семантизацией: *understatement* is «a statement which is not strong enough to express the full or true facts or feelings» [12, 1437].

На основе проанализированного материала мы можем выделить следующие семантические характеристики и культурно-специфические значения слова *understatement*. Во-первых, мы отмечаем, что в британской лингвокультуре *understatement* рассматривается как

коммуникативное умение, к которому в целом представители данного языкового сообщества относятся положительно. В первую очередь, это коммуникативное умение *организовать дискурс в смысловом плане*, сделав соответствующие акценты. В речевых актах, в которых говорящий, обладая этим умением, его демонстрирует, это нередко отмечается особо. В английском языке данная дискурсивная способность коммуниканта – по материалам нашей выборки – может называться: *capacity for understatement, the skills of understatement*: «As an exercise in *the skills of understatement* and of giving the wrong impression without actually lying, Charles thought that took some beating [BNC-F]. Пользователь языка, овладевший этим умением, характеризуется как *a master of the understatement*: «The old-fashioned English gentleman, who died in hospital yesterday aged 84, was *the master of the understatement*» [BNC-P]; «Sir Ranulph Fiennes is *a master of stiff-upper-lip understatement*» [BNC-P].

Во-вторых, говоря о лингвокультурных параметрах семантики *understatement*, необходимо отметить, что, являясь важным коммуникативным умением, оно относится к статусным характеристикам, которыми особенно должны обладать определенные профессиональные группы – политики, священники, юристы и др. Поэтому в описании представителей указанных профессий нередко будут следующие характеристики: «Father Peter McGuinness, the parish *priest* and a man of gentle *understatement*» [BNC-P]; «Today we'll be looking at John Major's first one hundred days in office. We have a *Prime Minister* with un-Thatcherlike *understatement*, and wily pragmatism and body language of the friendly bank manager next door, or so says an article in today's Guardian» [BNC-P]; «Macmillan, one of the wiliest *politicians* of his time, also said, with typical *understatement*, as the Fifties drew to an end: 'We have not done badly. But we have not done quite well enough'» [BNC-P].

В соответствии с двумя планами анализа социального статуса – индикацией и оценкой – статусная *индикация* речи профессиональных групп, отмечает В. И. Карасик, прослеживается, прежде всего, в использовании развернутого речевого кода [3, 282-283]. Для указанных выше профессиональных групп, в отличие от всех других представителей британской лингвокультуры, *understatement* будет составлять один из важнейших компонентов речевого кода и может иметь свои языковые особенности. Таким образом, можно предположить, что британские дискурсы, обслуживающие конкретные виды социальной (в том числе профессиональной) деятельности, могут характеризоваться большей или меньшей *степенью использования непрямой коммуникации*. Действительно, анализ материала публицистического дискурса показывает, что употребление дискурсивного приема смягчения высказывания или недоговаривания ассоциируется в языковом сознании представителей лингвокультуры с использованием некоего *словаря непрямой коммуникации*. Такие словари складываются в конкретных дискурсах, посвященных определенной тематике. Коммуниканты, конструирующие данные дискурсы и целевая аудитория, для которой они предназначены, таким образом, осознают, что языковые единицы подобных лексиконов должны восприниматься, как носители особой, дополнительной семантики, связанной с актуализацией *understatement*. Проиллюстрируем сказанное: «...that there was categorically no special help and that price rises would 'by the normal route feed through into the retail price index'. By Thursday afternoon this had been, to use a typical *Whitehall term* of *understatement*, finessed. In other words a new policy had emerged to meet the crisis.» [BNC-P]; «The SACC characterisation of Mr. De Klerk's statement, as 'cynical and spurious', is likely to be regarded as something of an *understatement* in many legal and political circles» [BNC-P].

Теперь остановимся на функционировании самого вербального знака «*understatement*» в британском художественном и публицистическом дискурсах. Следует отметить, что данный языковой знак выступает в роли *метадискурсивного маркера*. Это своего рода *вербальный жест*, указывающий на то, что смысл высказывания должен быть дешифрован в ином, важном для говорящего смысловом ключе: «You felt I was harsh on you?» «Harsh is an *understatement*. I shall never forget the contempt you showered upon me.» [BNC-F]; «January was the 28th consecutive month in which bankruptcy cases involving debts equivalent to £58,400 or more

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

rose above year-ago levels. This is an *understatement*, considering the actual state of the economy» [BNC-P].

Необходимо выделить ряд *композиционных особенностей* «understatement» в дискурсе как специфического знака коммуникации для выражения семантики некатегоричности. Анализ контекстов выявил, что «understatement» в качестве компонента входит в синтаксически связанные структуры дискурса. Их можно назвать упорядоченными моделями коммуникации, поскольку наличествует закреплённая последовательность воспроизводимых элементов в синтаксических конструкциях и их семантическая взаимообусловленность. К наиболее частотным относятся: *This/that/someth is an understatement; To say (that)... is an understatement* и *the understatement of the year*.

Модель *This/that/someth is an understatement* является весьма распространённой и указывает в целом на дискурсивный акт непрямого общения, как правило, без выявления степени недосказанности. Её основная функция – по-другому семантизировать ключевую для коммуникации лексическую единицу, акцентируя при этом смысл недосказанности: «Brad, I find out, can't greet me himself because he's busy cleaning up the mess Deacon made the night before in his living room. *Mess* is perhaps an *understatement*. The place looks like it was ransacked by an LAPD squadron looking for drugs or a thrash metal band who found them» [BNC-P].

Референция, как видно из приведённого контекста, может быть в виде повтора лексической единицы, а может быть осуществлена с помощью указательных местоимений *this/that* или *it*, в этом случае используется вариант модели *this/that is an understatement*: «I don't know whether I ever meant to call on Ben or not – It's been such a long time – but I was interested to see the boat. Durance had said it was big, but that was an *understatement*» [BNC-F].

Особенностью данной модели является то, что при семантизации лексической единицы с её помощью имеет место дискурсивный приём дальнейшего разворачивания плана содержания, целью которого является смысловое уточнение семантики ключевого в ситуации недосказанности слова. Таким образом, последующий отрезок дискурса в смысловом плане является реализацией того, что не было сказано, благодаря использованию непрямого общения: «She was conscious of being a misfit, and that was a great *understatement*. It was partly her age, of course, she was an old woman by anyone's standards, but her attitude to life too and her clothes, her grey tweed skirt and green Viyella blouse and green and grey check cardigan, her stockings and 'court' shoes, the powder on her nose, lipstick on her thin old lips and the perm in her hair» [BNC-F].

Наш материал служит также ярким подтверждением тому, что непрямого общения для представителей британской лингвокультуры является феноменом, имеющим *количественный параметр*, то есть недосказанность может иметь большую или меньшую степень выраженности. Проиллюстрируем это на примере клишированных выражений модели *the understatement of the year* (decade, etc.), включающих лексику с семантикой *отрезка времени*. Опираясь на нашу выборку, расположим эти выражения по мере увеличения степени недосказанности, последнее указывает на максимум выражения признака: *the understatement of the decade; the understatement of the year; the understatement of her life; the understatement of the century; the understatement of all time*.

Помимо прочего, здесь мы имеем весьма любопытный случай «языкового измерения времени» [8, 76]. Темпоральная лексика в модели *the understatement of the year* (decade, etc.) используется для актуализации крайне субъективного времени, которое классифицируется Н. К. Рябцевой как бытовое (житейское, утилитарное, индивидуальное) время [цит. по 8, 81]. Очевидно, что номинации времени в указанной модели используются в переносном значении, при этом применяется простая аналогия: меньший отрезок времени указывает на более низкую степень недоговоренности, больший – на более высокую. В этой связи приведём выводы Н. К. Рябцевой, которая исследовала выражение размера и количества в языках: «Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами. В обыденном сознании количество опредмечи-

вается, а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему [цит. по 8, 66].

Наблюдения показывают, что клишированная модель *the understatement of the year* (decade, etc.) унифицирует выражение недосказанности и выступает в коммуникации в качестве готовой к использованию единицы языка. В связи с чем есть основания предполагать, что данное выражение с вариативной финальной частью стало на путь фразеологизации, поскольку выполняется принцип воспроизводимости и семантической связанности.

Помимо идиоматизации, семантика количества может быть выражена еще одним способом – прямым – с помощью прилагательных, обозначающих размеры или величину. В этой функции нам встретились прилагательные *gross, major, big, great, massive, extraordinary* и др. Делая выбор между прилагательными количества или моделью со связанным значением *the understatement of the year* (decade, etc.), говорящий демонстрирует, что он уловил коммуникативную интенцию своего собеседника и вполне может оценить степень проявления недоговоренности. Приведем примеры, отражающие разный уровень экспрессивности реакции коммуниканта: «‘So when did you find out he was quite wealthy?’ he asked casually. Quite wealthy, Sarella registered with an inward smile. That was the *understatement of the century!*» [BNC-F]; «‘Silvio was right. You don't enjoy modelling very much.’ It was Caroline's turn to laugh. ‘That's the *understatement of the year.*» [BNC-F]; «So Belinda was saying that the market's a trifle depressed at the moment. Actually, that's a *gross understatement*; she's really very worried...» [BNC-F].

Таким образом, по сути, у носителей английского языка существует устойчивая когнитивная связь между знаком непрямого общения *understatement* и вербальными выражениями с семантикой количества. Выбор языкового знака говорящим может быть в пользу разных типов значения количества: акцент может быть сделан как на семантике упорядоченности (от меньшей степени к большей), так и на семантике неопределенно большого количества вообще. В языковом сознании пользователей языка, следовательно, существует своеобразная шкала, с помощью которой можно выразить конкретную степень недосказанности.

При маркировании ситуаций общения лексемой *understatement* третьей продуктивной синтаксической моделью является конструкция *To say (that)... is an understatement / It would/is an understatement to say....* Мы насчитали 36 случаев ее употребления с глаголом *to say* и по одному с глаголами *to call* и *to talk*. Использование в конструкции глаголов речи (*to say, to call* и *to talk*) позволяет автору прокомментировать ситуацию, выразить свое отношение к ней, дать оценку. Кроме того, конструкция имеет своим референтом тему высказывания. Таким образом, данная конструкция в целом выполняет функцию метадискурсивного маркера. В указанной функции модель *To say (that)... is an understatement* употребляется преимущественно в качестве аксиологической модели, позволяющей шкалировать эмоциональное и психическое состояние человека: «To say I am a sports-nut would be an *understatement*. I am an obsessive, addicted, manic observer of all forms of sporting activity. Yet the Winter Olympics left me entirely unmoved and uninterested» [BNC-P].

Наличие в этой модели эмоционально-окрашенной оценочной (как положительной, так и отрицательной) лексики (*delighted, relieved; disappointed, shattered, absolutely gutted etc.*) задает высказыванию вектор категоричности. Однако структура с инфинитивом в функции подлежащего позволяет, на наш взгляд, снизить категоричность, резкость высказывания. Поскольку в субъектно-предикатном ядре подобных предложений отсутствует такой актант, как агенс, предикцируемый признак отделяется от субъекта, получает отвлеченное и наиболее общее значение. Говорящий как бы снимает с себя ответственность за сказанное. Характерно, что данная конструкция в подавляющем большинстве случаев разворачивается адресантом в последующем комментарии. При этом отношения семантического следования эксплицируются за счет использования различных лексических и синтаксических средств. Это, прежде всего, синонимы эмоционально и оценочно более «заряженные», чем исходные лек-

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

семьи. Так, *taken aback* становится *stunned* и *speechless*, *convinced by this argument – overwhelmed by it*, *shattered – deeply shocked*, *strict – ruthless* и т.д.: «To say I was *taken aback* is somewhat of an *understatement*. I was *stunned* and *speechless*» [BNC-P].

При употреблении «равнозаряженных» синонимов (например, *peaceful* и *quiet*) градуирование эмоциональности дискурса может происходить с помощью таких синтаксических средств, как союзы. В следующем примере союз *so ... as*, имеющий семантику результирования, в сочетании с антонимом *unsettling* также является приемом оценивания: «To say that it is *peaceful* is an *understatement*; it is *so quiet as to be almost unsettling* for anyone used to the never-ending noise of the city» [BNC-P].

Выше мы уже упоминали о том, что в британской культуре принято избегать открытого выражения эмоций. Модель *To say (that)... is an understatement*, как нам представляется, как раз является таким способом репрезентации эмоций, который реализует это требование английской культуры. Использование данной модели позволяет адресанту, с одной стороны, передать свое эмоциональное состояние и отношение к ситуации, и сохранить лицо, соблюсти баланс с другой стороны. Действительно, говорящий сначала вводит в речь менее экспрессивный эмотив, не передающий силу реального переживания. Выполнив конвенции культуры, он может далее эксплицировать состояние своего эмоционального настроя с помощью более экспрессивного слова или отказаться от означивания своих настоящих чувств, предоставив собеседнику самому домысливать недосказанное. В этом случае конструкция носит свернутый характер. Возникающая импликатура, как семантическое следование, может быть декодирована адресатом без труда и не нуждается в объяснении: «Mr. Grierson said: 'They come and ask where the beach is and you have to tell them it's 250 miles away. To say they are disappointed would be an *understatement*.' George Murdoch, a 61-year-old retired school teacher, is one of only two villagers still living in Pennan who took part in the film» [BNC-P].

Исходя из того, что данная конструкция с эмотивами достаточно частотна, мы полагаем, что это типичный для британской лингвокультуры способ эмоциональной коммуникации. Для верификации данного предположения необходимо будет провести в дальнейшем сопоставительное исследование, предметом которого может стать культурная обусловленность выражения полноты информации об эмоциональном состоянии говорящего и ее вербальная репрезентация.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть национальный характер проанализированных дискурсивных явлений британской непрямой коммуникации. Тот факт, что эта лингвокультура имеет специальный вербальный знак для некатегоричной смягченной коммуникации – *understatement* – безусловно, указывает на значимость этого явления в системе коммуникации языкового коллектива. На наш взгляд, весьма характерно, что *understatement* является культурно-детерминированным феноменом не только для носителей английского языка, но и для инофонов. Существенно, что он используется в роли метадискурсивного маркера, акцентирующего направленность интерпретации содержания коммуникации в целом. Кроме того, наличие в языке выявленных моделей с компонентом *understatement* в виде синтаксически связанных конструкций свидетельствует о вербальных реализациях особых культурных и социальных конвенций и особом языке этики данного социума. Последнее позволяет сделать вывод о *паттернизации* непрямой коммуникации, что обусловлено уже культурной нормой и составляет коммуникативную специфику британской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаш, Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / Л. Б. Головаш. – Кемерово, 2008. – 24 с.
2. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.

4. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4 / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Пед. ун-т «Первое сентября», 2006. – 48 с.
5. Падучева, Е. В. Understatement и смещенное отрицание / Е. В. Падучева // BASEES Conference. – Cambridge, 31 March – 2 April 2007. Режим доступа: http://lexicograf.ru/files/understatement_BASEES_Cambridge.pdf
6. Семенова, Т. И. Модус кажимости как способ репрезентации внутреннего мира человека / Т. И. Семенова // Вестник НГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 2, вып. 1. – Новосибирск, 2004. – С. 84-89.
7. Тахтарова, С. С. Митигативная тенденция в меняющихся речевых стереотипах / С. С. Тахтарова // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М.: РГГУ, 2009. – С. 482-493.
8. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – 2-е изд. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
9. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.) / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
10. Ackroyd, P. Albion: The Origins of the English Imagination / P. Ackroyd. – New York: Nan A. Talese Doubleday, 2003. – 524 p.
11. Channell, J. Vague Language / J. Channell. – Oxford University Press, 1994. – 228 p.
12. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK, Ltd., 1992. – 1528 p.
13. Dunkerley, K. Similarities and Differences in Perceptions and Evaluations of the Communication Styles of American and British Managers / K. Dunkerley, J. Robinson // Journal of Language and Social Psychology. – Vol. 21. – No. 4, December 2002. – P. 393-409.
14. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London and New York: Longman, 2002. – 250 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Limited, 1995. – 1668 p.
16. Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 380 p.
17. Macmillan English Dictionary. Oxford, Macmillan Publishers Ltd., 2002. – 1692 p.
18. Mikes, G. How to be an Alien / G. Mikes. – Harmondsworth: Penguin books, 1966. – 88 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для анализа художественного и публицистического дискурсов использовался Британский национальный корпус (BNC <http://www.natcorp.ox.ac.uk>), из которого было отобрано 200 контекстов, относящихся к последней четверти XX века. Примеры из художественного дискурса маркируются BNC-F, а примеры из публицистического – BNC-P.
2. Например, обсуждение перевода Толкиена в *The road to Middle-Earth*. Shippey, T A. London: Allen & Unwin, 1982.
3. Здесь и далее выделение курсивом значимых фрагментов в примерах сделано авторами статьи.

Кузнецова Н. В.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ/НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ

Кузнецова Н. В.

N.V. Kuznetsova

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ/НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ**

**MANIFESTATION OF THE POLITICAL CORRECTNESS AND INCORRECTNESS
IN THE POLITICAL DISCOURSE OF FRENCH POLITICAL LEADERS**

Кузнецова Наталья Владимировна – ассистент кафедры французской филологии Хабаровского государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680028, г. Хабаровск, Амурский бульвар, д. 3. кв. 59; 8 9141549621.

E-mail: kunavla@mail.ru

Ms. Natalia V. Kuznetsova – Assistant Lecturer, Department of the French Language, Far-Eastern State University of Humanities. 680028 City of Khabarovsk, 3 Amoursky boulevard, office 59; tel.: + 7 9141549621. E-mail: kunavla@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные выражения политкорректности и неpolitкорректности в дискурсе французских политических деятелей. Для реализации поставленной задачи анализируются высказывания политических деятелей Франции во время выступлений, интервью, дебатов.

Summary. The paper deals with the expression of political correctness and incorrectness in the discourse of French political leaders. The author analyses statements made by French political leaders during their public appearances, interviews and debates.

Ключевые слова: дискурс, политкорректность, неpolitкорректность, политический дискурс.

Key words: discourse, political correctness, political incorrectness, political discourse.

УДК. 811.133.1

Прежде чем говорить о «политическом дискурсе» и о выражении категории политкорректности и неpolitкорректности, лежащих в основе нашей статьи, уточним само понятие «дискурса».

Многие филологи, отечественные и зарубежные, такие как Н.Д. Арутюнова (1990), Э. Бенвенист (2009), Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова (1999), давали разные интерпретации термина «дискурс». Согласно широко известному определению В.И. Карасика, дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [3, 226].

Не вызывает сомнения, что «дискурс» является комплексной единицей, требующей всестороннего изучения. При всей широте подходов к пониманию дискурса неизменным остается выделение общественной природы дискурса и его особой динамичности.

В нашей статье мы будем придерживаться вышеприведенного мнения В.И. Карасика, подчёркивающего социолингвистический аспект дискурса. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть лингвистические особенности политического дискурса как важного элемента современного общества. Выступления политических деятелей, дебаты, обращения к народу стали в современном обществе весьма распространенными ситуациями общения.

Говоря о политическом дискурсе, Е.И. Шейгал отмечает, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий. Как и всякий другой дискурс, политический дискурс имеет полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование [6, 87].

Следует отметить, что для простого обывателя, принимающего политику через призму СМИ, последняя воспринимается как набор сюжетов, а именно: выборы, визиты, отставки правительства, переговоры, войны, скандалы [3, 287]. Политические деятели воспринимаются как главные герои вышеперечисленных сюжетов.

Важная особенность политического дискурса состоит в том, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората или оппонентов в целях затушевать нежелательную информацию [5, 149]. Данные приемы позволяют приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты.

Одной из специфических характеристик политического дискурса является идеология политической корректности [3, 286].

Особенно актуально, на наш взгляд, рассмотреть проявление политкорректности именно во Франции – стране с богатой историей демократии и с высокой политической культурой.

Выражение «политкорректность» появилось во Франции в начале 90-х годов и сразу приобрело массовое распространение. В отличие от США, где и зародилось это понятие и употреблялось в основном при обозначении национальных меньшинств, феминистических движений, людей с ограниченными возможностями, во Франции термин «политкорректность» нашел свое отражение и широкое употребление в политическом дискурсе.

Французский язык имеет свою специфику, наличие большого количества синонимов, слов с достаточно большим полем коннотативного значения, все это позволяет подавать информацию в выгодном для спикера свете. Политкорректность выражается в употреблении языка, изобилующего литотами, эвфемизмами, другими средствами, которые смягчают либо искажают правду и, таким образом, обманывают слушателя или читателя. По словам известного французского политика и журналиста Жан-Франсуа Ревеля: «*Chez nous, les intellectuels n'ont plus d'influence dans la société sauf quand ils émettent des slogans. Les intellectuels ont de l'influence lorsqu'ils flattent un vague "politiquement correct"*» [8]. То есть, современные интеллектуалы могут успешно влиять на общество только при условии, если они успешно владеют и орудуют разного рода девизами и призывами и угождают правилам политкорректности.

В данной статье нам представляется интересным дать сравнительный анализ политкорректных и непolitкорректных высказываний французских политических деятелей. Сначала приведем в пример несколько политкорректных высказываний и попытаемся показать, в чем, собственно, выражается политкорректность.

Известный политический деятель, главный соперник Николя Саркози на президентских выборах 2007 года, кандидат на пост президента Франции от Социалистической партии Сеголен Руаяль во время своей очередной поездки в Китай сказала: «*La France devrait prendre exemple sur la rapidité de la justice chinoise*» [16] – «Франция должна бы следовать примеру быстрого китайского правосудия». Фраза была сказана в одном из публичных выступлений г-жи Руаяль, когда она находилась с официальным визитом в Поднебесной. Следует отметить, что Китай в последнее время начал набирать высокий экономический рост и, конечно, Франция заинтересована в дружеских отношениях с этой страной, поэтому данная фраза была рассчитана в первую очередь на китайского слушателя. Основная цель, которую преследовала депутат от партии социалистов, была направ-

Кузнецова Н. В.

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ/НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ**

лена на поддержание отношений, несмотря на разные политические системы. Французская демократия не имеет ничего общего с авторитарной китайской системой правосудия.

По мнению г-жи Руаяль, Франции следовало бы брать пример с эффективного и быстрого китайского правосудия. В данном высказывании ключевое слово «*rapidité*», обладающее таким широким спектром одинаково распространенных значений, как: *быстрота, скорость, живость, бойкость, прыть, поспешность, проворство, стремительность* [7], может привести к тройному пониманию данной фразы. Так, можно заключить, что г-жа Руаяль высоко ценит скорость в принятии решений китайским судом, или же она восхищается быстротой реагирования китайской системы правосудия, а возможно и тем, и другим. Политкорректность в данном случае проявляется в том, что г-жа Руаяль хотела польстить китайцам.

Следует отметить, что слово «*rapidité*» превратно истолковывает и извращает смысл всего высказывания, поскольку китайское правосудие славится своей скоростью и жестокостью в вынесении приговоров осужденным при том, что в стране не отменена смертная казнь. Таким образом, включение лексемы «*rapidité*» в данное высказывание обобщает ее реальное значение, поскольку лексема «*rapidité*» обладает общим понятием и отводит смысл высказывания всей фразы в другое русло, добываясь явного его смягчения. Это и есть основной метод употребления политкорректности.

Также представляется интересным рассмотреть употребление условного наклонения, выраженного глаголом «*devoir – долженствовывать – devrait – должна бы*». А именно, условное наклонение позволяет смягчить высказывание, затушевать определенную конкретность о том, что надо брать пример с китайского правосудия. Тем самым лидер от партии социалистов пытается угодить китайцам – *следовать примеру быстрого китайского правосудия* и, благодаря форме кондишонеля, в мягкой, неимперативной форме подает свое высказывание для французов.

Председатель национального совета адвокатов г-н Поль-Альбер Ивенс (Paul-Albert Iweins) в ответ на высказывание г-жи Руаяль заявил, что «*toute personne connaissant un minimum la justice chinoise sait qu'elle est terrible*» [16] – «каждый человек, который хоть немного знаком с китайским правосудием, знает, что оно ужасно». Председатель союза магистратуры Бруно Тузелье (Bruno Thouzellier) добавляет «*N'oublions pas que, dans ce pays, des centaines voire des milliers de personnes sont condamnées à mort chaque année et que ce sont les familles qui paient la balle !*» [16] – дословно можно перевести как «Не будем забывать, что в этой стране сотни, даже тысячи людей приговорены к смертной казни каждый год и что семьи осужденных платят за пулю».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Основная цель г-жи Руаяль заключалась в том, чтобы угодить китайцам, но при этом не оскорбить французов, которые пристально следили за кандидатом в президенты и не простили бы ей прямых похвал в адрес недемократичной системы правосудия Китая.

В качестве следующего примера мы приведем высказывание Доминик Вуанэ, французского политического деятеля. В своем выступлении, касательно повышения налогов для налогоплательщиков, г-жа Вуанэ высказала мысль о том, что нужно вернуть возможность вновь испытать чувство гордости, внося свой вклад в финансирование органов государственного аппарата. Интересно то, что данное высказывание было адресовано определенному кругу людей, а именно налогоплательщикам, зарабатывающим более 4000 евро за вычетом расходов в месяц: «*on peut redonner la fierté de contribuer au financement des services publics*» [11] – дословно можно перевести как «можно дать возможность вновь испытать чувство гордости, финансируя органы государственного аппарата».

Эффект политкорректности здесь достигается с помощью ключевого слова «*fierté*» – *гордость, благородство, возвышенность* [7], которое вуалирует истинную суть, оно отводит основной смысл фразы о том, что состоятельные граждане несут основное бремя расходов, в данном контексте они должны платить больше, чем остальные французы и гордиться этим. Благодаря эмоционально-положительному термину «*fierté*», акцент от негативного, но истинного содержания высказывания (а именно: мы повысим налоги для состоятельных налогоплательщиков) смещается на положительные и благородные эмо-

ции. Таким образом, подобное словоупотребление призвано не только сместить акцент от чувства ущемления прав состоятельных налогоплательщиков, но и испытать чувство гордости «*fierté*» за то, что налоги финансируют органы государственного аппарата.

Во время очередной деловой поездки в Виадук Мийо (мостовое сооружение вблизи города Мийо в южной Франции) действующий президент Французской Республики Николя Саркози заявил: «*Les gens n'attendent pas de moi que je dise du mal des autres dans cette campagne*» [12] – «Люди не ждут от меня того, что я буду плохо отзываться о других в этой компании».

То есть, господин Саркози имеет в виду, что его окружение не ждет того, что он будет плохо отзываться о других – *des autres*. По нашему мнению, именно выражение «*dire du mal des autres*» и является центральным звеном в данной фразе, несущим нейтральный, скрашивающий смысл, позволяющий не называть конкретные имена и фамилии, которые и так всем известны, а именно речь идет о представителях социалистической партии во главе с госпожой Сеголен Руаяль. Слово сочетание «*dire du mal des autres*» – плохо отзываться о других [7], учитывая напряженную борьбу за электорат в 2007 году, когда кандидаты не скупались на крепкие словечки, избобличая своих потенциальных соперников, является политкорректным. Выражение «*dire du mal – плохо отзываться*» является нейтральным и, тем самым, сглаживает отрицательный эффект предложения, акцентируя то, что обладатель данного высказывания является нейтрально настроенным политиком, которому чуждо собирание сплетен и склок. В данной фразе господин Саркози именно таким и выглядит, хотя широко известно, что его политическая программа не отличалась отказом от черного пиара.

Во время предвыборной президентской гонки 2007 года, в одном из своих выступлений Николя Саркози заявил: «*Je demande à mes amis qui m'ont accompagné jusqu'ici de me laisser libre, libre d'aller vers les autres, vers celui qui n'a jamais été mon ami, qui n'a jamais appartenu à mon camp, qui parfois nous a combattus. Parce que lorsqu'il s'agit de la France, il n'y a plus de camp*» [13] – «Я прошу моих друзей, которые были со мной до сегодняшнего дня, дать мне свободу для того, чтобы пойти к другим, к тому, кто никогда не был мне другом, который никогда не принадлежал моему лагерю, который иногда побеждал нас, потому что, когда речь идет о Франции, лагеря больше нет».

В своем высказывании господин Саркози просит своих друзей дать ему возможность самостоятельно и без поддержки продолжать борьбу, а именно встретиться с тем, кто никогда не был его другом и не принадлежал его политическому лагерю, то есть создать коалицию, продолжить политическую игру. В данном высказывании можно выделить два выражения, которые представляют интерес для анализа. Первое выражение – *laisser libre*, то есть *оставлять свободным, дать свободу* [7], данное выражение ослабляет, приглушает правду, которая заключается в том, что г-н Саркози имеет твердое намерение продолжить борьбу в одиночку, без посторонних лиц. Второе выражение – это перифраза *vers celui qui n'a jamais été mon ami* – *тот, кто никогда не был мне другом*. Будущий президент Французской республики не называет конкретные имена *celui – тот*, несмотря на то, что избиратель имеет четкое представление, о ком идет речь. Выражение *qui n'a jamais été mon ami – тот, кто никогда не был мне другом* – также смещает негативный оттенок на положительный, слово *ami – друг* – даже в отрицательном употреблении сохраняет положительный смысл высказывания, а именно заменяет слово «враг».

Также можно проследить определенную лесть в сторону политического противника «*qui parfois nous a combattus*» – «который иногда побеждал нас». Данная лесть служит для создания убеждения у партии оппозиционера в том, что г-н Саркози уважает ее как соперника и считает ее способной побеждать. С другой стороны, такое угодливое, не совсем искреннее высказывание кандидата от партии правых имеет вполне понятную цель, которая заключается в том, чтобы добиться определенной благосклонности со стороны партии соперника. В конце своего высказывания г-н Саркози произносит напыщенный лозунг «*que lorsqu'il s'agit de la France, il n'y a plus de camp*» – «когда речь идет о Франции, лагеря больше нет», основная цель данного лозунга заключается в том, чтобы прикрыть политический компромисс.

Вышеперечисленные высказывания, которые заключают в себе совокупность речевых действий, а именно: лесть, политический компромисс, условное наклонение,

Кузнецова Н. В.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ/НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ

нейтральность, как нельзя более точно подтверждают мысль Елены Иосифовны Шейгал о том, что в центре любого высказывания политических лиц во время предвыборной агитации, призывов, воззваний находится основное назначение политической коммуникации, а именно борьба за власть, и основная ценность политического дискурса сводится к обоснованию и отстаиванию этого права.

С другой стороны, неполиткорректные высказывания, которые нам представляются интересными для анализа и сравнения, так же часто встречаются в политическом дискурсе. Политические лидеры прибегают к неполиткорректным высказываниям для того, чтобы выставить оппонента в невыгодном свете, обратить внимание на слабые стороны его политической программы.

Проявление политической некорректности часто встречается в предвыборных теле- и радиодebатах, когда каждый сам за себя и старается любыми способами очернить оппонента, что довольно характерно для французской политики в целом. Действительно, примеров несоблюдения правил политкорректности французскими политическими деятелями множество.

Например, во время своего выступления депутат Европарламента Жан-Мари Ле Пен высказался так: «*J'ai connu des femmes tres belles, superbement maquillées en début de soirée, dont le rimmel coulait en fin de soirée*» [9]. Дословно фразу можно перевести как: «Я был знаком с очень красивыми женщинами с великолепным макияжем в начале вечера и с текущей по лицу тушью для ресниц в конце этого вечера». Помимо того, что это высказывание само по себе отличается женофобией, оно было публично адресовано г-же Руаяль, во время предвыборной агитации. То есть, уничижительное высказывание служит целью подчеркнуть несостоятельность Сеголен Руаяль в глазах предвыборного электората и как женщины, и как политика, так как данное высказывание может также истолковываться как профессиональная некомпетентность депутата от партии социалистов. Как правило, выступления Сеголен Руаяль славятся сильным началом «*en début de soirée – в начале вечера*» с множеством обещаний, призывов, лозунгов и слабым завершением «*en fin de soirée – в конце вечера*» с явным отсутствием конкретных действий в ее предвыборной программе. Как мы видим, г-н Ле Пен использовал уничижительную аргументацию для того, чтобы провести параллель между бытовыми и политическими качествами своего соперника.

Продолжая в том же ключе, можно привести в качестве примера неполиткорректности высказывание президента Французской Республики Николя Саркози во время его выступления перед депутатами фракции «Союз за народное движение». Высказывание было также адресовано госпоже Руаяль, а именно «*Le vide sidéral de sa pensée*» [10], которое можно дословно перевести как «космическая пустота ее мысли». Данное высказывание, как и предыдущее, служит для уничижительной оценки деятельности основного оппонента Саркози. Таким образом, президент Пятой республики, умышленно, без лестных выражений явно намекает на пустоту высказываний и, следовательно, полную политическую несостоятельность оппонента, употребляя гиперболическое высказывание о пустоте мысли, и политической программы в целом.

Приведем пример неполиткорректного высказывания в сторону Николя Саркози, произнесенного спикером от социалистов Бенуа Амоном во время его интервью газете Ле Фигаро: «*Le syndrome du petit homme*» [15] – «синдром маленького человека». Известно, что мужчины маленького роста комплексуют из-за этого в детстве и стараются всю жизнь доказать, что они способны на большие поступки и могут многого добиться в жизни, вследствие этого они амбициозны, обычно делают хорошую карьеру. Как нам кажется, данное высказывание служит для того, чтобы подчеркнуть психологическую несостоятельность действующего президента в глазах электората, то есть неспособность не то, чтобы руководить республикой, но и справляться со своими внутренними проблемами и амбициями. В связи с этим прослеживается явный намек на связь между предположительно существующими глубоко личными проблемами г-на Саркози и не совсем адекватной политической линией партии, которой тот руководит.

Приведем еще один пример неполиткорректного высказывания против президента Саркози, произнесенного Лораном Фабиусом, французским политиком, бывшим премьер-министром Франции. В одном из своих интервью для французской газеты Ле Монд он

сказал: «*Monsieur Sarkozy est dans la propagande, dans les faits cela n'avance pas. Il commence a te chauffer les oreilles*» [14] – «*Господин Саркози занят пропагандой и не продвигается в конкретных действиях. Он начинает раздражать меня*». Господин Фабиус обвиняет Николя Саркози в том, что его политика является сплошной агитацией, пропагандой без конкретных поступков и действий. В конце своего высказывания он прибегает к метафоре «*chauffer les oreilles*», что в переводе означает «*выводить кого-либо из себя, злить, раздражать, доводить кого-либо*» [7]. Как нам кажется, такой своеобразный переход на личности призван увеличить отрицательное отношение к действующему президенту Франции. Целью данного высказывания является попытка достичь коммуникативного конфликта, неудачи политической программы противника («*Господин Саркози занят пропагандой*») в целом, создать у оппонента ощущения вражды и неприятия и, тем самым, настроить слушателя против не только самого г-на Саркози, но и всей его политической программы.

Таким образом, проанализировав некоторые высказывания французских политических деятелей, мы можем прийти к следующим выводам.

Политкорректность способствует ослаблению напряжения вокруг происшествия, факта, эпизода. Грамотно используемая политическими деятелями политкорректность может одновременно удовлетворить адептов разных партий, от ультраправых до левых. Политкорректность позволяет привлечь внимание электората на нужные для политика события и уйти от острых вопросов.

Выражение неполиткорректности позволяет, наоборот, заострить острые конфликтные стороны противоборствующих сторон. С помощью неполиткорректности достигается эффект коммуникативного обострения, напряженных отношений. Следует отметить, что политические лидеры, которые применяют в своем политическом дискурсе неполиткорректные высказывания, привлекают внимание к своей фигуре и, как следствие, к партии, которую они представляют, так как, когда речь идет о политике, любой эффект, в том числе и скандальный, к сожалению, является результативным.

В целом же, по результатам нашего исследования можно утверждать, что политкорректность и неполиткорректность – две неотъемлемые черты современного политического дискурса, ярко и разнообразно проявляющиеся во французских СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136-137.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: «Гнозис», 2004. – 390 с.
4. Кубрякова, Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 186-197.
5. Попова, Е. А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения / Е. А. Попова // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 143-152.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: «Гнозис», 2004. – 326 с.
7. АBBYU Lingvo x3. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 5 июля 2011]
8. <http://www.citations-francaises.fr/Jean-Francois-Revel-auteur-709.html>. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 2 июля 2011]
9. Journal du Dimanche, 29 octobre 2006. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 6 ноября 2011]
10. Liberation, 18 novembre 2006. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 6 ноября 2011]
11. Le Monde, 19 janvier 2007. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 9 июля 2011]
12. Le Monde, 20 janvier 2007. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 9 июля 2011]
13. Le Monde, 21 janvier 2007. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 9 июля 2011]
14. Le Monde, 31 septembre 2006. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 6 ноября 2011]
15. Le Figaro, 22 septembre 2007. [Электронный ресурс]. [Дата обращения 6 ноября 2011]
16. http://www.lefigaro.fr/election-presidentielle-2007/20070111.-FIG000000238_1_elog_e_de_la_justice_chinoise_par_royal_fait_des_vagues.html [Электронный ресурс]. [Дата обращения 16 января 2012]

Маниковская М. А.
M.A. Manikovskaya

ДИСКУРС МЕТАКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

META-CULTURAL COMMUNICATION DISCOURSE

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; 84212325498. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

Ms. Mariya A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Far-Eastern State University of Humanities (city of Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, 68, Karl Marks street; tel.: +74212325498. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

Аннотация. Понятие метакультуры ориентирует переключить анализ с мнимо объединяющих усилий на рефлексивную способность культур к взаиморазвитию благодаря обоюдной возможности дара, который выступает социально значимым кодом, порождающим дискурс метакультурного общения. В динамике такого взаимного обмена культурными достижениями имеет основание процесс создания норм и правил метакультурного дискурса, артикулирующих не только признание инаковости другой культуры, но и добровольное намерение и способность сторон выстраивать отношения, исключающие одностороннюю экспансию культурных ценностей, давление, насильственную ассимиляцию культур.

Summary. The concept of meta-culture directs to switch the analysis from quasi uniting efforts over to the reflexive ability of cultures for mutual development thanks to the mutual potentialities of gift, acting as a socially-significant code that generates a discourse of metacultural communication. The dynamics of such mutual cultural achievements' exchange are based on the process of developing the norms and rules of metacultural discourse that articulate not only the recognition of the other culture's 'otherness', but also a free-will intention and ability of the parties to build relations which exclude one-way expansion of cultural values, pressure and forced assimilation of cultures.

Ключевые слова: метакультура, метакультурное общение, дар, дискурс, рефлексивная способность, социально значимый код.

Key words: metaculture, metacultural communication, gift, discourse, reflexive ability, socially-significant code.

УДК 101.1: 316

Контroversы глобализирующегося мира образуют проблемное поле, эпистемологической размерности которого оказался релевантным теоретико-методологический потенциал *метакультуры* [7]. Это сравнительно новое понятие открывает перспективу аутентичного осмысления культуры в той напряженной ситуации, что детерминируется и усложняется глобализацией. Интегративные тенденции последней, установление общности мировых процессов не могут «отменить» антиномичности культуры как имманентного способа ее бытия, онтологических условий ее пребывания в единстве и различии, одновременно сочетающей противоположные устремления как к всеобщности, так и самобытности. Мировая культура обеспечивает свою возможность только при наличии сохранения уникальности, своеобразия национальных, этнических культур. Логика метакультуры ориентирует переключить анализ с мнимо объединяющих усилий на рефлексивную способность культур к взаиморазвитию благодаря обоюдной возможности дара. Фундируемая таким способом метакультура конституирует особое состояние, фундаментом

которого является этика. Отсюда очевидна внятная позиция метакультуры в истолковании межкультурных отношений, конструктивно отличающихся от подходов, защищающих «модель ассимиляции понимания, согласно которой радикальная интерпретация означает или приспособление к собственным меркам рациональности, или конверсию, соглашение, то есть подчинение рациональности совершенно чуждой картины мира» [5]. Метакультура не просто актуализирует и акцентирует значимость темы межкультурных отношений, а структурирует радикально новую семантику и благодаря новаторскому философско-методологическому содержанию этого понятия детерминирует несуществовавший прежде план аналитики общения культур.

Герменевтические процедуры межкультурных отношений выявляют различные их типы, что нашло отражение в понятиях коммуникации, диалога, общения, борьбы.

При всей близости с коммуникацией и диалогом общение – это особое отношение. «Современный общенаучный язык (в особенности в его «русском варианте») сам сказывает о различении общения как акцентировано индивидуально-личного отношения и коммуникации как отношения социально-институционализованного и как такового обезличенного» [8]. Отношение есть «истина всякого существования» [1], состоящего в отделенности и связи объектов и отражающих их форм мышления. Общение конституирует отличное от других отношение, снимающее временное, пространственное, содержательное дистанцирование культур. Исключая простой обмен информацией, культурными продуктами, оно обеспечивает совместный поиск истины и смысла бытия, что служит основой культурного единения.

Общение обретает особую значимость и смысл, когда оно становится метакультурным. Эксплицируя это принципиальное положение, считаем необходимым прояснить *онтологические условия* метакультурного общения, а также возможность рационального обоснования *универсалистских претензий метакультурного дискурса*.

Взаиморазвитие национальных, этнических культур обеспечивается благодаря рефлексивной способности творчески в качестве дара обоюдно использовать их достижения. Следует акцентировать, что метакультурное общение базируется на взаимопонимании. При этом оно выступает не следствием общения, а его онтологическим условием. Адекватно воспринимать и использовать достижения другой культуры возможно при условии ее аутентичного понимания.

Взаимопонимание культур зиждется на некоем единстве, общем начале, выступающим предельным основанием свершения этого акта. Импульсом этой идеи и методологическим ориентиром ее рационального развертывания является вопрошание М. Хайдеггера, сформулированное в диалоге между представителями восточной и европейской культур [6]. Его суть – философское постижение возможности объединяющего основания как условия возможного понимания. И хотя в диалоге речь идет о языке, представленная в нем логика экспликации может быть экстраполирована и на другие явления культуры. И тогда вслед за М. Хайдеггером, проложившим перспективный путь анализа, поставим вопрос: можно ли прийти в опыте мысли до существа общения культур, где зазвучало бы нечто, вытекающее из одного источника? Обнадеживающие поиски одного источника обещают раскрытие онтологического основания понимания как условия общения культур.

Признание взаимопонимания в качестве онтологического условия общения культур не исключает в его интерпретации ситуации неразрешимости. Аутентичное понимание иной культуры невозможно, даже если соблюдены все герменевтические правила. Абсолютное взаимопонимание сопряжено с утратой идентичности. Понимание принадлежит сфере смысла. Разность культур неизбежно детерминирует смысловой разрыв, преодолеть который призвано общение. Однако несмотря на установку «как бы» встать на место другой культуры, чтобы изнутри (в другом ракурсе, в близкой оптике) видеть ее сущность, возможности, тем не менее нельзя ликвидировать смысловой зазор.

Сравнительно новое понятие метакультуры, тематизирующее особую способность культур к взаиморазвитию, одновременно имплицитно фиксирует детерминацию и их особо

общение. Удовлетворить эпистемическую претензию на экспликацию особенности этого феномена обещает его же дискурс. Метакультурное общение как отдифференци-рованная подсистема порождает собственный дискурс – речевую практику, организация и упорядоченность которой имеет внелингвистическую детерминацию. Поскольку в интерпретации дискурса акцент смещается в сторону социальной обусловленности, ориентации на выявление объясняющих причин того, что высказывается, то его аналитика становится компетенцией не лингвистики, а философии. Дискурс, благодаря особой организации и развертывания речи, оказывается носителем значений и смысла, ибо «... семиологический порядок – это еще не весь язык; необходимо перейти от языка к дискурсу: только в этом плане можно говорить о значении» [4]. Трансформационный потенциал языка, реализованный и развернутый благодаря внелингвистическим средствам, служит для выражения смысла явления (объекта), инициирующего дискурс. Объектом высказываний, образующих дискурс метакультурного общения, становятся не все культурные артефакты, а только такие культурные достояния, которые в качестве дара несут в себе возможность взаиморазвития культур. Отсюда следует, что собственным способом, порождающим дискурс метакультуры, является дар культурных достояний как его социально значимый код. Если следовать плодотворной методологии системной теории Н. Лумана [3], исходящей из различения системы и окружающей среды, то к последней относятся любые культурные явления. Дискурс метакультурного общения включает в свою систему только такие культурные явления, которые соответствуют его коду. Система способна «видеть», то есть отличать в окружающей среде «свое» — культурные достояния с потенциалом дара — и оставлять без внимания другое. «Увиденное», то есть релевантное системе, уже есть внутрисистемное событие. Метакультурный дискурс производит и воспроизводит высказывания, артикулирующие способность культур выполнить, по выражению Рабиндраната Тагора, свой национальный долг, представив миру лучшее из того, что у нее есть. По убеждению индийского мыслителя, писателя и художника, «благородная душа и есть богатство нации, а ее достояние в умении, преодолевая свои узкие интересы, отправить всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры» [цит. по 2]. В этом суждении Р. Тагора, приводимого Кавабата Ясунари в Нобелевской речи, принципиально важным является этический пафос, соответствующий понятию метакультуры, ибо ее смысл фундирован этикой. Дискурс метакультурного общения манифестирует признание достоинства, значимости другой культуры, что роднит его с дискурсом межкультурного общения, который выстраивается на солидной основе общих фоновых убеждений, взаимных ожиданий по правилам, по меньшей мере, имплицитно признанным. В пространстве более или менее полных оснований межкультурного общения специфицируется дискурс метакультурного общения, который предполагает смену его базовой парадигмы. «Это требует решительного перехода из фонового режима достижения согласия в рефлексивный режим» [7, 33]. Его порождают не просто культурные самоочевидности, а достижения с потенциалом дарственного общения. Понятие дара, употребляемое в значении самоотверженности, призвано акцентировать смысл метакультурного общения, в котором торжествует не дающая культура, а упрочившаяся связь культур, общность, которая их взаимно обогащает. В динамике такого взаимного обмена культурными достижениями имеет основание процесс создания норм и правил метакультурного дискурса, артикулирующих не только признание инаковости другой культуры, но и добровольное намерение и способность сторон выстраивать отношения, исключаящие одностороннюю экспансию культурных ценностей, давление, насильственную ассимиляцию культур. Дискурс метакультурного общения специфицирует высказывания относительно своих объектов, делая их релевантными интересубъективно разделяемым значениям. Речевая практика метакультурного общения утверждает и транслирует нормы и образцы бескорыстного взаимообмена культурными достояниями в «поле недискурсивных практик» (М. Фуко), где происходит их усвоение современниками и участниками этих практик.

Дискурс метакультурного общения структурирован принципами, фундированными этикой, что прямо вытекает из метакультуры, рефлексивное состояние которой, по определению, обнаруживает, что основанием культуры является этика [7]. Каким же образом это онтологическое основание может быть гарантировано? Ведь для метакультурного дискурса в настоящее время не существует особенных, благоприятных условий. Более того, сегодня преобладает дискурс демонстративного насилия норм и образцов американской культуры. При этом следует констатировать, что диктат дискурса заокеанской культуры осуществляется в условиях слабой конкуренции либо и вовсе отсутствующей со стороны дискурсов других культур, и не потому, что у них нет контрпотенциала, а потому, что нет институциональной поддержки. Думается, что гарантировать метакультурный дискурс, способный обновлять нормативные основы своего существования из собственных ресурсов, может метакультурное сообщество. Для последнего дискурс является не просто способом репрезентации своей приверженности метакультуре, а необходимым условием расширения границ ее присутствия, активного структурирования метакультурного общения в систему межкультурных отношений благодаря его усилиям. Руководствуясь принципами коммуникативной рациональности и аргументами метакультуры, внятно обосновывающими ее телос, метакультурное сообщество рефлексивно позиционирует себя в качестве реальной силы, понимающей цель метакультуры и ориентирующей на ее достижение. Современной онтологизации отношений насильственной ассимиляции по принципу сильнейшего, конверсии, подчинения рациональности чуждой культуре метакультурное сообщество противопоставляет разумную альтернативу метакультурных отношений, смысл которых релевантен сущности имманентного бытия культуры, базирующегося на онтологически обусловленном стремлении как к всеобщности, так и сохранению самобытности, уникальности национальных культур. Дискурс метакультурного сообщества становится критической силой, разрушающей навязываемое представление об утверждении одной культурной идентичности как о вполне закономерном и естественном процессе, якобы отвечающем вызову глобализации.

Опасной практике культурной интервенции противостоит инициатива метакультурного сообщества, реализующего в акциях бескорыстного взаимообмена культурными достижениями смысл метакультуры. Артикулируя интересубъективно разделяемую интерпретацию культурного дара, дискурс метакультурного общения способен формировать «капитал доверия» (Ю. Хабермас), благодаря которому возможно успешное углубление содержания взаимопонимания и общности культур, расширение пространственно-временных границ этих процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г. Сочинения. В 14 т. Т. 1 / Г. Гегель. – М. - Л., 1929. – С. 226.
2. Кавабата, Ясунари «Красотой Японии рожденный» (Нобелевская речь) / Ясунари Кавабата // Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. – М.: Искусство, 1993. – С. 264.
3. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007. – С. 240-281.
4. Рикер, П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: «Academia- Центр», «Медиум», 1995. – С. 401.
5. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М.: «Весь мир», 2008. – С. 22-23.
6. Хайдеггер, М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
7. Ячин, С. Е. Состояние метакультуры / С. Е. Ячин. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 268 с.
8. Ячин, С. Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена / С. Е. Ячин. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – С. 233.

Теличева Е. Г.

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КАК СТАРТОВОЕ УСЛОВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Теличева Е.Г.

E.G. Telicheva

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КАК СТАРТОВОЕ УСЛОВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

COMPETITIVE ADVANTAGES AS A START CONDITION OF REGIONAL TOURISM DEVELOPMENT BY THE EXAMPLE OF KHABAROVSK TERRITORY.

Теличева Елена Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Тихоокеанского государственного университета; г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 136, 8(4212)22-44-21

Mrs. Elena Telicheva – Candidate of Sociological Sciences, associate professor. Pacific National University (Russia? Khabarovsk, 136 Nihookeanskaya street), tel : 8 (4221) 22-44-21

Аннотация: Внутренний и въездной туризм являются приоритетными направлениями государственного регулирования туризма в Хабаровском крае. Однако анализ данных туристского потока свидетельствует о превышении туристского импорта над экспортом, что не соответствует экономическим интересам региональной политики. Автором выявлены факторы, сдерживающие развитие въездного и внутреннего туризма; проведены социологические опросы: с целью определения отношения иностранных туристов к Хабаровскому краю как туристской дестинации и определения отношения жителей города Хабаровска к созданию туристско-рекреационной зоны на острове Большой Уссурийский.

Summary: Domestic tourism and inbound tourism are government regulation priorities in Khabarovsk Territory. However, data analysis of a tourist flow is the evidence of excess of tourist imports over exports. This fact is not in the economic interests of regional policy. Also sociological survey was made which aims to defining of foreign tourists attitude to Khabarovsk Territory as tourist destination and defining of inhabitants attitude to tourism and recreation zone development on the Bolshoi Ussuriyski islang.

Ключевые слова: туризм, туристский регион, туристская дестинация, конкурентное преимущество, инновации, социологические исследования, эффективность.

Key words: tourism, tourist region, tourist destination, competitive advantage, innovations, sociological searching, efficiency.

УДК 338.48

В современном мире конкурентоспособность стала одним из ключевых понятий, определяющих успешность субъекта на внешнем и внутреннем рынках.

Понятие конкурентоспособность чаще всего используется в системе маркетинга, как области деятельности, направленной на достижение конкурентных преимуществ.

Научные школы экономики и управления, основываясь на различных концептуальных подходах, предлагают несколько отличные друг от друга трактовки. Например, по мнению М.И. Гальвановского конкурентоспособность – это понятие, которое отражает требования рынка и ориентирует субъекты конкурентной борьбы на активные действия по завоеванию рыночных позиций, их удержанию, укреплению и расширению. В.В. Овчинников трактует конкурентоспособность как способность товара обеспечить коммерческий успех на определенном рынке в условиях действия конкурентов.

Производным от понятия конкурентоспособность, является понятие конкурентные преимущества.

Конкурентное преимущество — это те характеристики рыночной деятельности предприятия, которые создают определенное превосходство над конкурентами. Создание конкурентных преимуществ связано с разработкой комплекса мер в области товара, распределения, цены, стимулирования, обеспечивающего превосходство над аналогичными действиями конкурентов.

Конкурентные преимущества в рамках региона – это уникальные осязаемые и неосязаемые ресурсы, которыми обладает регион, а также стратегически важные для данного региона сферы бизнеса, которые позволяют ему побеждать в конкурентной борьбе. Конкурентные преимущества представляют собой высокую компетентность региона в индустрии туризма, которая дает ему наилучшие возможности преодолевать конкуренцию, привлекать туристов и сохранять их приверженность к посещению данного региона /1/.

Таким образом, под конкурентоспособностью следует понимать, прежде всего, обладание уникальными свойствами, создающими преимущества для субъекта конкурентной борьбы.

Ключевыми областями формирования конкурентных преимуществ на предприятиях сферы туризма становятся: инновации в сфере туристских услуг, качество туристских услуг и управление поведением потребителей.

Одним из критериев уровня развития страны является степень социальной ориентированности ее экономического развития. В концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года одним из главных направлений является повышение уровня жизни российских граждан, в том числе за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма, а также обеспечения качества, конкурентоспособности туристских услуг. Развитие предпринимательства и добросовестной конкуренции в туризме является одним из важнейших факторов, способствующих формированию новой социально-ориентированной экономики.

Для оценки конкурентоспособности туристской индустрии используются специальные рейтинги. Заслуживает внимания оценка, проводимая Всемирной организацией туризма и путешествий (WTTC).

В ежегодном докладе Travel and Tourism Competitiveness Report, публикуемом в рамках Всемирного экономического форума World Economic Forum (WEF), рассматривается индекс конкурентоспособности туристической индустрии различных стран, учитывающий факторы, влияющие на привлекательность туристической индустрии для развития и инвестиций. Все факторы подразделяются на три блока:

- законодательное регулирование,
- бизнес-климат и инфраструктура,
- человеческие, культурные и природные ресурсы.

При составлении рейтинга и индекса конкурентоспособности секторов путешествий и туризма (ТТСИ) используются статистические данные и исследования всемирных организаций, в том числе, Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), Международного союза по сохранению природы (IUCN), Всемирной туристской организации (UNWTO), Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC), а также результаты опросов топ-менеджеров. В 2008 году в рейтинге участвовали 124 страны (Россия заняла 64 место), в 2009 – 133 страны (Россия заняла 59 место), в 2011 – 139 стран (Россия осталась на 59 месте в мире, в Европе – на 33 месте). Туристские ресурсы и возможности России оцениваются очень высоко, однако по многим инфраструктурным показателям Россия заняла одно из последних мест.

В последнем четвертом отчете 2011 года по сектору путешествий и туризма Всемирного экономического форума (ВЭФ), который озаглавлен «По ту сторону кризиса», верхние строчки рейтинга заняли Швейцария, Германия, Франция, Австрия, Швеция, США, Великобритания, Испания, Канада, Сингапур (таблица 1).

Таблица 1

Рейтинг конкурентоспособности секторов путешествий и туризма

Страна	Рейтинг 2009 г.	Рейтинг 2011 г.	Изменения в рейтинге 2009-11 г.г.
Швейцария	1	1	0
Германия	3	2	+1
Франция	4	3	+1
Австрия	2	4	-2
Швеция	7	5	+2
США	8	6	+2
Великобритания	11	7	+4
Испания	6	8	-2
Канада	5	9	-4
Сингапур	10	10	0
...
Россия	59	59	0

Как и в предыдущие годы, в 2011 году сильными сторонами России в сфере туризма были названы богатые рекреационные ресурсы. Отмечено, что в последние два года повышается уровень развития инфраструктуры, в частности, улучшена инфраструктура воздушного транспорта, но инфраструктура наземного транспорта осталась неудовлетворительной. К негативным факторам отнесена низкая ценовая конкурентоспособность, проблемы с доступностью человеческих ресурсов, слабая эффективность туристской политики, а среда регулирования сектора путешествий и туризма охарактеризована как неблагоприятная [2].

Правительством Хабаровского края туристская отрасль определена как одна из наиболее перспективных и динамично развивающихся отраслей в экономике края. Приоритетными направлениями государственного регулирования туризма в крае признаны: поддержка и развитие внутреннего и въездного видов туризма, обеспечивающих привлечение инвестиций в экономику края, развитие туристской инфраструктуры, а также создание привлекательного имиджа края как одного из туристских центров Дальнего Востока России [3].

По данным Управления по туризму министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края, по итогам 2011 года 270 организаций оказывают туристско-экскурсионные услуги на территории края, 138 из которых включены в Единый федеральный реестр туроператоров.

Численность занятых непосредственно в туризме края составила 1,9 тысяч человек. Объем туристских услуг, реализованных в 2009 году, составил 538 млн. рублей, что на 14,5% больше уровня 2008 года.

Проследив динамику туристского потока Хабаровского края за 2005 – 2011 годы, можно отметить тенденцию к спаду въезда иностранных и российских туристов, посещающих край в 2009 году как следствие финансово-экономического кризиса [4].

В период с 2005 по 2008 годы общий турпоток края характеризуется положительной динамикой. Въезд иностранных посетителей в 2009 году в край сократился на 52,5% (около 10,0 тысяч человек) по сравнению с аналогичным показателем 2008 года. С 2010 года наблюдаются положительные изменения по въездному туризму в Хабаровском крае, показатель въезда составил 347 тысяч человек, что на 0,4% больше показателя 2009 года. В целях

определения отношения иностранных туристов к Хабаровскому краю как туристской дестинации в мае 2011 года на базе кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Тихоокеанского государственного университета было проведено исследование. Исследование было организовано со следующими целями: выявить демографические, социально-экономические характеристики респондентов, предпочтения культурного характера; цель и период приезда; причины неудовлетворенности потребностей и спроса; направления повышения конкурентоспособности туристской дестинации Хабаровского края.

Порядок сбора информации:

- опрос респондентов в городе;

- посещение офисов туристских компаний, гостиниц г. Хабаровска и проведение анкетирования.

Методика исследования включала в себя статистические и аналитические методы сбора и обработки информации. При этом в качестве основного метода получения информации использовалось письменное анкетирование непосредственных потребителей данных услуг, которые и являлись источником информации.

Метод построения выборки – простая случайная выборка. С учетом отсеянных и забракованных анкет выборка составила 152 человека (иностранцев туристов).

В исследовании приняли участие 152 респондента, из них, 71% жителей КНР, 25% японцев и 4% жителей Канады. Большинство из опрошенных относятся к возрастной группе от 26 до 44 лет. 4% респондентов путешествуют по Хабаровскому краю семьей, 36% - индивидуально, 13% путешествуют в компании и 35% приехали в составе туристической группы.

Большинство респондентов ранее не посещали Хабаровский край, к ним относятся 52% опрошенных, посещали ранее Хабаровский край около 21% опрошенных, город Хабаровск посещали 35% респондентов. Как источник информации о Хабаровском крае 54% респондентов указали знакомых, друзей и родственников, 29% иностранцев о Хабаровском крае узнали в туристическом агентстве, 25% указали источником Интернет, около 7% узнали о крае в специализированных каталогах, туристических изданиях и только 5% респондентов узнали о крае из рекламы.

Целью посещения Хабаровского края для 42% иностранных жителей является отдых, 19% приехали в Хабаровский край с целью получения образования, профессионально-деловая цель отмечена 12% опрошенных, 12% респондентов отметили гостевую цель, по 8% из опрошенных указали спортивную цель и трудоустройство, 4% приехали с целью лечения и оздоровления.

Популярным видом транспорта иностранцев для прибытия в Хабаровский край является воздушный (71%), железнодорожным транспортом, как и на автобусе, прибыли 15% опрошенных. Из опроса выявлено, что чаще всего иностранцы пребывают на территории Хабаровского края от трех до четырех дней (25%), от одной до двух недель останавливаются 23% респондентов, пять-семь дней отмечены 17% респондентов, 17% указали пребывание более шести месяцев, от двух недель до месяца пребывают 7% иностранцев и от двух до трех месяцев останавливаются в Хабаровском крае 6% иностранцев. 54% иностранных посетителей отметили удовлетворение качеством предоставляемых туристских услуг в Хабаровском крае, 21% опрошенных затруднились ответить и 19% указали, что скорее удовлетворены качеством, чем нет.

Самым популярным туристическим объектом Хабаровского края для иностранцев явились музеи (62%). Экскурсии по Хабаровску выбрали 60% респондентов. Также приезжающим иностранцам интересны посещение кинотеатров (40%), спортивно-зрелищных объектов (29%), выезды на природу (27%), посещение туристического центра «Утес» (13%), туристического комплекса «Заимка» (13%), кинотеатров (17%), круизы по Амуру (12%), походы в горы (9%).

Теличева Е. Г.

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КАК СТАРТОВОЕ УСЛОВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

К недостаткам в путешествии по Хабаровскому краю иностранные гости отнесли высокие цены в магазинах (25%), высокие цены в ресторанах и на продукты питания (17%), некачественное питание (11%), высокие цены в гостиницах (9%), преступность и отсутствие или ограниченная возможность пользования средствами связи (7%). Развитием инфраструктуры в крае удовлетворены 54% респондентов, 46% затруднились ответить на данный вопрос.

В целях повышения конкурентоспособности региона в туристской направленности, в исследовании предлагался перечень направлений, которые необходимо развивать. Повышение уровня сервиса было отмечено 27% респондентов, 23% хотели бы увеличить разнообразие предоставляемых туристам развлечений, на снижение цен на гостиничные услуги и транспортные тарифы указали 17% опрошенных, снизить цены на туристические путевки предложили 13% респондентов, формирование имиджа предложено 11% респондентов, повышение квалификации обслуживающего персонала и налаживание контактов с зарубежными туристскими фирмами отметили 9% иностранцев.

Желание осуществить путешествие по Хабаровскому краю еще раз проявили 61% иностранных посетителей, скорее всего, посетят еще раз Хабаровский край 35% иностранцев, отказались от приезда снова 4% респондентов.

Анализ данных туристского потока свидетельствует о превышении туристского импорта над экспортом, что не соответствует экономическим интересам края и, в значительной степени, снижает вклад туризма в региональную экономику. Опираясь на результаты анкетирования, отчеты Управления по туризму, можно заключить, что основными сдерживающими факторами являются: низкая инвестиционная активность в сфере туризма; значительный физический и моральный износ транспортных средств, осуществляющих перевозку туристов; отсутствие в крае современных круизных судов и круглогодично действующего перехода российско-китайской границы; недостаточное количество средств размещения и объектов культурно-развлекательного назначения, уровень и состояние которых соответствуют требованиям современного туристского рынка; высокие цены на основные туристские услуги, качество которых не соответствует мировым стандартам, ярко выраженная сезонность туризма в связи с суровыми климатическими условиями; недостаток культурно-развлекательных объектов и несоответствие их мировым стандартам, недостаточная безопасность отдыха. Проблема и в малочисленности знаковых событийных мероприятий – фестивалей, национальных праздников, конференций. Кроме того возможности края мало рекламируются за рубежом и в России [5].

Указанные проблемы существенно снижают возможный экономический эффект от туризма, обусловленный межотраслевым характером его деятельности (оказание посреднических услуг в виде сформированного туристского предложения).

Так, по данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю за 2009 год, свыше 73% затрат предприятий на производство турпродукта составили расходы на приобретение прав на услуги сторонних организаций, наибольший удельный вес среди которых заняли: услуги по размещению и проживанию (47%), транспортному обслуживанию (41,6%) и питанию (5,5 процентов).

По оценке Дальневосточного НИИ рынка при Минэкономразвитии России, в 2009 году доля туризма в валовом региональном продукте Хабаровского края составила с учетом мультипликативного эффекта 4,6%, при чём за счёт прямых доходов от туризма было обеспечено 0,4% ВРП, остальные 4,2% сформированы косвенными к туризму видами экономической деятельности (среднероссийский показатель с учетом мультипликативного эффекта – 6,3%).

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости устойчивого развития на территории края современного туристского комплекса, способного обеспечить как население, так

и прибывающих в край российских и иностранных гостей современными, качественно новыми и доступными туристскими услугами [6].

Таблица 2

Экономическая эффективность от реализации Проекта

Кластеры/компоненты	Инвестиции, млн. руб. (в ценах 2010 года)	IRR, %	PBP, лет
<i>Проект в целом,</i>	22000,0	18,22%	8,89
<i>в том числе:</i>			
Кластер 1 - Инфраструктура	12225,3	-	-
Кластер 2 - Жилищный	4280,2	26,58%	6,15
- <i>Поселок таун-хаусов</i>	1398,7	18,43%	4,82
- <i>Коттеджный поселок эконом</i>	2457,0	43,63%	7,42
- <i>Коттеджный поселок люкс</i>	424,5	13,41%	6,88
Кластер 3 - Развлекательный	2819,2	16,13%	10,78
- <i>Парк развлечений</i>	399,2	34,16%	6,94
- <i>Гостиница 3*</i>	162,8	27,26%	9,31
- <i>Аквапарк</i>	496,9	13,50%	11,77
- <i>Конноспортивный комплекс</i>	20,2	7,67%	12,66
- <i>Торгово-развлекательный центр</i>	1375,0	10,82%	12,44
- <i>Гольф-клуб</i>	365,1	5,87%	13,40
Кластер 4 – Оздоровительный центр	840,0	-	-
Кластер 5 – Торгово-логистический	461,6	14,87%	9,61
- <i>Логистический центр</i>	295,0	14,27%	9,82
- <i>Бизнес-центр</i>	166,6	15,86%	9,28
Кластер 6 - Сельскохозяйственный	132,0	5,88%	13,50
Кластер 7 – Восточно-Азиатский центр делового сотрудничества	1241,7	19,60%	8,40

В Хабаровском крае государственное регулирование туризма осуществляет Управление по туризму, входящее в состав министерства молодежной политики, спорта и туризма Хабаровского края. Управлением по туризму ведется работа по формированию системы государственной поддержки внутреннего и въездного туризма, включающая в себя: развитие туристской инфраструктуры, привлечение в край российских и иностранных туристов, а также продвижение турпродукта Хабаровского края на российском и международном рынках туристских услуг. Работа по развитию туризма в крае велась в тесном взаимодействии с отраслевыми министерствами и муниципальными образованиями края (город Комсомольск-на-Амуре, Ванинский, Нанайский, Советско-Гаванский, Солнечный и Хабаровский муниципальные районы). Создан каталог инвестиционных предложений в сфере туризма.

В целях реализации в полной мере экономических возможностей туризма, министерством молодежной политики, спорта и туризма края с участием туристской обществен-

Теличева Е. Г.

**КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА КАК СТАРТОВОЕ УСЛОВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)**

ности и заинтересованных организаций разработана концепция краевой целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае (2013 – 2020 годы)», которая прошла публичное обсуждение, была рассмотрена и одобрена Советом по развитию туризма при Губернаторе Хабаровского края. Данный документ предполагает преобразование туристской специализации Хабаровского края и формирование следующих туристских кластеров на его территории: создание рекреационных зон в пределах крупных городских агломераций; развитие речных и морских круизов; создание лечебно-рекреационных туристских центров на базе имеющихся бальнеологических ресурсов в Ванинском и Советско-Гаванском муниципальных районах.

Таблица 3

Социальная и бюджетная эффективность Проекта

Показатель	Ед. изм.	Значение
<i>1. Социальная эффективность</i>		
количество рабочих мест, создаваемых в ходе реализации Проекта	рабочих мест	1142
<i>2. Бюджетная эффективность</i>		
поступления в бюджеты всех уровней в ходе реализации Проекта за период 2010-2030 гг.	млн. руб.	11 008,7
<i>в т.ч. поступления в региональный бюджет</i>	млн. руб.	7600,7

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского района на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.12.09 г. № 2094, разработаны направления развития туристского комплекса Хабаровского края в рамках Программы: определено создание объектов туристско-рекреационного использования в пределах городских агломераций, в т.ч. туристско-рекреационного комплекса на о. Большой Уссурийский. В 2010 году Правительством Хабаровского края совместно с Краевым Автономным Учреждением «Институт развития Дальнего Востока» создана концепция Проекта «Комплексное развитие острова Большой Уссурийский». Целью данного Проекта является создание на острове туристско-рекреационного комплекса международного значения, сочетающего экономическую эффективность с принципами устойчивого использования острова в интересах России и Китая. Экономическая и социальная эффективность от реализации проекта представлена в таблицах 2,3.

Понимая выгоды и политическую необходимость симметричного подхода к хозяйственному освоению российской части острова Большой Уссурийский, Правительство Хабаровского края определило приоритетным туристско-рекреационное направление развития острова [7].

С целью определения отношения жителей города Хабаровска к созданию туристско-рекреационной зоны на острове Большой Уссурийский был проведен социологический опрос. Было опрошено 423 жителя города Хабаровска. В исследовании приняли участие люди разных возрастных групп, уровня дохода и проживающие в разных районах города. 69% опрошенных к разделу территории острова относятся отрицательно, а к благоустройству – положительно. Нейтральное отношение к разделу и положительное к благоустройству выразили 14% опрошенных. Нейтрально к разделу и благоустройству относятся 4% респондентов, и 13% респондентов вообще не следят за событиями, связанными с островом. На вопрос

о привлечении внимания жителей города Хабаровска к острову после создания на острове туристско-рекреационной зоны 83% опрошенных отметили, что, несомненно, остров будет пользоваться спросом у жителей Хабаровска, а 17% определили, что интереса к данной территории не возникнет, так как жители Хабаровска предпочитают отдых за границей. На вопрос «Поехали бы вы на остров с целью отдыха при транспортной доступности к острову?» 15% ответили «нет», а 85% опрошенных согласились посетить остров. Из опроса было определено, какую денежную сумму могли бы потратить хабаровчане на отдых на острове за сутки: менее 1000 рублей готовы потратить 13% респондентов, 1000 – 2000 рублей – 33%, 2000 – 5000 рублей – 32%, 5000 – 10000 рублей могут потратить 14% опрошенных и более 10000 рублей смогли бы потратить 8% из исследуемых.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что были опрошены респонденты разных возрастных групп, проживающие в разных районах города Хабаровска. Уровень дохода большинства опрошенных составляет от десяти до двадцати тысяч рублей в месяц. Определено, что средняя потраченная сумма за сутки, проведенные на острове с целью отдыха, составит от одной до пяти тысяч рублей. Показательным является мнение жителей города Хабаровска о том, что данная территория при ее хозяйственном освоении будет, несомненно, пользоваться спросом у хабаровчан. Также положительным результатом является то, что 85% опрошенных выразили свой интерес к посещению острова с целью отдыха. Из предложенных объектов в опросном листе, определенных в концепции «Комплексное развитие острова Большой Уссурийский», наиболее интересным, по мнению жителей города, является аквапарк. Приоритетным направлением в привлечении туристов станет комплексное освоение острова Большой Уссурийский в качестве туристско-рекреационной зоны.

Резюмируя, следует отметить, что конкуренция в сфере туризма включает:

- конкуренцию по местам рекреации: в сознании потребителей конкурируют климатические и ландшафтные преимущества тех или иных мест;
- конкуренция по уровню комфорта: конкурируют специально созданные условия, такие, как комфортность транспорта, применяемого для перевозок туристов, комфортность мест проживания;
- конкуренция по ширине ассортимента оказываемых услуг;
- конкуренция по продвижению туристского продукта.

На рынке туристских услуг Хабаровского края существуют возможности для внедрения новых туристских продуктов, создающих конкурентные преимущества. Этот рынок характеризуется конкуренцией между небольшими предприятиями и динамизмом конкурентной обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова М.А. Индустрия туризма: менеджмент организации / М.А. Жукова. – М., 2004. – 200 с.
2. Морозова, Н.С. Конкуренция и конкурентоспособность в туризме / Н.С. Морозова // Цивилизация знаний: проблемы человека в науке 21 века: Труды двенадцатой международной научной конференции - М.: РосНОУ, 2011. – 0, 8 п.л.
3. Постановление «Об основных направлениях развития туризма в Хабаровском крае на период 2008-2012 годов»: от 6 марта 2008 г. № 72-пр / Правительство Хабаровского края. – Хабаровск, 2008.
4. Итоги развития туризма в Хабаровском крае в 2010 году / Данные Управления по туризму министерства молодежной политики, спорта и туризма Хабаровского края. – 2011.
5. О развитии туризма в Хабаровском крае в 2010 году / Регулирование туризма // Туристический портал Хабаровского края. – <http://www.travel.khv.ru>.
6. Кравченко М. «Поярков» на приколе / М. Кравченко // Российская газета., 2011 г. – <http://www.rg.ru>.
7. Артемьева З. «Новый Гонконг» на Большом Уссурийском / З. Артемьева // Российская газета., 2011 г. – <http://www.rg.ru>.

Хахалова А.А.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТИ

Хахалова А.А.

A. Khakhalova

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТИ

INFLUENCE OF INTERSUBJECTIVE INTERACTION ON BECOMING OF SELF-BEING

Хахалова Анна Алексеевна – аспирант кафедры Онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, khakhalova@mail.ru

Khakhalova Anna – post-graduate student, department of philosophy, Saint-Petersburg University; khakhalova@mail.ru

Аннотация: В работе идет речь об интерсубъективной модели развития субъекта, в которой интерсубъективное бытие становится опытным пространством образования самости и фигуры другого, других людей, мира.

Summary: In the article is offer intersubjective model of development of the subject. In this model intersubjective being becomes experience space of formation of self-being and a figure of another, other people, the world.

Ключевые слова: интерсубъективность, становление, самость, феноменология

Key words: intersubjectivity, formation, to be a self, phenomenology

УДК 316.022.4

Тезис, вынесенный в заголовок, не очевиден и требует доказательства. Рассуждение можно было бы начать со следующих вопросов: как связаны между собой интерсубъективность и чувство самости, в какой мере и каким образом интерсубъективное взаимодействие влияет на становление и развитие чувства самости у субъекта? В свою очередь, понятие самости предполагает разбор следующих вопросов: на что это похоже – быть собой (what it is like to be a self), самостью, пребывать в само-сознании, само-познании (self-awareness, self-consciousness, self-knowledge); что включает в себя чувство самости и каковы условия его возникновения?

Мне хотелось бы представить рассмотрение данного круга вопросов в междисциплинарном пространстве. Внутри аналитической философии существует несколько подходов к проблеме самости (начиная от дефляционистского и заканчивая квази-феноменологическим). Эта проблема порождает вопросы этического, онтологического и гносеологического круга и связана с философией сознания, философией действия и др. Кроме того, в нашем распоряжении имеется значительный материал когнитивных наук по вопросам самости (психология развития, нейрофизиологические исследования и т.д. – среди множества авторов можно выделить работы А. Damasio, J. Gibson, U. Neisser). К этому материалу обращаются такие философы, как J. L. Bermudez, U. Kriegel, O. Flanagan и т.д. Также не следует забывать об открытии феноменологами особого горизонта исследования сознания, которое по-новому поставило вопрос перспективы первого лица и позволило усмотреть феноменологическую сторону сознания. О. Фланаган в своей книге «*Consciousness Reconsidered*» пишет о том, что без диа-

лога с феноменологами картина сознания лишилась бы одного из самых существенных своих измерений, особой сферы субъективного опыта.

Понятие интерсубъективности также требует дополнительного определения. В моей работе речь идет об интерсубъективной модели развития субъекта, в которой интерсубъективное бытие становится опытным пространством образования моей самости и фигуры другого, других людей, мира. Речь идет о первичном¹ опыте интерсубъективного взаимодействия, или о возможности такого опыта (его условиях), изучение которого расширило бы понимание субъективности в целом до ее предельных форм, таких, как до-рефлексивное самосознание, до-лингвистический уровень познания других. Я опираюсь на феномены первичной интерсубъективности, описанные в работах Ш. Галлагера, материал когнитивных наук, а также на психоаналитическую концепцию интерсубъективности Р. Столорой, Б. Брандшафта, Д. Атвуда.

Сегодня представляется сомнительным создать цельную теорию субъективности, не обращаясь к вышеперечисленным областям научного знания. Вышеприведенным методическим рассуждением я хотела проиллюстрировать всю многогранность и сложность предмета междисциплинарного исследования, которое составляет для меня интерес.

Генезис определяющего мою самость опыта.

Одним из основных положений в концепции самости у авторов, которые пишут о развитии субъекта, обращаясь к материалу когнитивных нейрофизиологических наук, является постулирование отелесненного, воплощенного сознания (*embodied consciousness*)². Усваивая уже ставшей аксиоматической системой современной философии экзистенциальную аналитику *Dasein* и феноменологию телесности М. Мерло-Понти, эти авторы исходят из общего начального пункта: вопрос о самости – это вопрос о бытии-в-мире, о телесном субъективном опыте, в структуру которого входят репрезентации нейронных процессов в мозгу, психосоматические феномены (аффекты, эмоции, ощущения и т.д.), окружение, герменевтическая ситуация, другие люди. К. Вайдер так описывает базовый уровень само-сознания: «эта самость – тело как присутствие в мире, т.е. самость как телесное сознание. Осознание такой самости есть осознание того, что значит быть собой,³ этим телесным субъектом сознания в этот конкретный момент и в этом конкретном месте»³.

Главной характеристикой первичного чувства самости, как отелесненного сознания, является его принципиальное отличие от более высших и сложных уровней сознания (например, от рефлексивного сознания). Одним из аргументов в пользу постулирования такого отличия между уровнями сознания выступает проблема бесконечного ряда рефлексий, который в противном случае – если сознание однородно, или если его первый уровень так же рефлексивен, как и все последующие – прочно удерживает свои характеристики неразрешимой проблемы (M. Schumacher, J. L. Bermudez, Thomasson, A. L.).

Это осознание себя как телесного субъекта опыта включает в свою структуру первичное схватывание своего тела в форме ощущения (*sensation*), которое, согласно феноменологическому описанию, изначально представляет собой двойственную структуру. Двойственная реальность (*Doppelrealität*) моего тела, описанная в работах Гуссерля, а затем ставшая ключевым моментом в феноменологии Мерло-Понти, заключается в том, что, с одной стороны, мое тело дано мне как мое внутреннее измерение (*Innenkeit*), пространство моих произвольных движений, с другой – как предмет моего восприятия (*Aussenleiblichkeit*): я могу видеть свою руку и тактильно ощущать собственное тело наравне с предметами внешнего ми-

¹ Термин «первичный» не отсылает нас к онтологическому порядку сущего и не является чем-то более существенным или реальным, чем вторичное, а говорит лишь о временном характере развития субъекта, о его становлении и изменении по мере приобретения все более сложных психических состояний и чувств.

² Ш. Галлагер, Д. Захави, О. Фланаган, У. Найссер и др.

³ «This self is body as a presence to the world, that is, the self as embodied consciousness. Awareness of this self is awareness of what it is like to be me, this bodily subject of consciousness in this particular time and place». K. Wider, *Emotion and self-consciousness / Self-representational approaches to consciousness*, ed. by U. Kriegel, K. Williford, Massachusetts Institute of Technology, 2006 p. 64., перевод мой.

ра. Д. Захави в своей статье «Инаковость в самости»⁴ указывает на то, что двойственность феномена телесности для Мерло-Понти обеспечивает изначальную открытость другому, является необходимым условием для понимания другого как самости, а не просто как некоего объекта во внешнем мире. Более того, двойственную природу телесного опыта можно понять только через посредство другого, во взаимном понимании, прояснении друг другу своей инаковости. Таким образом, для Мерло-Понти интерсубъективность как изначальное расположение к другому является необходимым условием для появления чувства самости у субъекта, для становления субъективности в целом.

Мне хотелось бы выделить два момента из приведенного выше рассуждения: 1 – первичное чувство самости не несет в себе смысл независимо существующей субстанции, или отдельной вещи в мире, она есть бытие-в-мире. Мы можем приписать ему многое из характеристики Dasein как сущего, «сущность которого лежит в его быть»⁵. 2 – дальнейшее его развитие происходит исключительно в интерсубъективном опыте, в со-бытии с другими. Можно сказать, что чувство самости в той же мере есть чувство других. Таким образом, мы можем говорить о развитии не только собственного образа, собственного чувства самости, но и об изменении фигуры другого в моем опыте и о развитии самой интерсубъективности. Психолог С. Тревартен выделяет *первичную интерсубъективность*, чье проявление мы можем заметить уже с первых минут жизни сознания, и *вторичную интерсубъективность*, более зрелую форму коммуникации, в которой субъект разделяет с другим одну и ту же ситуацию.

Исследования в области психологии развития позволяют более детально рассмотреть первый момент становления самости, а именно его экологическую структуру. По мнению Галлагера, направленность организма во вне, в окружение, обеспечивается работой телесной схемы, системы сенсорно-моторных функций организма, действующей на не-сознательном уровне и отвечающей в нашем обыденном опыте за реализацию движений тела⁶. Телесная схема отвечает за связь между нейронными процессами в мозгу и реальным исполнением движения в теле. Повседневный опыт показывает, что мы не нуждаемся в постоянном сознательном контроле для того, чтобы двигаться, совершать действия. По большей части, телесная схема действует анонимно, ничем не выдавая себя. Но одной работы телесной схемы недостаточно для появления первичного чувства самости, в силу ее латентного характера. Галлагер выделяет наряду с телесной схемой другую систему организма, телесный образ. Вторая система представляет собой более сложную структуру, в которую входят: тело в качестве воспринимаемой своей части, тело, поддающееся концептуальному схватыванию, и тело, понимаемое в качестве своего аффективного или эмоционального расположения. На мой взгляд, эти три момента телесного образа неравноценны, так, что мы можем допустить менее развитую форму или полное отсутствие одного из них на том или ином этапе становления самости. Кроме того, «телесный образ часто содержит абстрактную и частичную репрезентацию своего тела в той мере, в какой мое восприятие, мысль и эмоциональная оценка направляют внимание только на часть, или образ, или аспект тела в конкретное время»⁷. Многие исследователи рассматривают телесный образ как более позднее приобретение организма.

⁴ D. Zahavi, *Alterity in Self/ Ipseity and Alterity*, S.G.S. Watson, Ph. Drun & Ph. Romanski (eds.), Rouen, Presses Universitaires, 2004.

⁵ М. Хайдеггер, «Бытие и время», СПб., Наука, 2002, стр.42.

⁶ Телесная схема – это «...система сенсорно-моторных функций, действующих ниже уровня самореференциальной интенциональности. Она содержит множество не выраженных словами актов – предсознательных, подсознательных процессов, которые играют динамическую роль в управлении жестом и движениями. В большинстве случаев движение и сохранение позиции исполняются почти автоматическим действием телесной схемы, поэтому нормальный взрослый субъект не нуждается и не имеет постоянного телесного восприятия». «...it is a system of sensory-motor functions that operate below the level of self-referential intentionality. It involves a set of tacit performances—preconscious, subpersonal processes that play a dynamic role in governing posture and movement. In most instances, movement and the maintenance of posture are accomplished by the *close to automatic* performances of a body schema, and for this very reason the normal adult subject, in order to move around the world, neither needs nor has a constant body percept». S. Gallagher, *How the body shapes the mind*, Oxford University Press Inc., New York, 2005, p. 26.

⁷ «... the body image often involves an abstract and partial representation of the body in so far as my perception, thought, and emotional evaluation attend to only one part or area or aspect of the body at a time». Ibid. p. 29.

Как более развитый, телесный образ включает в себя убеждения субъекта о себе самом, различные установки, эмоциональное расположение к себе, восприятие себя и т.д. Тем не менее, Галлагер настаивает на возможной интегрированной работе телесного образа и телесной схемы, на их взаимозамещаемости и дополнении с самого начала развития.

Двойственность телесного сознания предполагает некую экологическую сферу, окружение, то пространство, которое уже не является мной, моим ощущением, продолжением моего произвольного движения. Это разделение, проведение границ между тем, что является моим ощущением, и тем, что оказывается по ту сторону меня, составляет содержание экологической самости – первой формы самости по Найссеру⁸. Феноменологическое тело, как и экологическая самость не всегда совпадают с границами биологического тела. Например, трость слепого может восприниматься им как продолжение своего тела. То же можно сказать о пишущей ручке, руле, машине и др. предметах нашего опыта. Это позволяет говорить о подвижной границе между собственным бытием и внешним миром, между мной и другими и о том, что является основанием для ее проведения в каждом из случаев. Многие авторы выделяют в этом процессе проприоцепцию – особое чувство, которое отвечает за комплексное схватывание и контроль собственного тела, за проведение этой границы между моим и иным

Шаунесси, Галлагер называют проприоцептивное сознание (*awareness*) первичным самосознанием субъекта. «С одной стороны, нейрофизиологи могут рассматривать соматическую проприоцепцию как полностью под-личностную, несознательную функцию – бессознательную регистрацию в центральной нервной системе позиции одной из конечностей собственного тела. В этом смысле, она предоставляет информацию относительно положения тела и конечностей, возникающую из физиологических (механических) проприоцепторов, расположенных по всему телу, достигая различных частей мозга, предоставляя контроль над движением, причем субъект не обладает этой информацией сознательно. С другой стороны, психологи и философы иногда рассматривают соматическую проприоцепцию как форму сознания. Говорится, что субъект проприоцептивно осознает свое тело, сознательно *знает*, где находятся его конечности в каждый момент времени, по мере того, как он движется в мире. Таким образом, проприоцепция может означать либо не-сознательную *информацию*, либо форму сознательного *схватывания*»⁹.

Чувство других в первичном взаимодействии.

Исследования в области психологии развития показывают, что с первых минут жизни субъект уже представляет собой сложную игру познавательных способностей, действующих в единстве и взаимодействии между собой. Галлагер описывает исследования пре-натальной природы развития плода, чтобы показать более простой и фундаментальный уровень функционирования организма, который подготавливает организм к будущей комплексной форме взаимодействия систем психического аппарата между собой. Таким образом, комплексное действие систем психического аппарата, телесной схемы и телесного образа, и возникающих на их фоне познавательных способностей, включается сразу после рождения, когда субъект оказывается в первичной установке к окружающему его пространству, он готов видеть части своего тела и проприоцептивно осознавать их как свое тело, т.е. осуществлять двойственную структуру, описанную ранее.

Мне бы хотелось представить это комплексное взаимодействие чувств между собой как условие разделения бытия на мое и иное. Благодаря связности и совместному действию проприоцепции и зрения, я могу отличить свою руку от предметов внешнего мира. Но, чтобы это суметь сделать, мне необходимо еще одно основание – мое движение. Если мы попытаемся представить феноменологический опыт младенца, то в его структуру будет входить

⁸ U. Neisser, *Five kinds of self-knowledge / Philosophical psychology*, vol. № 1, 1988.

⁹ «On the one hand, neuroscientists may treat somatic proprioception as an entirely subpersonal, nonconscious function—the unconscious registration in the central nervous system of the body's own limb position. In this sense, it results in information about body posture and limb position, generated in physiological (mechanical) proprioceptors located throughout the body, reaching various parts of the brain, enabling control of movement without the subject being consciously aware of that information. On the other hand, psychologists and philosophers sometimes treat somatic proprioception as a form of consciousness. One is said to be proprioceptively aware of one's own body, to consciously know where one's limbs are at any particular time as one moves through the world. Thus proprioception can mean either non-conscious *information* or a form of conscious *awareness*», Sh. Gallagher, op. cit., p. 6-7.

не просто его видение его руки и ее проприоцептивное схватывание, но также восприятие произвольных движений этой руки в пространстве и времени. А значит, мы должны допустить некую слабую форму *интенции*, намерения двигать ей и слабую форму представления о пределе такой возможности, об ограничении моего движения моим биологическим телом, пространством вокруг меня, предметом в моей руке. Такой формой первичной интенциональности может выступать *направленность во вне*, но не на предмет моего опыта, не на нечто, а в форме беспредметной направленности, направленности «дальше меня», интенции продления сферы собственного бытия вплоть до горизонта моего опыта. Представленная реконструкция опыта показывает действие телесной схемы, которая исполняет движение, и действие телесного образа, отвечающего за направленность во вне воспринимаемого тела – одного из трех составляющих телесного образа. Если мы попытаемся найти в первичной самости два других аспекта телесного образа, то нам необходимо допустить в младенце не только беспредметную, телесную направленность во вне, но и не-объективируемое самопонимание, понимание себя на до-рефлексивном уровне сознания, что указывает нам на возможности приложения герменевтического и феноменологического методов за пределами языкового, презентуемого и представимого уровня сознания¹⁰. Экзистенциальная аналитика Dasein, на мой взгляд, представляет собой вариант такой герменевтики, т.е. анализ понимающе-толкующего свое бытие сущего в его повседневном, не опосредованном рефлексией, бытии. В свою очередь, феноменологический проект М. Мерло-Понти также имеет в качестве своего предмета телесное сознание, которое сознает само себя не в качестве интенционального объекта. Кроме того, философ С. Шумахер настаивает на том, что телесное сознание схватывает себя без процесса идентификации или какого-либо представления «Я мыслю», а с помощью *само-референции*¹¹.

Третий момент телесного образа – аффективная расположенность по отношению к себе – также может найти подтверждение в структуре первичной самости. Нейробиологические исследования в области развития субъекта Дамасио и Панксеппа показывают наличие у субъекта изначального фона, *первичного процесса* сознания, содержание которого составляют самые основные и начальные психические образования, такие, как эмоциональные и аффективные расположенности сознания. Аффекты и эмоции в их беспредметном характере составляют ядро сознания (core consciousness) и являются необходимым основанием для всех последующих стадий развития самости¹². Видер показывает в цитируемой выше статье, что вопрос «как есть самость?» (how is the self?) совпадает с вопросом «что такое самость?» на начальном уровне развития субъекта. Аффективное качество сознания, которое отвечает на этот вопрос, является постоянным, анонимным фоном для всякого повседневного опыта. Каким образом первичное аффективное схватывание себя выражается у младенца? Галлагер пишет: In the beginning, that is, at the time of our birth, our human capacities for perception and behavior have already been shaped by our movement. Prenatal bodily movement has already been organized along the lines of our own human shape, in proprioceptive and cross-modal registrations, in ways that provide a capacity for experiencing a basic distinction between our own embodied existence and everything else. As a result, when we first open our eyes, not only can we see, but also our vision, imperfect as it is, is already attuned to those shapes that resemble our own shape. More precisely and quite literally, we can see our own possibilities in the faces of others. Это означает, что с самого начала младенец не просто способен проводить различие между собой и внешним миром, но и сам внешний мир оказывается дифференцированным с самого начала. А именно, в нем есть приоритетные предметы, восприятие, схватывание которых для младенца ближе, чем схватывание всего остального. Эта близость выражается в том, что младенец может сделать такое же движение, или жест, какое он сам наблюдает на лице другого. Другие как приоритетные предметы моего опыта требуют к себе иной установки. Поэтому, в частности Найссер, наряду с экологической самостью выделяет интерперсональную самость, или меж-личностную самость, которая выражается в живом опыте коммуникации с другим. Исследования психологов Мельтзофа и Моора в области психологии развития показали, что с

¹⁰ В самом деле, проблема понимания ставит вопрос об обосновании возникновения языкового уровня сознания и о форме понимания на более раннем, до-языковом уровне. См., например, J. L. Bermudez, *The paradox of self-consciousness*, Cambridge, MA: Mit Press, 1998.

¹¹ S. Shoemaker "Self-Reference and Self-Awareness." // *Journal of Philosophy*. 1968, vol. № 65, p. 556 – 579.

¹² A. Damasio, *The feeling of what happens*, Heinemann, London, 1999.

первых минут жизни младенец способен к «невидимой имитации», т.е. такой имитации, когда он подражает поведению, жестам, которые наблюдает на лице у другого, но сам не видит свои собственные жесты и поведение. Пример такого опыта говорит о живом характере взаимодействия между младенцем и другим, о феномене первичной intersubjectivity, а не просто о нейтральном, неэмоциональном повторении движений. В подтверждении этого тезиса можно сослаться на опыт Тревартена¹³, когда живое общение младенца с матерью, а именно, зрительный контакт между ними, заменяется на показывание младенцу видеозаписи обращений матери к нему. В итоге такого эксперимента выяснилось, что младенец реагировал на видеозапись совсем по-другому, чем на живое общение с ним: больше нервничал и настораживался, выражал негативные эмоции. На основании этого можно предположить, что в первичной intersubjectivity младенец схватывает эмоциональный фон другого, те или иные его настроения, переживания, аффекты. Это позволяет нам говорить о том, что аффективное схватывание себя встроено в структуру аффективного взаимодействия между младенцем и взрослым.

Так, одним из самых первых стремлений субъекта, согласно intersubjectivному подходу в психоанализе, является «потребность в специфической откликаемости на различные аффективные состояния»¹⁴, которая образуется в виде взаимно управляемой системы «ребенок-воспитатель» (child-caregiver system of mutual regulation). Функционирование этой системы задает индивидуальную траекторию развития субъекта, формируя его дальнейшие более сложные психические образования (желания, идеалы, принципы), а также чувство реальности (sense of reality). Ее действие сопровождает мое бытие не только на ранних стадиях, но и на всех последующих, отражая более позднее стремление субъекта к дифференциации собственного образа, к усложнению своих психических состояний. «Аффекты здесь можно рассматривать как организующие факторы опыта самости в процессе развития»¹⁵. Таким образом, intersubjectivный подход рассматривает фрейдовскую концепцию влечений как сердцевину бессознательного и вносит дифференциацию как в само устройство психического аппарата, так и в фигуру другого, показывая, что помимо стремления к удовольствию есть и другие мотивационные источники моего поступания, такие, как аффекты.

Тема аффективности становится одной из постоянно обсуждаемых проблем в философии сознания, психоаналитической теории, нейро-науках. Ее развитие позволяет рассматривать *аффективную экологию* моей самости как одно из оснований субъективности и первичной intersubjectivity, рассматривать аффект как один из мотивационных аспектов в структуре действия. В свою очередь, первичная intersubjectivity оказывается необходимым условием для образования субъективного опыта и чувства самости. Другие всегда уже встроены в мой опыт, в мою фактичность и составляют существенную часть моей самости. Более того, чувство самости развивается по мере развития intersubjectivного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bermudez J. L., *The paradox of self-consciousness*, MA:MITPRESS, Cambridge, 1998.
2. S. Gallagher, *How the body shapes the mind*, Oxford University Press Inc., New York, 2005.
3. Damasio A., *The feeling of what happens*, Heinemann, London, 1999.
4. Zahavi D., *Alterity in Self / Ipseity and Alterity*, S.G.S. Watson, Ph. Drun & Ph. Romanski (eds.), Rouen, Presses Universitaires, 2004.
5. U. Neisser, *Five kinds of self-knowledge / Philosophical psychology*, vol. № 1, New York: Oxford, University Press, 1988.
6. K. Wider, *Emotion and self-consciousness / Self-representational approaches to consciousness*, ed. by U. Kriegel, K. Williford, Massachusetts Institute of Technology, 2006.
7. Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. «Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход», М: Когито-центр, 2011.
8. Хайдеггер М., «Бытие и время» // СПб.: «Наука» - 2002., стр.42.

¹³ U. Neisser, *Five kinds of self-knowledge / Philosophical psychology*, vol. № 1, 1988., ch. 1.

¹⁴ Р. Столору, Б. Брандшафт, Д. Атвуд *Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход*, М, Когито-центр, 2011, стр. 107.

¹⁵ Там же, стр. 106.

Чебанюк Т. А.

МЕЧТАТЕЛЬ-ЭНТУЗИАСТ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Чебанюк Т. А.

T.A. Chebanyuk

МЕЧТАТЕЛЬ-ЭНТУЗИАСТ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

‘IDEOLOGIST ENTHUSIAST’ AS AN ANTHROPOLOGICAL TYPE

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Ms. Tatiana A. Chebanyuk — Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; tel.: + 7 (4217) 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается декабристская модель «человека просвещенного», обозначенная как «мечтатель-энтузиаст». Показано противоречие между его идеальными намерениями и реальной практикой, тактикой действий. Выявлена обусловленность радикализации идей и намерений в процессе политической и социокультурной практики.

Summary. The paper deals with the Decembrist model of “educated person” specified as “ideologist-enthusiast”. The contradiction between his ideal intentions and real practice and activity tactics are shown. Conditionality of idea/intention’s radicalization in the process of political and socio-cultural practice is demonstrated.

Ключевые слова: просветители, социально-политическая рефлексия, эмоционально-психологические реакции, мечтатели, мифологические структуры.

Key words: enlighteners, socio-political reflection, emotional and psychological reactions, ideologists, mythological structures.

УДК 007

Каждая культурно-историческая эпоха обладает антропологическим статусом, и в работах современных исследователей актуализируется ее осмысление через «факт существования человека», его социокультурной практики. Человек – субъект, творящий социокультурную данность – ключевой концепт культуры, в нем объективируется ее состояние, обнажается смысловая конструкция. Культуру первой четверти XIX века во многом репрезентирует антропологическая модель «человека-декабриста». По типу отношения к обществу, социальной и личной практики в начале своего формирования декабристы были просветителями, они вливались в общее движение, актуализировавшее в первых десятилетиях XIX века метаидею преобразования российской жизни. «Толкования о переменах в образе правления» [4, 51], – свидетельствует А.И. Кошелев, – особо отличали молодое поколение русских людей, стремящееся к объединению в общества. Они хорошо были знакомы с трудами европейских мыслителей, в процессе следствия указывали на работы Вольтера, Мабли, Монтескье, Руссо, Рейналя, Смита и др. Программные документы Северного и Южного обществ обнаруживают оперирование ключевыми просвещенческими концептами «естественного права», «гражданского права» и «общей пользы».

На первых порах в качестве механизмов устройства справедливого общества декабристы полагали просвещение и справедливые законы, дарующие человеку свободу и благоден-

ствие, поддерживающие нравственно здоровые силы человека. Н.Б. Басаргин отмечал, что «члены общества были добрые, большею частью умные и образованные молодые люди» [10, 17]. Однако современники чаще всего оценивали декабриста как «говоруна», хотя в «следственных» показаниях, в «Записках», созданных ими по истечении времени и содержащих анализ происшедшего, прочитывается не только признание в «заблуждениях ума», но и осмысление того, что они, «не испытав и не взвесив ни чужих, ни своих сил», выступили «не по силам на ... поприще борьбы» [14, 376]. П.А. Вяземский, определяя установки двух просвещенческих движений в России начала века (просвещенческого, явленного в либеральном движении, и декабристского, приобретшего в своем развитии радикальные формы), писал: «Ниспровержение ... мнимой России было целью голов нетерпеливых, молодых и пламенных; исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан» [2, 367]. Он полагал, что декабристы не знали России, не понимали истинных задач ее преобразования, не имели опыта гражданской деятельности, не были на стороне истинного просвещения.

Однако эмоционально-психологическое состояние восторженного всемогущества, вызванного победами над французскими завоевателями, в которых участвовали многие декабристы, требовало своего разрешения, приложения сил на русской почве. В «Воспоминании о Рылееве» Н.А. Бестужев отмечал, что «самоотвержение» в желании освобождения отечества даже ценою своей жизни в нем «возрастало вместе с любовью к отечеству, которая, наконец, перешла в страсть – высокое восторженное чувство» [11, т. 2, 63]. Примечательна героико-жертвенная патетика объяснения К.Ф. Рылеевым перед матерью «дела жизни», ради которого он «будет лить кровь свою» [11, т. 2, 65], и признание В.К. Кюхельбекера перед Следственной комиссией: «... характер мой ... человека, который ... почти вовсе не жил в настоящем мире ... всегда увлекался первым сильным побуждением и никогда не помышлял о пагубности для себя последствий своих малообдуманных поступков» [4, 169]. В человеке-декабристе преобладали эмоционально-психологические, энтузиастические реакции над социально-политической рефлексией. С.П. Трубецкой писал в «Записках»: «Они не имели в виду для себя никаких личных выгод, не мыслили о богатстве, почестях и власти ... они жертвовали собственным благополучием и отчетливо это осознавали, решаясь «принести в жертву Отечеству жизнь, честь, достояние и все преимущества, какими пользовались, – все, что имели, без всякого возмездия» [9, 73-74.].

Однако современники оценивали его как «говоруна», энтузиаста. Н.И. Греч считал декабристов «недообразованными» молодыми людьми, набравшимися «заманчивых идей либерализма» [3, 244]. Речь шла об искаженном усвоении ими идей европейского Просвещения. Так, декабрист А.В. Поджио писал о ложном направлении мысли молодых людей: «...гражданственность, пожалуй, и зарождалась, но под наносными иноземными влияниями, зарождалась без гласности, без данного направления, а потому вышла бесцельно, врозь и каждый был безответно сам себе судья, сам себе вожак» [14, 376]. Энтузиастические их побуждения оказались значительнее интеллектуальных процессов ума. Многие мемуаристы отмечали свое или чужое восторженное состояние ума и сердца.

Эмоциональная восторженность в «спасителе отечества» доминировала над рационально-логическим анализом положения вещей, преобладала в оценке событий и людей, предопределяла механизм социокультурной идентификации: накал чувств, пламенность речей о спасении отечества, необходимости жертвенного подвига были опознавательными знаками «человека своего круга». Он воспринимал только явленное ему в ореоле ожидаемого накала чувств, горячности речей, не сомневался в его истинности: сущее подменялось «мыслимым», которое и руководило его действиями и поступками. Н.А. Бестужев свидетельствовал о том, что Рылеев очень плохо разбирался в людях и доверял им безоговорочно только на основании «пламенных» слов или заверений: «... сердце его было слишком открыто, слишком доверчиво. Он во всяком человеке видел благонамеренность, не подозревал обмана и, обманутый, не переставал верить. Опытность ни к чему для него не служила. Он все видел в

радужные очки своей прекрасной души. ... Если человек недоволен был правительством или злословил власти, Рылеев думал, что этот человек либерал и хочет блага отечества. Это было причиною многих его ошибок на политическом поприще» [11, т.2, 75].

Жертвенность в декабристском человеке, определяющаяся энтузиастическим состоянием души, гражданской страстью, во многом обусловлена его историческим оптимизмом, в основе которого была вера в преобразующее сознание людей воздействием героического поступка (жертвы). В этой ситуации интенции жертвенности явно обнаруживают мифологическую природу: смерть-жертва является одновременно и началом новой жизни. Перед нами архетипическая структура «смерть-жизнь» или (в равной мере) «жизнь-смерть». Необходимо отметить, что императив жертвенности усиливался в «спасителе отечества» по мере все более отчетливого проявления идеологических и тактических разногласий между двумя обществами и внутри каждого из них, особенно в канун декабристского восстания, когда отчетливо проявилось несогласие преимущественно старшего поколения декабристов на радикальные меры.

«Спаситель отечества» создает и миф о демиургических возможностях силы, организованной в общество и способной положить начало новой государственности. Мифогенные процессы, неизбежно связанные с их идеологическими конструктами, оказали влияние на логику его формирования. Сила обществ, по мнению ее членов, была в искренности общего стремления, но, как считал Н.И. Тургенев, не было «никакой организации», не было идейного печатного органа, дисциплинирующего начала. Мифогенные процессы, неизбежно связанные с их идеологическими конструктами, оказали влияние на логику его формирования». Сила обществ, по мнению ее членов, была в искренности общего стремления, но, как считал Н.И. Тургенев, не было «никакой организации», не было идейного печатного органа, дисциплинирующего начала

Следует отметить и особое понимание России, сказавшееся на процессе формирования интеллектуальной и социальной практики «энтузиаста-мечтателя»: она представлялась страной «молодых начал, огромных возможностей. На стороне России была «молодость, мощь и великая восприимчивость» [1, 374], национальная сила, поэтому она, по мнению С.П. Трубецкого, должна быть поставлена на «ту ступень просвещения, на которую она имела право по политическому своему положению в европейском мире» [9, 67]. Убежденность в харизматической судьбе России разделяли все декабристы: их объединяла «теплая вера в Провидение, сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший ... , что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире» [6, 15]. Кроме того, ими руководило и желание «стяжать и известность, и мученический венец» [5, 54], также свидетельствующее об идеалистическом строе мышления декабристов.

Первые декабристские организации складывались на условиях осуществления «ближних целей», которые по своей сущности были просвещенческими. С.П. Трубецкой в «Письме к детям» отмечал, что «многие члены вступили в общество, когда еще конечное его действие представлялось в неизвестной дали» [9, 40]. Поэтому члены «Союза благоденствия», избравшие своей деятельностью «отрасль человеколюбия», должны были «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», оказывать благотворительную помощь неимущим, «приготовливать человека ... к званию гражданина и добродетельного человека» [13, 54], а себя – к «занятию мест» для «передового гражданского служения». В записке «Об историческом ходе свободомыслия в России» (письмо императору Николаю из Петропавловской крепости) А.А. Бестужев упоминает совет Г.С. Батенькова «идти вперед и, став на важные места в правлении, понемногу производить перемену или властью, заимствованной от престола, или своими мнениями, в других вперенными» [7, 211].

Тактика «давления на правительство» и овладения общественным мнением определила задачи «приготовления к конституции» [11, т.1, 340], «приобретения необходимых сведе-

ний и познаний», «распространение убеждений» и «разглашение благородных и полезных действий людей должностных и граждан» [9, 31.]. Энтузиаст – мечтатель, «спаситель отечества» создает соответствующую тактике программу действия: «Тогда общество не имело еще цели истребить ... царствующую династию. Приготовления к конституции, распространение света или просвещения и правил чистейшей добродетели – были основанием установления этого общества» [11, т.1, 342], – писал В.Ф. Раевский. Ознакомившись с уставом «Союза благоденствия», Н.И. Тургенев нашел, что «... проект как в целом, так и в отдельных частях касался лишь теоретических вопросов; нигде не выступало ясно намерение действовать, произвести какие-либо перемены в государственном строе» [15, 109].

Понятие отечество, во многом идеально отвлеченное в XVIII веке, обрело личностный смысл. Члены «Союза благоденствия» («Общество «Зеленой книги»»), избравшие своей деятельностью «отрасль человеколюбия», должны были «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», оказывать благотворительную помощь неимущим. «Отрасль образования» предлагала членам общества способствовать воспитанию юношества ... к званию гражданина и добродетельного человека», распространению просвещения. Ближние цели были определены и тактикой формирования общественного мнения: «занятия мест» и привлечения на сторону «передового гражданского служения» виднейших государственных деятелей.

«Дальняя цель» (изменение государственного строя России), тактика и способы достижения которой изменялись, рассматривалась теоретически и была отнесена в неопределенно будущее время. На начальном этапе она связывалась с традиционными для России идеями конституционного ограничения самодержавия. М.А. Фонвизин в опросном листе Следственного комитета писал, что большая часть членов желала для России монархического образа правления, ограниченного представительными институтами, по образу Англии и Франции, но были и приверженцы и республиканской свободы Северо-Американских штатов. Например, Пестель так определял задачи «Общества истинных и верных сынов Отечества»: «приготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием революции новый порядок мог сейчас быть введен» [4, 179].

Актуальным и сегодня остается мнение Н.И. Тургенева о том, что «событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело...» [15, 112.]. «Спасители отечества» были не профессиональными революционерами, рациональными мыслителями, но мечтателями на русский манер. Теории быстрого и бескровного преобразования России через военный переворот, политические и социальные проекты нового государственного порядка, «усвоенные столькими людьми с пылкой фантазией, доказывают, без сомнения, прекрасные намерения, даже энтузиазм, но почти не обещают никаких осязательных результатов» [15, 114], – к такому выводу приходит Н.И. Тургенев. Он добавляет ряд существенных деталей в характеристику декабристов: «я считаю и всегда буду считать их добродетельными существами, одушевленными самыми чистыми намерениями, самой похвальной готовностью жертвовать собой ради своих ближних. Конечно, не все были в одинаковой мере достойны похвалы, но разве на земле часто встречается совершенство» [15, 291]? Эту особенность декабристского человека понял и П.А. Вяземский, который считал наказание декабристов незаслуженно суровым: «По совести нахожу, что казни и наказания несоизмерны преступлениям, из коих большая часть состояла в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оно»; «все оставалось на словах, на бумаге, потому что в заговоре не было ни одного цареубийцы. Я не вижу их на Сенатской площади 14 декабря, как не вижу героя в каждой войне на поле сражения. ... зачем же казните преждевременно и убийственную болтовню, ... ставите вы на одних весах с убийством, уже совершенным» [2, 126]. По его мнению, декабристы не только были не готовы к вооруженному выступлению, но и не способны к решительным действиям.

Взяв на себя роль единственно верных устроителей политической и общественной жизни страны, декабристы формировали просвещенческую идеологию как изначально оппозиционную по отношению к государственной власти. Причем оппозиционность осмысливалась ими как «стихия всякого политического устройства» [8, 6]. Новый тип гражданственности М.С. Лунин называет «зрелой гражданственностью», усилия которой смогли рассеять «едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка» [8, 54]. В статье «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года» он замечает, что сознание современников сумело подняться над укорененной в нескольких поколениях людей идеей изменения «порядка внутри самого порядка» и, «действуя умственной силою на совокупность народную, направить мысли, чувства и даже страсти к цели коренного преобразования правительства» [8, 54]. Следует заметить, что в среде либерально настроенных людей эпохи шел обратный процесс: росло убеждение в необходимости государственного основания для просвещенческих изменений в обществе и в бесплодности оппозиции в русском обществе, большая часть которого находилась вне общественных движений. Показательно, что накануне «декабря» П.А. Вяземский в письме к А.С. Пушкину писал: «Оппозиция – у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях. ... Она не в цене у народа. ... Хоть будь в кандалах: их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток» [12, 233]. Позже, переживая и переосмысливая политический опыт декабристов, он откорректирует свое отношение к выступлению на Сенатской площади, но принципиально не изменит своего мнения о несостоятельности в России политической оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский, М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов / М. К. Азадовский // Литературное наследство: Декабристы - литераторы. – М.: Наука, 1954. Т. 59, кн. 1. – С. 360- 397.
2. Вяземский, П. А. Записные книжки (1813-1848) / П. А. Вяземский. – М.: АН СССР, 1963. – 507 с.
3. Греч, Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М.- Л.: Academia, 1930. – 440 с.
4. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии: Дела А.П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н.А. Панова, В. К. Кюхельбекера, И.И. Пущина и др. // Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Т. 2. – М.- Л.: Госиздат, 1926. – 424 с.
5. Кошелев, А. И. Мои записки (1812-1883 годы). Русское общество 40-50-х годов XIX века / А.И. Кошелев. – М.: МГУ, 1991. – 238 с.
6. Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – 792 с.
7. Литературная критика и публицистика декабристов: «Их вечен с вольностью союз» / под ред. С.С. Волка. – М.: Современник, 1983. – 368 с.
8. Лунин, М. С. Письма из Сибири / М. С. Лунин. – М.: Наука, 1987. – 496 с.
9. Мемуары декабристов. Северное общество / под ред. В.А. Федорова. – М.: МГУ, 1981.– 400 с.
10. Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. В.А. Федорова. – М.: МГУ, 1982. – 352 с.
11. Писатели - декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. /под ред. В.Э. Вацура. – М.: Художественная литература, 1980. Т. 1. – 486 с.; Т. 2. – 506 с.
12. Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1982. – С. 233-224.
13. Пыпин, А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. В 3 т. Т. 3: Общественное движение в России при Александре I. – Пг.: Огни, 1918. – 674 с.
14. Русские мемуары: Избранные страницы. 1800–1825 гг. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
15. Тургенев, Н.И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. – М.: ОГИ, 2001. – 744 с.

Чечулин А. В.
A.V. Chechulin

ТЕРРИТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРИКЛАДНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

TERRITORY AS THE OBJECT OF APPLIED CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Чечулин Алексей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург); 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26; +79219030661. E-mail: advertspbgu@yandex.ru.

Mr. Aleksey V. Chechulin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Advertising, Higher School of Journalism and Mass Communication, St.Petersburg State University; tel.: +7-921-9030661. E-mail: advertspbgu@yandex.ru

Аннотация. Города и страны сегодня стали объектом продвижения и рекламирования. Изучением таких стратегий и технологий занимается территориальный маркетинг. В статье рассматриваются культурные факторы, которые, по мнению автора, лежат в основании брендинга той или иной территории.

Summary. Individual urban settlements and even large countries have become today the object of promotion and advertising. A discipline which studies these technologies and stratagems is called 'territorial marketing'. The paper deals with cultural factors which, in the author's view, underlie the branding process of any given territory.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, брендинг, реклама.

Key words: territorial marketing, branding, advertising.

УДК 007

Территория – единый природный или урбанистический комплекс, обладающий общей автономной инфраструктурой, важной для развития входящих в комплекс элементов. Обычно под территориями понимают города и другие поселения, регионы (области, штаты) и целые страны, которые являются самостоятельными объектами управления – государственно-го, местного и т.д. Города обладают уникальной культурной средой, традициями, характером культурной активности жителей. Природные территории сегодня также являются объектами управления – в целях привлечения посетителей (туристов, рыбаков, охотников), охраны природных зон и научного изучения их обитателей.

В последние годы целый ряд российских городов и других территорий предпринимают попытки разработки программ собственного продвижения. Это связано с осознанием властями и региональными элитами пределов роста на базе существующей в конкретной местности экономики, пониманием привлекательности существующих в данном регионе достопримечательностей и знанием успешности подобных маркетинговых программ, реализованных аналогичными территориями в других странах.

Обычно программы территориального маркетинга (брендинга) ставят в качестве целей привлечение туристических, инвестиционных или миграционных потоков. Но инвестиционные процессы в современной России имеют ярко выраженный централизованный характер, привлечение мигрантов отягощено политическими и юридическими проблемами. Поэтому существующие территориальные маркетинговые программы ориентированы пре-

имущественно на привлечение туристов из собственного и соседних регионов, в редких случаях – из удаленных. Лишь крупнейшие культурно-исторические центры могут рассчитывать на привлечение иностранных туристов.

Анализ предпринимаемых в нашей стране попыток создания программ продвижения (территориального маркетинга) позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, местные администрации в большинстве случаев реально заинтересованы в использовании культурно-исторического, природного и рекреационного потенциала для привлечения визитеров (туристов, мигрантов, инвесторов), но не имеют для этого ни бюджетных возможностей, ни знания маркетинговых технологий. Во-вторых, подобные программы создаются главным образом либо руководством территорий, либо инициативными группами (с участием местных краеведов, маркетологов, рекламистов, журналистов), как правило, без участия внешних (не живущих и не работающих в данном городе) экспертов. Это объяснимо с точки зрения бюджетной политики, но не позволяет увидеть территориальную маркетинговую проблемную ситуацию «со стороны», глазами людей, живущих в других регионах (странах), которых и планируется пригласить. По этой причине большое количество городов США имеют контракты с коммуникационными и исследовательскими агентствами на реализацию деятельности по их продвижению [1].

В целом же, по нашему убеждению, качество реализуемых в России программ, которые называют «брендинговыми», «формирования имиджа города», «городского маркетинга» и т.д. таково, что можно говорить о программах «первого этапа».

Маркетинговые программы, разрабатываемые российскими территориями, можно разделить на три основные группы.

Первый тип программ сосредоточен на изучении и продвижении исторических, культурных, природных достопримечательностей, социальных, психологических особенностей жителей, ценностей и других элементов идентичности региона, всего того, чем регион отличается от всех других и в чем состоит уникальное предложение для посетителей. В рамках этого подхода российские города обретают свою идентичность и позиционирование на уровне культурологических формул – «культурная столица», «третья столица», «столица Нечерноземья», «столица уральского маслоделия». Они подкрепляются историко-культурологическими исследованиями, на базе которых происходит легендирование и формирование привлекательного для туристов мифологического контента. При этом в рамках данного подхода появились интересные исследования, в которых стандартные маркетинговые технологии соединены с интересными культурологическими идеями [2].

Впервые такой подход был реализован в 1995 – 1996 гг. в период президентской кампании Б.Н. Ельцина, когда целый ряд аналитических групп и отдельных аналитиков пытались зафиксировать комплекс национальных идей, ценностей российского народа и России как уникального этногосударственного образования. Большая работа не привела к определенному результату – в обществе в то время не существовало консенсуса по поводу базовых ценностей российского народа, направления стратегического развития.

На региональном уровне характеризуемый тип программ реализуется, как правило, на базе инициативных проектов (в том числе, «под юбилей») и с минимальным финансированием.

В последнее время для проектов, относящихся к первой группе, характерным, даже модным стал четкий интерес к визуальным бренд-идентификаторам. Области, республики, города создают логотипы и другие визуальные маркетинговые образы, способствующие повышению узнаваемости – это сделали Калужская область, Псков, Владивосток, Ханты-Мансийский автономный округ... Основным исполнителем дизайнерских брендинговых работ для программ российского регионального маркетинга стала студия А. Лебедева. Наиболее известные визуальные бренд-идентификаторы за рубежом созданы сотрудниками Saatchi & Saatchi – логотипы Нью-Йорка, Австралии, чемпионата Европы по футболу 2012 г., который пройдет в Украине и Польше.

Вместе с тем многие из программ первой группы весьма уязвимы для критики: декларируемые ценности зачастую произвольны и неочевидны, не разделяются современным населением. Примеров множество, не будем их здесь приводить, не желая обидеть и принизить усилия коллег. К тому же, как правило, отсутствуют коммуникационная стратегия и медиапланирование.

Непродуктивна также, на наш взгляд, тяга таких программ к использованию в позиционировании принципов и идей «столичности». Петербург ничего не выигрывает в имиджевом плане, а лишь несет потери от сравнения с Венецией – он совсем другой, и ничуть не хуже прекрасного итальянского города. Статус «северной столицы» тем более сомнителен – петербуржцы подозрительно относятся к столичному статусу, понимая (зная) его бюрократическую природу. Напомню также, что в современной мысли на смену принципу центрированности давно пришел более современный принцип децентрации.

Вторая группа программ создается на базе проектов экономического и градостроительного развития территорий. Такие программы создаются авторитетными группами экономистов, архитекторов и девелоперов на базе анализа имеющихся земельных, лесных, водных, туристических, промышленных, социальных и иных ресурсов. Обычно четко указываются стратегические цели, целевые аудитории, направления социально-экономического развития. Фиксируется задача создания туристического продукта и инвестиционной среды, обычно на основе кластерного подхода.

Примером здесь может служить Карельская республика, стремящаяся привлечь в свои превосходные туристические зоны на берегах Ладожского и Онежского озер платежеспособных туристов из Петербурга и Финляндии (последние, к тому же, руководствуются ностальгическими мотивами). Акцент в программах сделан на этно- и экотуризме – в расположенных на берегах живописных озер традиционных карельских постройках воспроизводится соответствующая этническая и культурная среда.

Вместе с тем слабостью тех программ, с которыми удалось познакомиться автору, следует признать отсутствие или пробелы коммуникационной стратегии, недостаточное внимание к вопросам информирования и рекламирования туристических и инвестиционных возможностей территории. Вне нашего обсуждения остается также вопрос об источниках финансирования подобных чрезвычайно затратных проектов, в частности, инфраструктурных. Подобный подход к стратегии продвижения региона можно назвать девелоперским.

Третий подход – собственно маркетинговый, реализуется на базе полноценных маркетинговых исследований. Аналитическая работа позволяет увидеть проблемы и препятствия на пути привлечения инвестиций и туристов, выработать долгосрочную стратегию продвижения, зафиксировать целевые аудитории, ключевые сообщения, определить принципы медиапланирования.

Наиболее известным примером в данном случае может служить брендинговая программа Санкт-Петербурга. За все постсоветские годы этим мегаполисом неоднократно предпринимались различные попытки своего продвижения – как на базе культурологического (имиджевого), так и на базе девелоперского подходов. Но, как известно, на реальном конкурентном рынке (каким является международное туристическое пространство) решающим фактором успеха являются технологии маркетинга и продаж. И, поскольку половина туристов, посещающих Санкт-Петербург, приезжают из-за рубежа, партнером и маркетинговым консультантом правительства города было избрано американское маркетинговое агентство BCG («Бостон консалтинг групп»), хорошо понимающее менталитет и потребности западных туристов и инвесторов.

Конечно, всегда хочется совместить по мере возможности все существующие подходы и – более того – получить синергетический эффект, но, по нашему мнению, подобный синтез вряд ли возможен практически. Слишком различны взгляды и методы работы маркетологов, культурологов, девелоперов и экономистов. Не случайно в разных проектах откоро-

венно слабы разделы, связанные с непрофильными для ключевых разработчиков (связанных с заказчиком – то есть администрацией территории) направлениями.

Маркетинговые программы, реализуемые в других странах, в целом имеют ту же направленность и природу, что и российские. Высокая конкуренция заставляет города и целые страны бороться за туристов, инвестиции и качественных мигрантов. Проведенный нами анализ маркетинговых программ Бремена, Хельсинки, Нью-Йорка и ряда других территорий показал, что все они сталкиваются с разнообразными урбанистическими проблемами, ключевым способом разрешения которых становится брендинг территории с целью привлечения стратегических ресурсов и продвижения производимой в данном регионе брендированной продукции.

Значимыми решениями в программах развития становится улучшение региональной инфраструктуры – улучшение транспортной сети, массовых сервисов, а также качества управленческих решений и их прозрачности.

Однако ключевым в брендинге территории, на наш взгляд, становится деятельность по формированию региональной идентичности. Такая деятельность, в свою очередь, основана на фундаменте, связанном с культурными ценностями – уникальной общезначимой для ключевых аудиторий истории, общеизвестных и вызывающих положительную эмоциональную реакцию достопримечательностях, признанных культурных институций, не посетить которые цивилизованный человек не может – музеи, театры, дворцы правителей прошлого. Все это создает основу бренда Парижа, Рима, Нью-Йорка, Петербурга.

Современная маркетинговая теория рекомендует в развивающихся городах создавать финансовые, научные, промышленные и иные кластеры – тесно связанные группы учреждений или предприятий, относящихся к одной отрасли или сфере деятельности. Таким образом возникает критически важная для ускоренного развития того или иного направления экономики или социальной жизни среда – примером может быть Силиконовая долина или автомобильный кластер Детройта. Но такие кластеры могут быть привлекательны преимущественно для инвестирования, но не для стимулирования туристического потока.

На наш взгляд, сильный бренд города создается благодаря сильному культурному кластеру. В основу политики по стимулированию туризма и создания сильного территориального бренда обычно положена программа создания культурного или арт-кластера. Например, Париж привлекателен благодаря своей архитектуре и истории, присутствием живого искусства и творческой атмосферы на улицах этого города.

Особенно ценно, что создание культурного кластера далеко не всегда требует больших финансовых затрат. Бедный город Мышкин Ярославской области сегодня получил возможность привлекать значительное количество туристов благодаря созданию двух музеев – музея мыши (где демонстрируются артефакты народного творчества, связанные с мышью темой) и музея уроженца этого города Петра Смирнова («музей русской водки»).

Исследования, проведенные по заказу Правительства Петербурга, показали, что в основе привлекательности его образа лежит, в частности, феномен белых ночей. Речь идет не о природном феномене (белые ночи летом характерны также для Стокгольма, Хельсинки и Норильска), а о культурном, вписанном в мировую историю литературы и кино.

Достоевский и Пушкин способствовали не просто повышению известности Петербурга, но показали его в качестве места, где происходят важные для всего мира события, где происходит активная художественная жизнь, живут интересные и мыслящие люди.

Если современные маркетинговые действия в рамках продвижения территорий являются оперативными мероприятиями тактического свойства, то присутствие города в качестве одного из действующих героев популярных произведений искусства оказывается стратегическим преимуществом. Многие города физически уже не существуют, но благодаря литературе остаются на слуху, в памяти современных людей. Современные рекламные кампании оказываются значительно эффективнее, если знание о городе у иностранного туриста давно присутствует благодаря культурным текстам.

«Римские каникулы» визуализировали, создали романтический и величественный образ Вечного города. Стокгольм знаком многим жителям нашей страны благодаря детскому тексту Астрид Линдгрэн и мультфильму Б. Степанцева и А. Савченко. При этом, если в XVIII и XIX столетиях приоритетным, стратегическим коммуникационным каналом, определявшим знание и мнение массовой аудитории о том или ином городе, была литература, то в XX веке эта роль постепенно перешла к кино, телефильмам, детской анимации.

Литература и искусство формируют далеко не всегда объективный образ города. Читатель, зритель видят его с позиции героя произведения, в результате образ остается в памяти вместе с авторским отношением, личным вкусом и стереотипами. Разумеется, это обстоятельство можно использовать в программе по привлечению, скажем, в Париж, российских туристов. Например, Собор Парижской Богоматери известен рядовому туристу, когда-то учившемуся в советской школе, и обычно входит в список достопримечательностей, которые он хотел бы посетить.

Большинство российских туристов, планируя поездку в Петербург, хотели бы приехать в период белых ночей, которому приписывается особая волшебная обстановка. Множество людей на набережных Невы с удивительной энергией дожидается бесплатного аттракциона – момента разведения мостов.

Таким образом, в основе бренда любой территории (города или страны в целом) можно увидеть ценности, связанные с культурой, характерные для данного места. Именно культурные ценности (развитая художественная и интеллектуальная среда, возможность самореализации, толерантность населения) привлекают туристов и людей, ищущих для себя новое место жизни – мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анхольт, С. Бренд Америка / С. Анхольт, Дж. Хильдрет. – М.: Добрая книга, 2010. – 232 с.
2. Стась, А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды / А. Стась. – М.: Изд-во Группа ИДТ, 2009. – 208 с.

Бондаренко О. В.
O.V. Bondarenko

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЫНКА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**SOME MODERN CHALLENGES OF THE LABOR MARKET
IN THE CONTEXT OF A DEMOGRAPHIC CRISIS,
EXAMPLIFIED BY THE KHABAROVSK REGION OF RUSSIA**

Бондаренко Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 680013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)241208. E-mail: kseniy-72@mail.ru.

Ms. Oksana V. Bondarenko – PhD in Education, Associate Professor, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenina prospect, 680013, Komsomolsk-on-Amur, tel.: +7 (4217) 241208. E-mail: kseniy-72@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы современного рынка труда, анализируется их взаимосвязь и взаимообусловленность с демографической ситуацией в Хабаровском крае. Особое внимание обращено на проблемы молодёжного рынка труда.

Summary. The paper deals with certain problems of today's labor market; it analyzes the interrelationship and interdependence of such problems with the demographic situation in the Khabarovsk Region. Particular attention is paid to the problems of the youth labor market.

Ключевые слова: рынок труда, демографический кризис, депопуляция, безработица, дефицит трудовых ресурсов, старение населения, молодёжный рынок труда.

Key words: labor market, demographic crisis, depopulation, unemployment, labor shortage, aging population, youth labor market.

УДК 331.5:314(571.62)

Рынок труда является специфическим сегментом рынка, ситуация на котором определяется многочисленными факторами: экономической активностью населения, демографическими и миграционными процессами, состоянием экономической конъюнктуры, активностью государственного регулирования, техническим прогрессом, уровнем развития рыночной инфраструктуры и т.п. Эффективность функционирования рынка труда является одновременно причиной и следствием сложившихся и развивающихся социально-экономических отношений в обществе, она определяет возможности реализации основных резервов экономического роста. Отношения, формирующиеся между субъектами рынка труда, затрагивают интересы всего населения страны.

Специфика рынка труда в России определяется продолжительным сокращением численности экономически активного населения (ЭАН), старением населения, стихийным перемещением ЭАН (в сторону сферы услуг), значительной концентрацией ЭАН в крупных и средних городах, высокой дифференциацией показателей занятости и безработицы по регионам. Существенное влияние на состояние рынка труда оказывают демографические проблемы. Достаточно ощутимо негативное влияние неблагоприятной демографической ситуации на рынок труда проявляется в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) в целом и в Хабаровском крае в частности.

Территория ДФО составляет 36,4 % от общероссийской, при этом доля проживающего здесь населения – лишь 4,3 %. Демографическая ситуация на российском Дальнем Востоке характеризуется устойчивым снижением численности населения. Если за период с 1926 по 1991 гг. численность населения ДФО выросла с 2,6 млн чел. до 8,0 млн чел., то с 1991 по 2010 гг. население сократилось на 1,6 млн чел. Аналогичная тенденция характерна и для Хабаровского края: с 2000 по 2010 гг. численность населения края сократилась на 116,6 тыс. чел., что составило 8 %, в г. Комсомольске-на-Амуре численность населения за этот же период уменьшилась на 7,5 %. Демографический потенциал становится всё более недостаточным для сохранения и минимального роста населения. Коэффициент рождаемости является недостаточным для простого воспроизводства и численного равенства поколений. На Дальнем Востоке восполняется лишь 69 % от необходимого числа рождений.

Наряду с низким уровнем рождаемости наблюдается высокий уровень смертности. Так, в Хабаровском крае в 2010 г. на 1000 человек пришлось 12,9 родившихся и 14,6 умерших. Смертность в России, в том числе на российском Дальнем Востоке превышает в 2 раза аналогичный показатель во многих развитых странах. В целом ДФО в год теряет в среднем 0,6 % численности своего населения, Хабаровский край – до 0,5 % [3].

Среди причин депопуляции можно назвать экономические реформы в нашей стране. В результате этих преобразований поддержка производства и человека со стороны государства сократилась до минимума. Факторами низкой рождаемости являются социально-экономические: малообеспеченность и низкий уровень социальной защищённости семей с детьми. Появление детей в семье зачастую является фактором снижения уровня жизни и попадания семьи в группу бедных.

Сокращение численности населения в Хабаровском крае происходит также и в результате миграционного движения. Миграция как фактор формирования населения и трудового потенциала на Дальнем Востоке (ДВ) использовалась в нашей стране давно. Изначально доля миграции в общем приросте населения ДВ была ощутимой, но по мере стабилизации экономики сокращались объёмы миграционного прироста и, соответственно, уменьшалось значение миграции в формировании демографического потенциала восточных территорий страны. Если в период с 1971 по 1975 гг. доля миграции в приросте населения составляла 38,3 %, то уже с 1986 по 1990 гг. эта доля составляла лишь 17,8 % [5].

После распада Советского Союза значение миграции в формировании населения стало отрицательным. В 1991 г. величина оттока населения превысила естественный прирост, что впервые привело к уменьшению общей численности населения. Поток внутренних мигрантов на территорию ДФО сократился с 2000 по 2008 гг. почти на 40 тыс. чел. В Хабаровском крае также наблюдается устойчивое отрицательное миграционное сальдо: в 2010 г. превышение числа уехавших граждан над приехавшими составило 2425 чел., в 2011 г. – 2629 чел. (январь-ноябрь) [7]. Если с 1997 по 2010 гг. численность населения ДФО сократилась на 807 642 чел., то на 57 % эта убыль обусловлена миграционными процессами. Причинами такой ситуации является резкое снижение уровня жизни населения в нашем регионе, утрата сравнительных преимуществ в области доходов граждан, ухудшение социально-экономической и экологической ситуации.

Вместе с сокращением общей численности населения происходит также уменьшение количества трудоспособного населения и его доли в общей численности населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности трудоспособного населения
в Хабаровском крае

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число трудоспособного населения, тыс. чел	935,6	939,2	938,6	935,3	928,6	922,4	914	901,8	860
Доля трудоспособного населения в общей численности населения, %	65,2	65,8	66,1	66,2	66,1	65,7	65,2	64,4	64

Все рассмотренные выше демографические процессы, безусловно, оказывают влияние на рынок труда. Основными экономическими последствиями депопуляции является, как правило, сокращение численности трудоспособного и экономически активного населения.

Таблица 2

Доля населения в трудоспособном возрасте
(оценка на конец года, в процентах от общей численности населения)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Дальневосточный федеральный округ	66,0	65,9	65,5	65,0	64,3	63,1
Хабаровский край	66,2	66,1	65,7	65,2	64,4	63,6
г. Комсомольск-на-Амуре	66,2	65,9	65,5	64,9	63,7	63,9

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что доля населения в трудоспособном возрасте в Хабаровском крае сократилась на 2,6 % с 2005 по 2010 гг. При этом необходимо учитывать, что ресурсы труда не исчерпываются населением в трудоспособном возрасте, так как в составе такого населения имеются категории, формирующие экономически неактивное население (учащиеся и студенты, пенсионеры-льготники, инвалиды, домохозяйки, отчаявшиеся найти работу). Помимо этого следует учитывать работающих пенсионеров и подростков, работающих в России иностранцев. Несмотря на некоторый рост численности ЭАН в Хабаровском крае с 2005 по 2011 гг. на 23,8 тыс. чел. (с 66,5 до 69,8 %), рынок труда в регионе характеризуется как трудодефицитный, в первую очередь по структуре. На 01.01.2012 заявленная работодателями потребность в работниках составила 15 317 единиц, это превышает данный показатель 2010 г. на 1,3 % [4]. При этом следует учитывать, что не о каждой вакансии информация попадает в государственные органы службы занятости. Более того, значительная доля заявленных официально вакансий относится к непривлекательным, малооплачиваемым. Так, например, из указанного числа вакансий 76,5 % относятся к рабочим профессиям, 5,2 % предполагают зарплату, которая ниже прожиточного минимума.

Дефицит рабочей силы характеризуется не столько количественными, сколько качественными (структурными) формами его проявления. Анализ численности занятых работников в отраслевом разрезе позволяет определить отраслевую специфику проявления дефицита рабочей силы. За последние 10 лет существенно снизился данный показатель в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, частично в обрабатывающих производствах: производстве машин и оборудования, производстве электрооборудования, производстве транспортных средств, в текстильном и швейном производствах, образовании и медицине.

В настоящее время на региональном рынке труда востребованы специалисты в области металлургии, машиностроения, металлообработки, воспроизводства и переработки лесных ресурсов. Сопоставление количества требуемых работников определённой группы занятий (официально заявленного работодателями для замещения свободных рабочих мест) и числа официально зарегистрированных безработных граждан соответствующих групп занятий к концу 2011 г. позволило определить, что наибольший дефицит работников (превышение спроса над предложением) существует по группе «рабочие, занятые на горных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах» (дефицит 2574 единицы), а также по группам «специалисты высшего уровня квалификации в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения» (дефицит 598 единиц), «специалисты высшего уровня квалификации в области естественных и инженерных наук» (дефицит 412 единиц).

Дисбаланс спроса и предложения на рынке труда объясняется отчасти тем, что на востребованные профессии современного и перспективного рынка труда Хабаровского края ориентируется всё меньшее количество абитуриентов. На сегодняшний день существует значительный переизбыток выпускников вузов. Специалистов с высшим образованием в крае выпускается в несколько раз больше, чем востребовано экономикой и социальной сферой. По данным Комитета по труду и занятости населения Правительства края, 45 % имеющихся на рынке труда вакансий требуют от соискателей наличия начального и среднего профессионального образования, столько же предложений для неквалифицированных рабочих и только 10 % вакансий – для выпускников с высшим образованием [1]. На рынке труда Хабаровского края, как и всей страны в целом, востребованы именно рабочие профессии, в то время как численность учреждений начального профессионального образования (НПО) в крае, число подготовленных квалифицированных рабочих в системе НПО неуклонно сокращается. Так, если в 1999 г. в Хабаровском крае число учреждений НПО составляло 49 единиц, то в 2010 г. их количество сократилось более чем в два раза (до 22). Численность выпускников этих учебных заведений за указанный период также сократилась с 14,4 тыс. чел. до 5,7 тыс. чел. Одновременно имел место значительный рост числа выпускников государственных высших учебных заведений: с 7,7 тыс. чел. в 1999 г. до 16,6 тыс. чел. в 2010 г. [6]. Многолетняя ориентация большинства абитуриентов на получение юридического и экономического образования и откровенная дискриминация в глазах общества начального и среднего профессионального образования породили серьёзный дисбаланс на рынке труда.

Рассматривая профессионально-квалификационный аспект дефицита трудовых ресурсов, нельзя не отметить дефицит кадров высокой квалификации, возникающий в отдельных отраслях вследствие того, что выпускники вузов устраиваются на работу не по приобретенной специальности (по некоторым экспертным оценкам, 50 % молодых инженеров, 70 % выпускников сельскохозяйственных институтов, 30-40 % выпускников медицинских вузов). В силу того, что зачастую выпускники вузов отдают приоритет сфере бизнеса (не соответствующей полученной специальности), отрасли недополучают необходимых им молодых специалистов.

Проблема трудодефицитности регионального рынка труда не может быть рассмотрена без учёта возрастного аспекта. На протяжении последних лет в Хабаровском крае наблюдается тенденция к сокращению населения младшего трудоспособного возраста и к росту населения старшего трудоспособного возраста. Эти тенденции характерны и для всей страны в целом. Россия испытывает потребность в молодых кадрах. По статистике, основная группа работающего населения в стране – это лица от 40 до 49 лет. При этом происходит

Бондаренко О. В.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЫНКА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА
НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

существенное снижение численности занятых в возрастных группах от 30 до 39 лет и до 20 лет. Изменения показателей возрастного состава населения по Хабаровскому краю также свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях: численность населения моложе трудоспособного возраста стабильно сокращается (с 16,3 % в 2005 г. до 15,7 % в 2010 г.), в то время как численность населения старше трудоспособного возраста увеличивается (с 17,5 % в 2005 г. до 20,7 % в 2010 г.) [2]. Всё это ведёт к тому, что лиц, вступающих в трудоспособный возраст в ближайшее время, будет недостаточно для замещения трудоспособного населения, что позволяет прогнозировать усугубление проблемы обеспеченности трудовыми ресурсами. Кроме того, современное работоспособное население не только стареет, но и ухудшается здоровье людей, увеличиваются периоды нетрудоспособности, снижаются качественные характеристики труда. Так, например, стабильно растёт показатель заболеваемости на 1000 человек населения в Хабаровском крае: с 698,8 в 2005 г. до 751,6 в 2009 г. [2].

Особого внимания заслуживают проблемы рынка труда молодёжи. Изначально молодёжь обладает меньшей конкурентоспособностью на рынке труда по сравнению с работниками других возрастных групп. Это объясняется отсутствием профессионального и жизненного опыта, несоответствием притязаний молодых специалистов предлагаемым условиям труда на рынке, неспособностью молодёжи всегда адекватно оценивать свои профессиональные возможности в избранной сфере деятельности, отсутствием устроенного быта и рядом других причин. В связи с этим закономерным представляется значительный удельный вес молодёжи среди безработных: по г. Хабаровску доля молодёжи (возраст 16 – 29 лет) в общей численности безработных на 01.01.2012 составила 29,3 %, по г. Комсомольску-на-Амуре (в мае 2011 г.) – 42,8 %, в целом по Хабаровскому краю – 30,7 % (на 01.01.2012). Завышенные требования к величине заработной платы со стороны молодёжи зачастую обуславливают проблематичность поиска подходящей работы.

Рост уровня безработицы среди молодёжи ведёт к тому, что бедность становится устойчивым явлением не только среди социально уязвимых категорий населения, имеющих ограниченную трудоспособность, но и в среде трудоспособной молодёжи. Снижение общего уровня доходов усложняет и ухудшает воспроизводство рабочей силы, инициирует упрощение труда. Низкая зарплата молодых работников не коррелирует с высокими ценами на жильё, продукты питания, значительными транспортными расходами. Бедность ведёт к ухудшению здоровья молодёжи и её будущих детей, что, в свою очередь, провоцирует снижение качества человеческого потенциала нашего общества.

Проблему безработицы молодые люди воспринимают острее, более болезненно в силу своих возрастных особенностей. Начавшаяся неудачно профессиональная карьера порой отрицательно влияет на дальнейшую судьбу человека. Невостребованность молодого специалиста на рынке труда оказывает негативное психологическое воздействие на личность, снижает самооценку и уверенность в себе. При отсутствии опыта работы выпускник учебного заведения быстро теряет свои квалификационные навыки.

Особенностями молодёжной безработицы являются её краткосрочность и частый характер, что может быть объяснено более высокой мобильностью работников этой возрастной категории. Следует отметить селективный характер молодёжной безработицы: в наибольшей степени она затрагивает молодых людей из экономически слабых регионов, из социально неблагополучных семей, людей с недостаточной общеобразовательной или профессиональной подготовкой.

Рассмотренные проблемы рынка труда оказывают, в свою очередь, негативное влияние на демографическую ситуацию. Эти проблемы определяют социально-экономическое положение населения и непосредственно отражаются на процессах его воспроизводства. Безработица негативно влияет на институт семьи. Отсутствие уверенности в стабильной занятости, в гарантированной достойной оплате труда мотивирует людей откладывать рождение детей, порой вообще отказываться от этого. Безработица является негативным экономическим и социальным фактором: замедляет темпы роста экономики, ведёт к снижению уровня жизни населения, провоцирует ухудшение здоровья, рост преступности, наркомании, алкоголизма, увеличивает смертность. Следовательно, проблемы рынка труда и демографический кризис неразрывно взаимосвязаны друг с другом.

В связи с этим необходимо решать проблемы рынка труда в комплексе с демографическими. Такой системный подход к решению рассмотренных проблем предполагает реализацию мер, направленных на повышение рождаемости, снижение смертности, стимулирование иммиграции, сокращение дефицита рабочей силы за счёт повышения производительности труда, вовлечения в производство экономически неактивного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губернатор Хабаровского края принял программу по развитию профобразования. – Режим доступа: <http://www.khabkrai.ru/news/14.07.2011>.
2. Дальневосточный федеральный округ. 2009: стат. сборник / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2010.
3. Жукевич, Г. В. Проблемы развития трудового потенциала Сибири и Дальнего Востока / Г. В. Жукевич, А. В. Аверков // Вопросы Севера. – 2010. – № 1.
4. Контролируемый рынок труда Хабаровского края 2011 года. – Режим доступа: <http://www.khstu.ru/rus/?menu=LaborMarket>.
5. Мотрич, Е. Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока// Восток России на пороге иммиграции: региональный науч. семинар, Екатеринбург, 26-28 апреля 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php.
6. Паспорт Хабаровского края. 1999-2010 годы: стат. сборник /Хабаровскстат. – Хабаровск, 2011.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю // <http://habstat.gks.ru/default.aspx>.

Бурдакова Г. И. МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЛАГОПРИЯТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

**Бурдакова Г. И.
G. I. Burdakova**

МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЛАГОПРИЯТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

INTEGRAL METHOD OF QUANTIFYING THE LEVEL OF FAVOURABLENESS OF SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS FOR THE REALIZATION OF THE STRATEGIC DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Бурдакова Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8 914 179 68 61. E-mail: galinabu@rambler.ru

Burdakova Galina Ivanovna – candidate of economic sciences, Associate Professor of management and organization of industrial production of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenina St., 27; 8 914 179 68 61. E-mail: galinabu@rambler.ru

Аннотация. В статье приведена методика интегральной количественной оценки благоприятности сложившихся во внутренней и внешней среде социально-экономических условий для реализации стратегических направлений развития муниципального образования. Она базируется на SWOT-анализе, методах принятия решений в условиях риска и неопределенности, с использованием экспертных оценок.

Summary. In the article the technique of integral measuring conditions prevailing in internal and external environment, economic and social conditions for the realization of the strategic directions of the development of the municipality. It is based on SWOT-analysis, methods of decision making under risk and uncertainty, using expert estimates.

Ключевые слова: муниципальное образование, стратегические направления, социально-экономические условия, SWOT-анализ, методы оптимизации, экспертные оценки.

Key words: municipal formation, strategic directions, the socio-economic environment, SWOT-analysis, optimization methods, expert estimates.

УДК 332.133.6

Среди важнейших задач стратегического управления развитием муниципального образования – оценка уровня благоприятности социально-экономических условий, сложившихся для реализации стратегических направлений его развития.

С целью изучения внешней и внутренней среды муниципального образования (г. Комсомольска-на-Амуре) автором была разработана специальная анкета, содержащая перечень факторов, определяющих преимущества и недостатки, возможности и угрозы для его стратегического развития. Все внутренние и внешние факторы были представлены шестью группами: геостратегической, экономической, демографически-трудовой, социальной, экологической и пространственно-организационной. Анализом охвачены 184 фактора, характеризующих внутреннюю среду муниципального образования (106 факторов преимуществ, 78 – недостатков), и 109 факторов, формирующих возможности и угрозы во внешней среде (62 – формирующих возможности и 47 – угрозы).

Наиболее важные направления стратегического развития определяются доминированием наиболее значимых факторов. С целью их выявления экспертам предлагалось дать

оценку всем факторам по двум параметрам: «важность» и «наличие» для преимуществ и недостатков, «важность» и «вероятность возникновения» для возможностей и угроз. Для удобства экспертов оценка производилась ими по пятибалльной шкале. Далее аналитической группой параметры «наличие» и «вероятность реализации» приводились к стопроцентной шкале. Исходя из полученных оценок экспертов, по каждому фактору определялось средневзвешенное значение.

Построив классическую матрицу «преимущества, недостатки – возможности, угрозы», методом последовательных итераций (путем исключения факторов, получивших оценки менее четырех баллов и менее 60 %) были выявлены наиболее значимые факторы.

По результатам SWOT-анализа, в качестве самых важных преимуществ Комсомольска-на-Амуре отмечены: исторически сложившееся размещение оборонных отраслей и производств (94 % – наличие; 4,6 балла – важность); промышленная специализация экономики (соответственно 90; 4,6); наличие крупных градообразующих предприятий (94; 4,5); близость и железнодорожная связь с портами (Ванино, Советская Гавань) (88; 4,6); наличие предприятий приоритетных отраслей российской экономики (82; 4,4).

Возможности развития Комсомольска-на-Амуре эксперты связывают, прежде всего: с ростом спроса в регионе на кадры высокой квалификации, повышением профессионализма трудовых ресурсов (84 % – вероятность; 4,7 балла – важность); освоением нефтегазовых месторождений о. Сахалин (соответственно 82; 4,5); развитием перегрузочных портовых комплексов с привязкой к «точкам входа» в мировую транспортную систему, в том числе модернизация и развитие Ванинско-Совгаванского комплекса (76; 4,5); формированием нефте- и газотранспортной системы, переработкой углеводородов (78; 4,4); развитием транспортных магистралей, обеспечивающих внутрорегиональные связи: «Лидога – Ванино», «Селихино – Николаевск-на-Амуре», «Комсомольск-на-Амуре – Березовый – Чегдомын» и др. (74; 4,6).

Что касается недостатков, то наибольшие негативные оценки получили: высокие издержки производства, в том числе за счет высоких транспортных и энергетических тарифов (92 % – наличие; 4,6 балла – важность); значительная зависимость бюджета города от финансового состояния градообразующих предприятий (соответственно 90; 4,7); загрязненность реки в городской черте (90; 4,7); высокая зависимость ведущих предприятий города от вышестоящих организаций, расположенных в Москве (90; 4,6); сокращение численности населения и рабочей силы (84; 4,5).

Опасности эксперты видят: в росте стоимости жизни (90 % – вероятность; 4,6 балла – важность); усилении загрязнения вод Амура за счет Китая и ухудшении качества питьевой воды (соответственно 84; 4,8); росте стоимости газа и других энергоресурсов, снижении конкурентоспособности производств (84; 4,7); усиливающимся дефиците квалифицированных инженерных и рабочих кадров на рынке труда (82; 4,5); сворачивании концептуальных программ долгосрочного развития экономики России вследствие мирового финансового кризиса, падения цен на нефть и воздействия других негативных внешнеэкономических факторов (80; 4,6).

Исходя из SWOT-анализа, определены стратегические направления развития города: развитие высокотехнологичного машиностроения, переработка сырьевых ресурсов, развитие в городе транспортно-логистического центра Нижнего Приамурья, селитебного центра юга Дальнего Востока и военно-промышленного комплекса.

Более глубокий факторный анализ (как метод изучения и измерения воздействия факторов на величину результативного показателя) предполагает проведение последующей итерации факторов, при которой реализация каждого стратегического направления будет зависеть от «своего» множества факторов. Далее SWOT-анализ был сфокусирован на стратегических направлениях развития, для каждого из них была построена отдельная матрица. Ставилась задача проранжировать стратегические направления развития города по уровню благоприятности (лояльности или агрессивности) внешней и внутренней среды.

Бурдакова Г. И. МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЛАГОПРИЯТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Приведем нашу задачу к ситуации, когда для каждого из стратегических направлений развития муниципального образования можно перечислить все возможные состояния внешней и внутренней среды (основные факторы, определяющие преимущества, недостатки, возможности и угрозы), однако в каком конкретном состоянии находится среда – доподлинно неизвестно. Пусть существует всего d таких состояний среды E_1, \dots, E_d , а для имеющихся вариантов стратегических направлений A_1, \dots, A_m требуется определить наиболее благоприятный вариант. Считается, что ЛПР самостоятельно или, привлекая экспертов, может каким-либо способом численно оценить так называемую частную эффективность или полезность $y_{ij} = f_j(A_i)$ фактора среды для реализации стратегического направления A_i . В проведенном экспертном опросе оценка полезности соответствует оценке «важность».

Модель оптимального выбора в условиях полной неопределенности представляется матрицей частной эффективности $Y = (y_{ij})_{m \times d}$, где $y_{ij} = f_j(A_i)$, а i -я строка матрицы соответствует вектору $y_i = (y_{i1}, \dots, y_{id})$, составленному из значений функций частной эффективности y_{ij} для варианта A_i . Функция частной эффективности $f_j(A_i)$ варианта A_i в j -м состоянии среды E_j характеризует действия факторов среды, а значит, и возможность достижения цели (стратегического направления).

В нашем случае имеется более детальная информация о внешней и внутренней среде: известны не только численные значения эффективности (важности) фактора среды $f_j(A_i)$ для реализации стратегического направления A_i для любого состояния среды $E_j, i = 1, \dots, m, j = 1, \dots, d$, но и вероятность (наличие) p_j каждого фактора для каждого состояния E_j .

Для интегральной оценки уровня благоприятствования всей совокупности факторов внешней и внутренней среды для каждого стратегического направления можно воспользоваться разными обобщающими критериями качества решения, зависящими от частных функций полезности. Таковыми являются: критерий Байеса-Лапласа, критерий минимума среднеквадратического отклонения, критерий минимума энтропии, критерий Гермейера и др.

Воспользуемся критерием Байеса-Лапласа, задающим усредненные значения частных функций эффективности:

$$A^* \in \arg \max B(A_i), B(A_i) = \sum_{j=1}^d p_j f_j(A_i).$$

При этом сумма вероятностей всех состояний удовлетворяет условию $\sum_j p_j = 1$. Для выполнения условия $\sum_j p_j = 1$ проводится нормирование параметра «вероятность» по формуле

$$p_{j \text{ норм}} = \frac{p_j}{\sum_{k=1}^m p_{kj}}.$$

Полученные интегральные оценки факторов внутренней и внешней среды для стратегических направлений развития г. Комсомольска-на-Амуре сведены в табл. 1. Оценки важности недостатков и угроз приведены с отрицательным знаком.

Далее рассчитывается интегральная ожидаемая оценка уровня благоприятности преимуществ и возможностей (агрессивности недостатков и угроз) как произведение оценок их усредненной важности на нормированное наличие (вероятность); значение суммы этих произведений характеризует интегральную ожидаемую оценку уровня благоприятности всей совокупности факторов внешней и внутренней среды (табл. 2). Наивысшая оценка равна 5.

Как следует из табл. 2, больше агрессивной, чем благоприятной является среда для двух стратегических направлений – развития высокотехнологичного машиностроения (инте-

гральная оценка минус 0,327) и развития ВПК (минус 0,025). Для остальных стратегических направлений положительное значение интегральной оценки столь мало (не более 0,6 из 5 возможных), что превалирование благоприятных факторов над агрессивными можно считать очень хрупким.

Таблица 1

Интегральные оценки факторов внутренней и внешней среды для реализации стратегических направлений развития г. Комсомольска-на-Амуре

Стратегические направления развития г. Комсомольска-на-Амуре	Характеристики состояний внешней и внутренней среды							
	преимуществ		недостатков		возможностей		угроз	
	усредненная оценка важности	нормированная оценка наличия	усредненная оценка важности	нормированная оценка наличия	усредненная оценка важности	нормированная оценка вероятности	усредненная оценка важности	нормированная оценка вероятности
Развитие переработки сырьевых ресурсов ДВ	4,39	0,36	-4,32	0,34	4,37	0,16	-4,26	0,14
Развитие высокотехнологического машиностроения	4,43	0,325	-4,3	0,387	4,53	0,128	-4,29	0,159
Развитие ВПК	4,43	0,35	-4,36	0,33	4,53	0,14	-4,28	0,18
Развитие транспортно-логистического центра	4,33	0,354	-4,28	0,36	4,45	0,186	-4,28	0,1
Развитие селитебного центра	4,24	0,231	-4,23	0,291	4,89	0,307	-4,3	0,171

Таблица 2

Интегральная ожидаемая оценка уровня благоприятности внешней и внутренней среды для реализации стратегических направлений развития г. Комсомольска-на-Амуре

Стратегические направления развития г. Комсомольска-на-Амуре	Интегральная ожидаемая оценка благоприятности (агрессивности)				Интегральная ожидаемая оценка благоприятности среды
	преимуществ	недостатков	возможностей	угроз	
Развитие переработки сырьевых ресурсов ДВ	1,58	-1,47	0,70	-0,60	0,214
Развитие высокотехнологического машиностроения	1,44	-1,66	0,58	-0,68	-0,327
Развитие ВПК	1,55	-1,44	0,63	-0,77	-0,025
Развитие транспортно-логистического центра	1,53	-1,54	0,83	-0,43	0,392
Развитие селитебного центра	0,98	-1,23	1,50	-0,74	0,514

Можно заметить доминирование действия внутренних факторов над внешними. Это связано как с невысоким уровнем оптимизма экспертов по поводу реализации намеченных высшими уровнями власти стратегических планов и программ, так и закрепленной за годы рыночных преобразований привычкой рассчитывать только на собственные силы. Полагаем, что пессимистические настроения экспертов отображают мнения реальных инвесторов.

В целом можно сказать, что позитивные факторы лишь нивелируют негативные, но не создают благоприятный предпринимательский климат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский. А. Б. Теория принятия решений : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / А. Б. Петровский. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – С. 137-141.

Бурдакова Г. И.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Бурдакова Г. И.

G. I. Burdakova

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MODELS, FORMS AND MECHANISMS OF THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORIAL ENTITIES OF INNOVATION AND INDUSTRIAL SPECIALIZATION

Бурдакова Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8 914 179 68 61.

E-mail: galinabu@rambler.ru

Burdakova Galina Ivanovna – candidate of economic sciences, Associate Professor of management and organization of industrial production of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenina St., 27; 8 914 179 68 61. E-mail: galinabu@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены специализированные организационно-экономические формы, модели и механизмы, используемые в стратегическом управлении развитием муниципальных образований инновационно-промышленной специализации. Они связаны, в основном, с возникновением агломерационных эффектов и государственной поддержкой. Большая их часть заявлена в долгосрочных программах развития федеральных округов, территорий субъектов и отраслей экономики.

Summary. This article describes the specialized organizational and economic forms, models and tools used in strategic management of municipal development innovation and industrial specialization. They relate mainly to the emergence of agglomeration effects and State support. Most of it relates to long-term development programmes of Federal districts, territories, stakeholders and sectors of the economy.

Ключевые слова: муниципальное образование, инновационно-промышленная специализация, агломерационный эффект, территориально-промышленный комплекс, техноэкополис, особая экономическая зона, техноград.

Key words: municipal formation, innovation and industry specialization, sintering, territorially-industrial complex, technoecopolis, special economic zone, tehnograd.

УДК 332.133.6

Стратегическое управление развитием муниципального образования предполагает наличие необходимой экономической и финансовой базы. Важнейшей финансовой основой является местный бюджет [4]. В ходе налоговой и бюджетной реформ, с 2000 г. существенно изменилось распределение доходов, собираемых с территории муниципального образования, между уровнями бюджетной системы. Так, доля доходов, отчисляемых в федеральный и региональный бюджеты, выросла более чем в два раза за счет снижения отчислений в местный бюджет.

В условиях нехватки бюджетных средств муниципальным образованиям инновационно-промышленной специализации необходимо использовать различные способы пополнения ресурсов развития. Среди них можно выделить *организационно-экономические формы и инструменты*, связанные как с возникновением агломерационных эффектов, так и с государственной поддержкой.

Развитию высокотехнологичных отраслей экономики, импортозамещающих производств, разработке и производству новых видов продукции, расширению транспортно-логистической системы способствует создание особых промышленно-производственных экономических зон – агломераций с особым юридическим статусом, в которых агломерационный эффект сочетается с льготными экономическими условиями для предпринимателей. Такой статус могут получить и муниципальные образования инновационно-промышленной специализации.

Особый режим хозяйствования предусмотрен и в *особых зонах территориального развития*, соответствующий закон устанавливает льготы и преференции при осуществлении инвестиций в производство, прежде всего, за счет средств федерального бюджета, в том числе: освобождение от уплаты налога на прибыль; освобождение от уплаты налога на имущество; освобождение от таможенных платежей; установление ставок арендной платы за земельные участки в размере земельного налога; субсидирование процентных ставок по кредитам на капитальные вложения [3, 5-10].

Проблемы сбалансированного развития отдельных регионов и рационального размещения производительных сил в условиях ограниченности государственного финансирования решают *техноэкополисы*. Понятие технополис в современном смысле относится обычно к городскому поселению в целом или охватывает несколько городских и районных поселений, которые привлекают новые идеи, технологии, материальные и финансовые ресурсы и производят продукты-«лидеры», новые технологии и разработки. Поэтому в такой организационно-экономической форме могут развиваться муниципальные образования инновационно-промышленной специализации. В России эти модели реализовывались в городах Стрежевой (программа «Техноэкополис Стрежевой») и Комсомольск-на-Амуре (федеральная программа «Техноэкополис Комсомольск – Амурск – Солнечный»).

Кластер представляет собой новую для России организационно-экономическую форму развития территориальных образований, в том числе инновационно-промышленной специализации. В соответствии с КДР-2020, территориально-производственные кластеры могут быть сконцентрированы в урбанизированном регионе и ориентированы на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях российской экономики. До 2020 г. правительство России намерено сформировать не менее 6 – 8 таких кластеров.

Влияние функционирующих кластеров на развитие муниципального образования инновационно-промышленной специализации определяется совершенствованием и развитием всех частей «национального ромба» в регионе. Прежде всего, происходит совершенствование *факторов производства*, включающих трудовые ресурсы, материальные активы, информацию, на которые местные фирмы опираются в конкурентной борьбе. Такие специализированные факторы интегрируются в инновации и модернизацию, способствуя достижению высокого уровня производительности, недостижимого для других мест. Присутствие кластера обеспечивает доступ другим предприятиям к специализированным навыкам, услугам, технологиям, информации, производственным факторам.

В *контексте стратегии и соперничества* важно то, что конкуренция выходит за рамки издержек в сторону дифференциации. Она смещается от имитации к инновациям и от низких инвестиций к более высоким инвестициям не только в плане материальных активов, но и в отношении квалификации работников и используемых технологий. Локальная борьба среди предприятий сегодня развернулась за кадры, заставляя создавать новые и более совершенные механизмы подготовки специализированных трудовых ресурсов.

Условия местного спроса со стороны кластеров мотивируют предприятия двигаться от низкокачественных продуктов и сервиса к ведению конкуренции на базе дифференциации. Формируется инновационная культура в обществе и повышается статус инноватора.

Родственные и поддерживающие отрасли являются комплексирующими с кластером отраслями. Вся эта совокупность влияет на конкурентоспособность муниципального образования тремя способами: посредством повышения производительности входящих в них фирм

Бурдакова Г. И.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

и отраслей; путем повышения способности к инновациям; с помощью стимулирования образования нового бизнеса, поддерживающего инновации и расширяющего границы кластера. Кооперация высокотехнологичных отечественных предприятий с конкурентоспособными зарубежными компаниями приводит к интеграции региона не просто в мировое экономическое сообщество, но в его элитную часть – глобальную инновационную систему [1, 63-72].

Кроме рассмотренных выше моделей, региональная политика РФ предусматривает *организационно-экономические механизмы и инструменты*, регулирующие процессы развития муниципальных образований инновационно-промышленной специализации. К ним относятся: разграничение полномочий и организация взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; стратегическое и территориальное планирование; реализация федеральных целевых программ; налогово-бюджетное регулирование; финансирование инвестиционных проектов за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации; создание особых экономических зон.

Разграничение полномочий между уровнями публичной власти Российской Федерации и организация их эффективного взаимодействия направлена на имущественное и финансовое обеспечение исполнения передаваемых на места полномочий, на развитие местного самоуправления и межмуниципального сотрудничества.

Общегосударственная система *стратегического планирования* обеспечивает стратегические национальные приоритеты социально-экономического развития РФ и ее регионов и осуществляется путем разработки и реализации согласованных концепций, доктрин, стратегий, программ и проектов (планов) развития территорий. Стратегическое планирование предусматривает создание в каждом субъекте РФ зон опережающего экономического роста, территориально-производственных кластеров и единых технологических цепочек для производства продукции с высокой добавленной стоимостью.

Реализация федеральных целевых программ также способствует развитию производственного комплекса муниципального образования – его базовых и высокотехнологичных отраслей.

Государство, разрабатывая и реализуя собственные целевые программы и проекты, стимулирует внедрение инструментов стратегического планирования, новых механизмов административного регулирования и управления на субфедеральном уровне, предлагая регионам, в том числе муниципалитетам, самостоятельность в выборе путей и методов достижения целей и решения задач социально-экономического развития.

Очень важно, что обязательным условием предоставления государственной поддержки муниципальным программам и проектам является координация и взаимная согласованность перспективных экономических специализаций субъектов РФ в границах зон опережающего экономического роста с мероприятиями, предусмотренными отраслевыми стратегиями развития, а также приоритетными направлениями развития каждой территории.

В этой связи основные стратегические направления развития муниципального образования необходимо увязать и согласовать с целями и задачами следующих долгосрочных документов: Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.; стратегиями и федеральными целевыми программами социально-экономического развития региона; отраслевыми стратегиями.

Все долгосрочные стратегии и программы территориального развития (РФ, Дальнего Востока и Байкальского региона, субъекта федерации) рассматривают муниципальные образования инновационно-промышленной специализации как перспективные региональные зоны опережающего экономического роста, крупные центры расселения и предусматривают создание здесь особых экономических зон инновационно-промышленного типа.

Федеральные стратегии развития сфер и отраслей (науки и инноваций; авиационной, судостроительной, металлургической промышленности; энергетики, наноиндустрии и др.) также создают систему преференций и стимулов, обеспечивающих благоприятные условия для инновационно-активного развития промышленности, создания эффективной инновационной инфраструктуры. Среди инструментов и механизмов этих долгосрочных программных

документов – заключение долгосрочных контрактов на создание и производство техники в рамках гособоронзаказа; финансирование государством на долевой основе проектов создания конкретных образцов гражданской высокотехнологичной техники; государственная поддержка развития инновационной производственной инфраструктуры (наука, испытательная база, информационная среда, подготовка кадров и т.д.); поддержка продвижения на рынки выпускаемой серийно техники; финансирование из средств бюджета РФ модернизации и развития производственной базы; доленое участие государства в реализации прорывных проектов; государственные гарантии экспортного кредитования техники; снижение таможенных тарифов; разработка и осуществление проектов лизинга; дотации на производство высокотехнологичной продукции; налоговые льготы; помощь в проведении научных исследований и др.

Финансовую, организационную, кадровую, нормативно-правовую поддержку муниципальное образование может получить по следующим приоритетным направлениям: космические и авиационные технологии, перспективные вооружения, военная и специальная техника, производственные технологии, энергосберегающие технологии и др. [2]

Содействие интеграции науки и образования предусмотрено Стратегией развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, включающей: поддержку отраслевых лабораторий в вузах; конкурсное предоставление средств на приобретение научного оборудования для вузов; предоставление молодым ученым и преподавателям грантов для проведения исследований; формирование специальной программы поддержки молодых исследовательских коллективов и студенческих конструкторских бюро в вузах; создание и поддержку деятельности интегрированных научно-образовательных структур, университетских и межуниверситетских комплексов, научно-учебно-производственных центров; поддержку деятельности научно-образовательных центров в университетах, в том числе во взаимодействии с международными организациями; развитие системы аспирантур и докторантур и другие меры поддержки.

Инструменты обеспечения эффективного воспроизводства кадров в сфере науки, образования и высоких технологий заложены в федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 - 2013 годы».

Выводы

В стратегическом управлении развитием муниципальных образований инновационно-промышленной специализации используются специализированные организационно-экономические формы, модели и механизмы, связанные, в основном, с возникновением агломерационных эффектов и государственной поддержкой. Большая их часть заявлена в долгосрочных программах развития федеральных округов, территорий субъектов и отраслей экономики. Сформулированные в них механизмы государственной поддержки, управления и координации работ по их реализации создают основу для подготовки соответствующих инструментов и механизмов на уровне муниципального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдакова, Г. И. Исследование промышленных кластеров в отраслях специализации Хабаровского края / Г. И. Бурдакова, С. П. Быстрицкий // Третий Дальневосточный международный экономический форум. В 7 т. Т. 7. Инновационная экономика и развитие человеческого капитала : материалы круглого стола / Правительство Хабаровского края. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008.
2. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу : утв. Президентом Российской Федерации 30.03.2002. <http://www.nbu.gov.ua>
3. Проект Федерального закона № 181650-5 «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 22.11.2011) // <http://www.consultant.ru> Режим доступа 21.03.2012.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ : фед. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. http://www.minregion.ru/upload/06_dfo/zakonodatelstvo/Spravochnik.pdf

Материал поступил 12.05.2012

Несмачных О. В.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

Несмачных О. В.

O.V. Nesmachnykh

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

DEVELOPING THE CONCEPT OF BUILDING AND IMPLEMENTATION OF FINANCIAL STRATEGY OF AN ECONOMIC CLUSTER

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Россия, Санкт-Петербург); 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29; 8(911)742-13-82. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Ms. Olga V. Nesmachnykh – PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of International Relations, St.-Petersburg State Polytechnic, city of St.-Petersburg, tel.: +7 (911) 7421382. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена авторская концепция формирования финансовой стратегии кластера, основанная на анализе процессной, проектной, ресурсной, продуктовой и объектной составляющей кластера и синтезе показателей этих составляющих в единое целое.

Summary. The paper considers the reasons and preconditions for building partnerships between the state and industry in economic clusters; the key problems of general financial administration of such clusters are analyzed.

Ключевые слова: кластер, государственно-промышленное партнерство, финансовое регулирование, эффективность функционирования, конкуренция.

Key words: cluster, state/industry partnership, financial regulation, performance, competition.

УДК 331

Формирование промышленных кластеров часто рассматривается в качестве необходимого условия глобальной конкурентоспособности стран и регионов, так же как экономическая специализация рассматривается в качестве важного пути преодоления проблем глобализации, связанных с воздействием внешней конкуренции. Кластерный подход превратился в последние годы в ключевой инструмент региональной промышленной политики ведущих индустриальных стран. Однако его практическое использование для формирования эффективной локальной предпринимательской среды, создания социальной и производственной инфраструктуры, повышения конкурентоспособности территорий еще недостаточно изучены и освоены отечественной практикой.

Обобщая существующие подходы к определению кластера в российской и зарубежной литературе можно утверждать, что экономический кластер – это явление интеграции и кооперации промышленных предприятий и научно-исследовательских организаций с целью осуществления совместных проектов, общего использования ресурсов и инновационного развития предприятий с сохранением юридической независимости предприятий-участников кластера.

Формирование финансовой стратегии кластера подразумевает постановку общих финансовых целей объединения, оценку существующих ресурсов, анализ и отбор наиболее эффективных проектов для реализации, синхронизацию финансовых потоков, а также потоков ресурсов и продуктов кластера. Все это невозможно планировать без представления об общей стратегии кластера и стратегии кластеризации, если он еще не сформирован.

Ключевыми характеристиками при стратегии рассматриваются направления необходимых сдвигов, степень и форма государственного участия в их осуществлении, прогнозируемые результаты. Различают следующие классификации стратегий кластеризации:

- 1) по уровню охвата территории – местные, региональные, национальные, межнациональные или международные стратегии;
- 2) по направлению использования создаваемого знания: стратегии, направленные на повышение использования знаний в существующих кластерах; стратегии, направленные на создание новых сетей конструктивного сотрудничества внутри кластеров;
- 3) по отношению к принятым нормам общественного развития: традиционная стратегия (ориентированная на отдельные сектора) и реалистичная (основой которой являются центры деловой активности, уже доказавшие силу и конкурентоспособность на мировом рынке).

Разница в стратегиях определяется соотношением достигаемых рубежей и исходными (финансовыми и материально-техническими) возможностями кластера, региона и государства в целом.

По своей экономической сути оценкой выбора стратегии кластеризации является выбор сценария. Разделяя роль федеральных и региональных органов власти, можно констатировать, что федеральные власти должны нести ответственность за безопасность страны и конкурентоспособное развитие отраслей, определяя общую стратегию и осуществляя соответствующую государственную поддержку в реализации крупных проектов, особенно направленных на создание базовых технологий, решение социальных проблем и прочих общегосударственных задач. Региональная политика в области формирования кластеров направлена на формирование объективно существующих процессов интеграции и межотраслевой кооперации предприятий, а также реализации проектов по формированию социальной, транспортной, деловой и прочей инфраструктуры.

С другой стороны, концепция развития кластера подразумевает определение целей развития и установление определенных целевых ориентиров. Стабильное осуществление инновационной деятельности обеспечивает процессы интеграции, генерирующие эффекты:

- ресурсно-рыночных возможностей, что обеспечивается построением кластера по специализированному типу кооперационных взаимодействий;
- масштаба производства, основой которого является наличие фирм-ядер кластера, специализированных на производстве определенных видов продукции и услуг;
- охвата, возникающего при существовании факторов производства, которые могут быть использованы для производства нескольких видов продукции, что способствует минимизации транзакционных издержек, связанных с их реализацией;
- всеобщей стандартизации продукции.

Наличие данных эффектов обеспечивает участникам кластера получение интегрального эффекта, который формируется совокупным инновационным продуктом.

Исходя из этого, концептуальные подходы к оценке эффективности создания и функционирования кластера могут быть сформированы на основе следующих теорий:

- 1) ресурсно-рыночного портфеля. Возникновение эффекта обусловлено наличием двух видов возможностей развития кластера – ресурсных, акцентирующих внимание на *внутренних* сильных и слабых сторонах кластера, и *рыночных*, использующих внешние по отношению к кластеру средовые условия ведения бизнеса. Объединим конкурентные преимущества, исходящие как со стороны ресурсов, так и со стороны рынков. Развитие в такой системе координат возможно через реализацию стратегий использования имеющихся конкурентных преимуществ (расширением и развитием в направлении существующих рынков), а также разработку и создание новых конкурентных преимуществ для рынков будущего. При реализации стратегии развития кластера в направлении существующих рынков акцент в оценке целесообразно делать на сравнении слагаемых продуктивности

Несмачных О. В.

**РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА**

ресурсов; при реализации стратегии, направленной на рынки будущего, – на выявление перспективных направлений формирования и развития конкурентных преимуществ.

2) теории трансакционных издержек. Этот подход концентрирует внимание оценщиков на возможностях получения экономии вследствие упорядочения рыночного поведения на основе заключения долгосрочных контрактов, регулирующих совместную деятельность. В соответствии с этой теорией в качестве наиболее важного фактора оценки выступают специфические активы взаимодействующих предприятий, такие как основные фонды, кадры, ноу-хау, обеспечивающие эффект кластерного взаимодействия;

3) теории финансового менеджмента. Основу результативности кластера формирует синергетический эффект, заключающийся в том, что общий результат превосходит сумму сложенных эффектов. Его получение обеспечивают:

- операционная экономия (возникает вследствие устранения дублирования управленческих функций);
- сокращение сетевых затрат (снабжения и сбыта);
- экономия на масштабах производства (вследствие снижения издержек, более эффективного использования ресурсов);
- экономия налоговых платежей (получаемая от уменьшения налогооблагаемой базы);
- снижение рисков ведения бизнеса;
- эффект от привлечения инвестиций (более низкие или льготные процентные ставки).

Важнейшим методологическим моментом оценки эффективности создания кластера является многопараметрический подход. Наряду с определением общей результативности кластера в рамках многопараметрического подхода целесообразна оценка с позиций основных групп участников кластера, которые часто имеют несовпадающие интересы.

Согласно типовой схеме промышленного кластера, при разработке технико-экономического обоснования создания кластера необходимо оценивать, как минимум, семь групп интересов:

- фирм (больших и малых), функционирующих на различных стадиях и в различных режимах производства однородного продукта (услуги);
- финансовых учреждений;
- сетей (предприятий – поставщиков и предприятий – потребителей);
- органов власти (региональных и муниципальных);
- региональных и муниципальных организаций по распространению знаний и технологий обучения;
- предприятий социальной инфраструктуры, институтов сотрудничества (коммерческих палат, промышленных и профсоюзных ассоциаций, организаций по передаче технологий, исследовательских объединений).

С точки зрения многопараметрического подхода система тем эффективнее, чем более удовлетворены в ней групповые и индивидуальные интересы организаций – участников.

Групповые интересы участников кластера существенно различаются, поэтому для каждой группы целесообразно формировать свои параметры эффективности.

К результативности вступления в кластер предприятий малого и среднего бизнеса можно подойти с двух позиций: оценить результативность функционирования отраслевого рынка и результативность функционирования малого предприятия в кластере. Малые предприятия, объединенные в кластер, являются особым субъектом рынка. Поэтому и первая, и вторая оценка представляют собой многоаспектные явления. Признается также, что результативность функционирования малого бизнеса в кластере нуждается в оценках и со стороны последствий для экономики государства, поскольку создание кластера рассматривается гарантией сохранения рабочих мест людям, работающим в малом бизнесе, сохранения налоговой базы, сокращения выплат по безработице.

Возможно несколько подходов к оценке эффективности малого предпринимательства. Критерием является максимизация дохода. Применительно к малому бизнесу этим методом

достаточно часто оцениваются целесообразность организации новых фирм и деловая активность хозяйствующих субъектов.

Кроме того, на уровне предприятия показатели эффективности, с точки зрения экономичности, прибыльности, социальной значимости, рассчитываются определенным образом, а на уровне региона это уже будут совсем другие показатели. Так, например, показатели доходности предприятия и региона имеют разное значение и разные методики расчета. Социальный эффект с точки зрения отдельного предприятия – это не то же самое, что с точки зрения целого региона. А если говорить о мультинациональных кластерах, то необходимо исследовать уже не два, а четыре уровня показателей: отдельного предприятия, региона, национальный уровень и международный уровень.

В связи с этим формирование общей стратегии должно основываться на следующих принципах:

1) Разделение объекта и субъекта управления кластером. Так, например, если субъектом управления выступают региональные органы власти, то они формируют свои критерии эффективности финансовой и общей стратегии кластера, отличные от критериев других заинтересованных сторон.

2) Согласованность целей заказчика с результатами проекта. Если заказчиком проекта формирования финансовой стратегии кластера является государство, то оно формулирует цели и задачи исследования, исходя из выбранных критериев эффективности стратегии кластера.

После разработки общей стратегии, определения целей и задач развития кластера можно приступить к формированию функциональных стратегий, в том числе финансовой стратегии кластера.

Для целей исследования необходимо обозначить взаимосвязь между общей и финансовой стратегией. Финансовая стратегия представляет собой часть общей стратегии объединения. Под ней понимается концепция привлечения предприятиями денежных ресурсов, формирования их централизованного фонда и его распределения на различные нужды (текущие расходы, инвестирование и пр.). Иными словами, в качестве объекта она имеет определение источников и приоритетов использования финансовых средств.

Финансовая стратегия предприятия представляет собой сложную многофакторную модель действий и мер, необходимых для достижения поставленных перспективных целей в общей концепции развития в области формирования и использования финансово-ресурсного потенциала кластера. Экономическая сущность финансовой стратегии обусловлена финансовыми отношениями кластера с экономическими субъектами и государственными органами власти, взаимодействием с ними в процессе осуществления деловых отношений в области финансов [3].

Финансовая стратегия занимает место в иерархии стратегий предприятия на уровне функциональных стратегий, но является одной из самых важных функциональных стратегий предприятия, так как обеспечивает реализацию всех остальных стратегий.

Авторская концепция формирования финансовой стратегии экономического кластера представляет собой методологический подход к многопараметрическому рассмотрению деятельности экономического кластера с применением различных подходов.

Методология формирования комплексной стратегии управления финансами кластера базируется на многомерном матричном организационном подходе. В соответствии с типологией систем следует признать, что естественная структуризация кластера проходит по следующим направлениям:

- *объектная структура* (элементы – самостоятельные субъекты – участники кластера: предприятия, организации и др.);

- *процессная структура*, элементами которой являются повторяющиеся бизнес-процессы, протекающие в разных субъектах кластера и при взаимодействии между ними

Несмачных О. В.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

(например, процесс последовательной или параллельно-последовательной обработки полуфабрикатов, осуществляемый на разных предприятиях кластера);

- *проектная структура*, элементами которой являются проекты – невозпроизводимые последовательности мероприятий, имеющие конкретную достижимую и проверяемую цель;

- *продуктовая структура*, элементами которой являются различные продукты, в том числе и инновационные, производимые в структуре кластера;

- *ресурсная стратегия*, элементами которой являются потоки ресурсов, которые распределяются и перераспределяются между различными участниками кластера.

Фактически кластер следует рассматривать как комплекс, объединяющий пять групп систем указанных типов: объектную, процессную, продуктовую, ресурсную и проектную группы. Отсюда следует, что финансовая стратегия кластера должна формироваться как амальгама пяти типов групповых стратегий (будем использовать термин «тип» для указания той структуризации, которая принимается во внимание при формировании данной составляющей стратегии, – объектная, процессная, проектная, ресурсная или продуктовая):

1) стратегических планов входящих в кластер предприятий с учетом их всесторонних взаимосвязей (*объектная стратегия кластера*);

2) стратегических планов развития и взаимосвязей процессов (*процессная стратегия кластера*);

3) стратегического описания проектов (целевых программ), реализуемых участниками кластера (*проектная стратегия кластера*);

4) стратегических планов разработки и выведения на рынок продуктов, а также управления их жизненным циклом (*продуктовая стратегия*);

5) стратегии управления ресурсами – материальными и нематериальными, учитывая специфику участника кластера (предприятие, НИИ, государственная структура и т.п.)

Каждая из этих стратегий является комбинацией стратегий соответствующих подсистем, а сплетение этих стратегий образует целостную, всестороннюю и полную финансовую стратегию кластера.

Место и роль каждого из указанных видов стратегии в комплексной финансовой стратегии кластера зависят от стадии жизненного цикла, на которой находится кластер.

На этапе создания кластера основную роль играет *проектная* стратегия кластера. Вовлечение участников в состав кластера облегчается, если существует достаточно крупный проект, носящий, с одной стороны, стратегический характер для дальнейшего функционирования кластера, с другой – предполагающий участие потенциальных организационных участников в обеспечении ресурсами данного проекта и в получении выгод от его реализации. Такой проект становится своеобразным знаменем, под которым собираются участники на стадии формирования кластера. Вместе с тем, данный проект должен быть дополнен проектами меньшего масштаба, которые удовлетворяют тем же условиям, что и основной, но заканчиваются позже основного. Иными словами, следует организовать *непрерывное проектное планирование*.

На этапе становления кластера главную роль играет *процессная* стратегия кластера, отражающая планируемые к реализации в рамках кластера сквозные бизнес-процессы. Они должны затрагивать по возможности значительную долю участников кластера, вовлечь их в повседневную, циклическую жизнь кластера в целом и стать связующим звеном для участников кластера. Процессная стратегия относится к числу общекластерных и также формируется централизованно.

На этапе стабильного функционирования кластера основная роль принадлежит объектной стратегии. Эта стратегия формируется на базе объектных стратегий участников, что предполагает достаточно высокий уровень их менеджмента, а также достаточно высокую степень взаимного доверия участников, готовность к раскрытию стратегической информации. Кроме того, создание такой стратегии невозможно без готовности участников к

достижению договорного компромисса. Наконец, принятие согласованной стратегии кластера как объекта с учетом объектных стратегий участников предполагает ориентацию на ее соблюдение в условиях мягкого управления кластером [1].

Ресурсная и продуктовая стратегии предполагают постоянный мониторинг и осуществление управляющих воздействий с целью сохранения устойчивости деятельности кластера, его доходности и т.п., поэтому их нельзя отнести к какому-то конкретному этапу жизненного цикла кластера.

Все перечисленные виды стратегий взаимосвязаны между собой и предполагают «поточное» представление о деятельности кластера, т.е. рассмотрение его как системы различных взаимосвязанных потоков ресурсов, продуктов, проектов, бизнес-процессов, которыми обмениваются объекты кластера для достижения общих и частных целей. Эти потоки имеют ряд показателей, которые характеризуют эффективность деятельности кластера, например, постоянство потока, объем, стоимость, время и направление. Наиболее универсальный измеритель для всех видов потоков – денежные средства, поэтому возникает необходимость представления их в виде потоков денежных средств.

Наиболее удобным инструментарием для представления предложенной концепции комплексной стратегии кластера, по нашему мнению, служит комбинация всех рассмотренных выше видов стратегий и системы сбалансированных показателей эффективности (ССП) Д. Нортон и Р. Каплана [2]. Четыре основные проекции СПП (финансы, клиенты, бизнес-процессы, обучение и развитие) позволяют структурировать в общем формате все пять видов стратегий и объединить их в проекции «финансы» в единое целое, что позволяет достичь управляемости предложенной системой представления комплексной финансовой стратегии кластера.

Сбалансированную систему показателей можно определить как тщательно подобранный набор показателей на основе стратегии организации. Отобранные для сбалансированной системы показатели являются инструментом руководителей для ознакомления работников и других заинтересованных лиц с результатами и факторами деятельности, благодаря которым организация выполнит свою миссию и стратегические задачи. Этот инструмент можно рассматривать в трех аспектах: как оценочную систему, систему стратегического управления и инструмент распространения информации.

Сбалансированная система показателей в классическом варианте содержит четыре составляющие, отражающие стратегически важные аспекты деятельности предприятия: финансы, клиенты, бизнес-процессы, обучение и развитие. Каждая составляющая содержит в себе ключевой вопрос, с которым она ассоциируется. Ответы на эти ключевые вопросы являются индикаторами, достижение которых будет свидетельствовать о продвижении по пути реализации стратегии предприятия. Процесс создания стратегии при создании СПП обычно реализуется сверху вниз и осуществляется в несколько этапов.

1) На первом этапе на основе видения, разработанного высшим менеджментом, которое отображает интересы акционеров, определяются финансовые ориентиры и цели.

2) Далее намечается круг проблем, связанных с идентификацией потребителей, разработкой мер по улучшению восприятия клиентом продукции или услуг компании.

3) После того, как желаемые цели обозначены, начинается поиск необходимых средств для их достижения. При этом намечаются мероприятия по усовершенствованию внутренних бизнес-процессов (разработка новой продукции, повышение качества обслуживания, повышение производительности и т.д.), которые необходимо провести для создания качественного предложения потребителю и достижения желательных для собственника финансовых результатов.

4) Совершенствование внутренних бизнес-процессов в значительной мере зависит от технологий, квалификации и опыта сотрудников, внутреннего климата в коллективе и других факторов.

Важно понимать, что все четыре составляющие ССП должны способствовать реализации единой стратегии организации.

Алгоритм построения стратегической карты предприятия (или отдельного объекта кластера) подробно представлен выше. Следует заметить, что ССП может использоваться в качестве инструментария стратегического планирования не только для коммерческих, но и для некоммерческих организаций тоже.

Общий вид комплексной стратегии кластера с точки зрения предлагаемой концепции представлен на рис. 1.

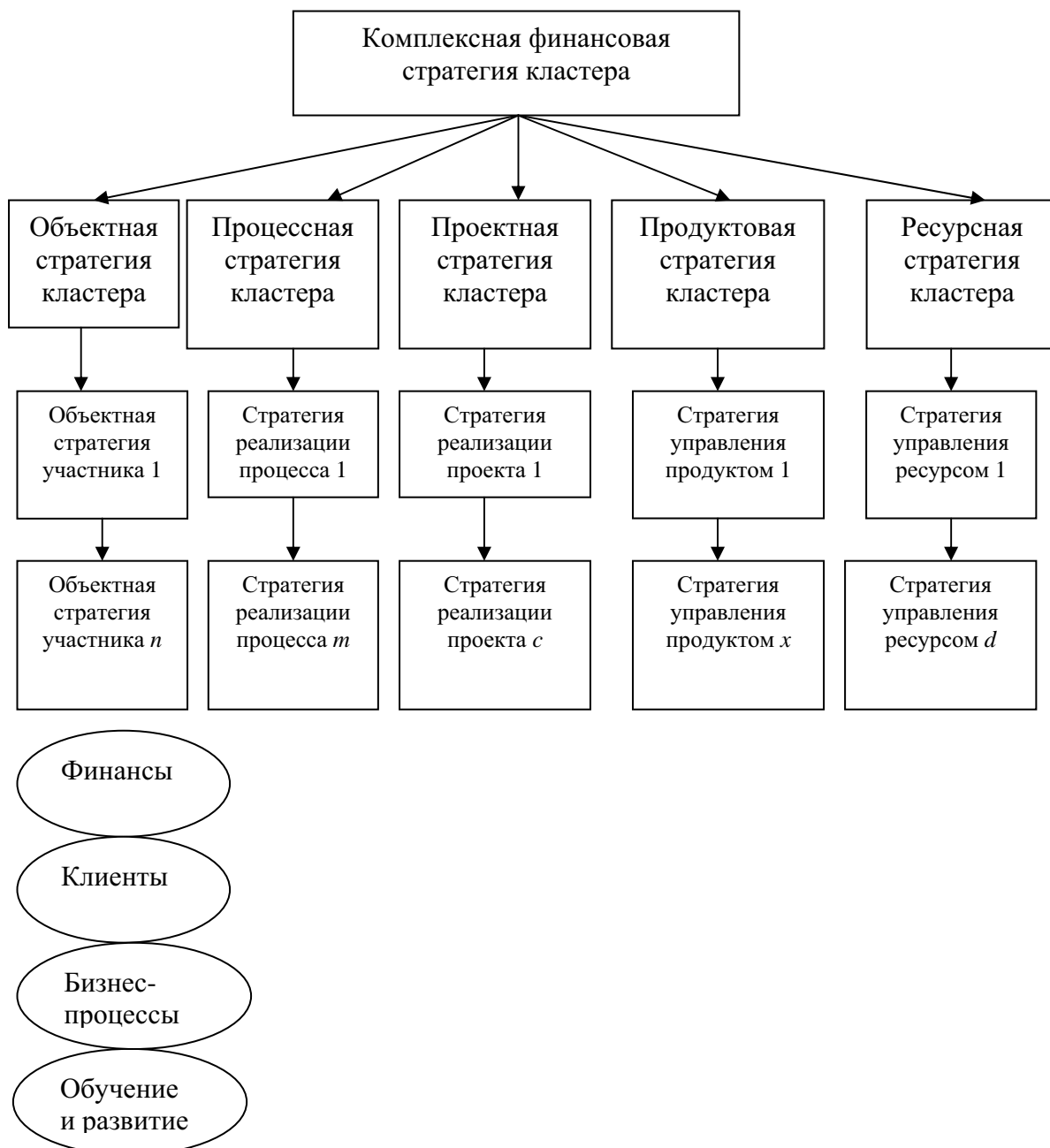

Рис. 1. Структура комплексной финансовой стратегии кластера

Построить стратегическую карту участника кластера в формате объектной стратегии не вызывает труда. Однако построение стратегической карты в формате остальных видов стратегий требует дополнительных пояснений.

Процессная стратегия кластера представляет собой характеристику всех его участников с точки зрения потока процессов, которые происходят внутри кластера. В разделе «финансы» описываются финансовые характеристики процесса, его стоимость, рентабельность и т.д. В разделе «клиенты» описывается, кто является поставщиком и кто потребителем описываемого процесса, смежные процессы. Проекция «Бизнес-процессы» иллюстрирует стандартную структуру процесса: входящий и исходящий поток ресурсов и продуктов, черный ящик. Проекция «обучение и развитие» предназначена для характеристики проектов, касающихся улучшения исследуемого процесса (сделать его менее затратным за счет использования новой технологии или сократить себестоимость путем использования новых материалов и т.п.)

Проектная стратегия кластера – представление его в виде потока проектов. У проекта есть рыночная (маркетинговая) составляющая, которая описывается в разделе «клиенты», он состоит из ряда бизнес-процессов, описываемых в разделе «бизнес-процессы» и, наконец, у него должно быть финансовое обоснование.

Ресурсная стратегия предполагает рассмотрение качества используемых ресурсов у каждого участника кластера, эффективность их использования и предложения по оптимизации.

Предложенная концепция формирования финансовой стратегии экономического кластера позволяет рассмотреть объединение с точки зрения нескольких научных подходов, сравнить показатели стратегий и провести многокритериальный анализ эффективности финансовой деятельности кластера. «Поточное» представление объединения позволяет синхронизировать потоки ресурсов, продуктов, проектов и процессов внутри кластера и объединить их в одно целое в проекции «финансы», используя инструментальной системы сбалансированных показателей эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейнер, Г. Б. Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории / Г. Б. Клейнер, Р. М. Качалов, Н. Б. Нагрудная // Отраслевые рынки. – 2008. – № 5-6 (18), сентябрь – декабрь.
2. Каплан, Р. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р. Каплан, Д. Нортон. – М.: «Олимп-Бизнес», 2009.
3. Федоров, С. Финансовая стратегия / С. Федоров (www.e-executive.ru/discussions/forum_3330)
4. Литовченко, В. В. Теория и методология формирования финансовой стратегии предприятия: моногр. / В. В. Литовченко. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005.
5. Несмачных, О. В. Оценка эффективности реализации финансовой стратегии предприятия на основе сбалансированной системы показателей: моногр. / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко. – Хабаровск: Изд-во ХГАЭП, 2007.

Сарилова О. А., Григорьева А. Л., Григорьев Я. Ю.
ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ВКЛАДА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ
В СТОИМОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Сарилова О. А., Григорьева А. Л., Григорьев Я. Ю.
O. A. Sarilova, A.L. Grigorieva, Ya.Yu. Grigoriev

**ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ВКЛАДА
НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ В СТОИМОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ**

**FACTORIAL MODEL AS A METHOD FOR THE ASSESSMENT
OF INTANGIBLE ASSETS'S SHARE IN THE VALUE OF A COMPANY**

Сарилова Ольга Александровна – ассистент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: sarilova.olga@mail.ru

Ms. Olga A. Sarilova – Assistant Lecturer, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: sarilova.olga@mail.ru

Григорьева Анна Леонидовна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: naj198282@mail.ru

Ms. Anna L. Grigorieva – PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Higher Mathematics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: naj198282@mail.ru

Григорьев Ян Юрьевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: jan198282@mail.ru

Mr. Jan Yu. Grigoriev – PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Higher Mathematics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: jan198282@mail.ru

Аннотация. Стоимость компании является наиболее значительной характеристикой эффективности деятельности предприятия. Существенное влияние на процесс роста стоимости фирм оказывают нематериальные активы. Применение экономико-математических моделей позволяет учитывать монетарные и немонетарные показатели, а также осуществлять прогноз и количественную оценку изменения стоимости компании с учетом влияния нематериальных активов.

Summary. The value of a company is the key indicator of its performance. A considerable impact on the process of growth of the value is caused by a company's intangible assets. Application of economic-mathematical models allows us to consider monetary and non-monetary indicators, and also to make forecasts and quantitative assessments of the change of the value, taking into account the influence of intangible assets.

Ключевые слова: нематериальные активы, стоимость предприятия, экономико-математическая модель, гудвилл, бизнес-процесс.

Key words: intangible assets, company value, economic-mathematical model, goodwill, business process.

УДК 338:005.94+658

Экономико-математическое моделирование – универсальный инструмент, применяемый при оценке стоимости предприятия, позволяющий за короткое время осуществить перебор и сравнение множества вариантов решения и принять из них лучшее. Небольшие затраты на моделирование позволяют имитировать различные варианты развития деятельности предприятия, экономя при этом значительные суммы. Таким образом, применение экономико-математического моделирования коммерческими предприятиями способствует эффективному осуществлению своей деятельности на рынке.

Увеличение стоимости компании является подтверждением эффективности ее деятельности.

Управление, основанное на стоимости, когда стоимость предприятия является главным критерием оценки эффективности его деятельности, в литературе получило название «концепция управления стоимостью» – Value based management (VBM) [3].

Основной и наиболее существенный недостаток показателя рыночной стоимости компании – большое количество допущений и прогнозов, которые приходится использовать при его расчете. Вместе с тем этот показатель позволяет наиболее полно учесть все факторы, влияющие на эффективность работы предприятия. Она отражает изменение как внешних, так и внутренних условий деятельности предприятия. Поэтому стоимость предприятия можно рассматривать как комплексный показатель, чувствительный к изменениям многих факторов предприятия, не только количественных, но и показателей, количественно отображающих качественные характеристики деятельности предприятия.

По мнению заслуженного деятеля науки РФ, доктора экономических наук, профессора А.Г. Грязновой, при определении рыночной ценности фирмы необходимо учитывать такие факторы, как время, риск, неосязаемые активы, внешнюю конкурентную сферу и внутренние особенности оцениваемого объекта [4].

При балансовой (book values) или бухгалтерской (accounting) оценке активы фирмы равны пассивам плюс чистый собственный капитал:

$$A = П + СК. \quad (1)$$

При рыночной оценке в уравнении (1) появляется еще одно слагаемое – неосязаемые активы; и равенство приобретает вид:

$$A^* + НА^* = П^* + СК^* \quad (2)$$

(* – знак, обозначающий рыночную стоимость соответствующего слагаемого). Неосязаемые активы включают такие элементы, как ценность, гарантии, страховки, лицензии, хорошие взаимоотношения с клиентами и другие нерегистрируемые активы, включая ценность доброго имени компании (гудвилл). Уравнение рыночной оценки реального собственного капитала в этом случае выглядит так:

$$СК^* = (A^* + НА^*) - П^* = (A^* - П^*) + НА^*. \quad (3)$$

Таким образом, уравнение рыночной оценки реального собственного капитала (3) можно представить в следующем виде:

$$СК^* = (A^* - П^*) + НА^*, \quad (4)$$

где A^* – рыночная оценка активов (включая НМА, учитываемые балансом организации); $П^*$ – рыночная оценка пассивов; $НА^*$ – рыночная оценка небалансовых нематериальных активов.

Если учесть, что при затратном подходе оценки стоимости предприятия балансовый подход (или метод чистых активов) базируется на расчете, данном в [5], то, учитывая метод, предложенный выше, можно определить стоимость компании как

$$СК^* = (A^* - П^*) + \sum НМА^*. \quad (5)$$

Следует уточнить, что под $П$ понимаются долгосрочные и краткосрочные обязательства предприятия, а под $\sum НМА$ понимается набор балансовых и небалансовых активов компании, которые отражают влияние внутренних и внешних, монетарных и немонетарных факторов на эффективность деятельности фирмы на рынке.

Деятельность каждой организации характеризуется совокупностью уникальных внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на ее деятельность (см. рис. 1). На сегодняшний день мировой опыт оценки компаний, в частности зарубежных, свидетельствует о преобладании нематериальных активов над материальными.

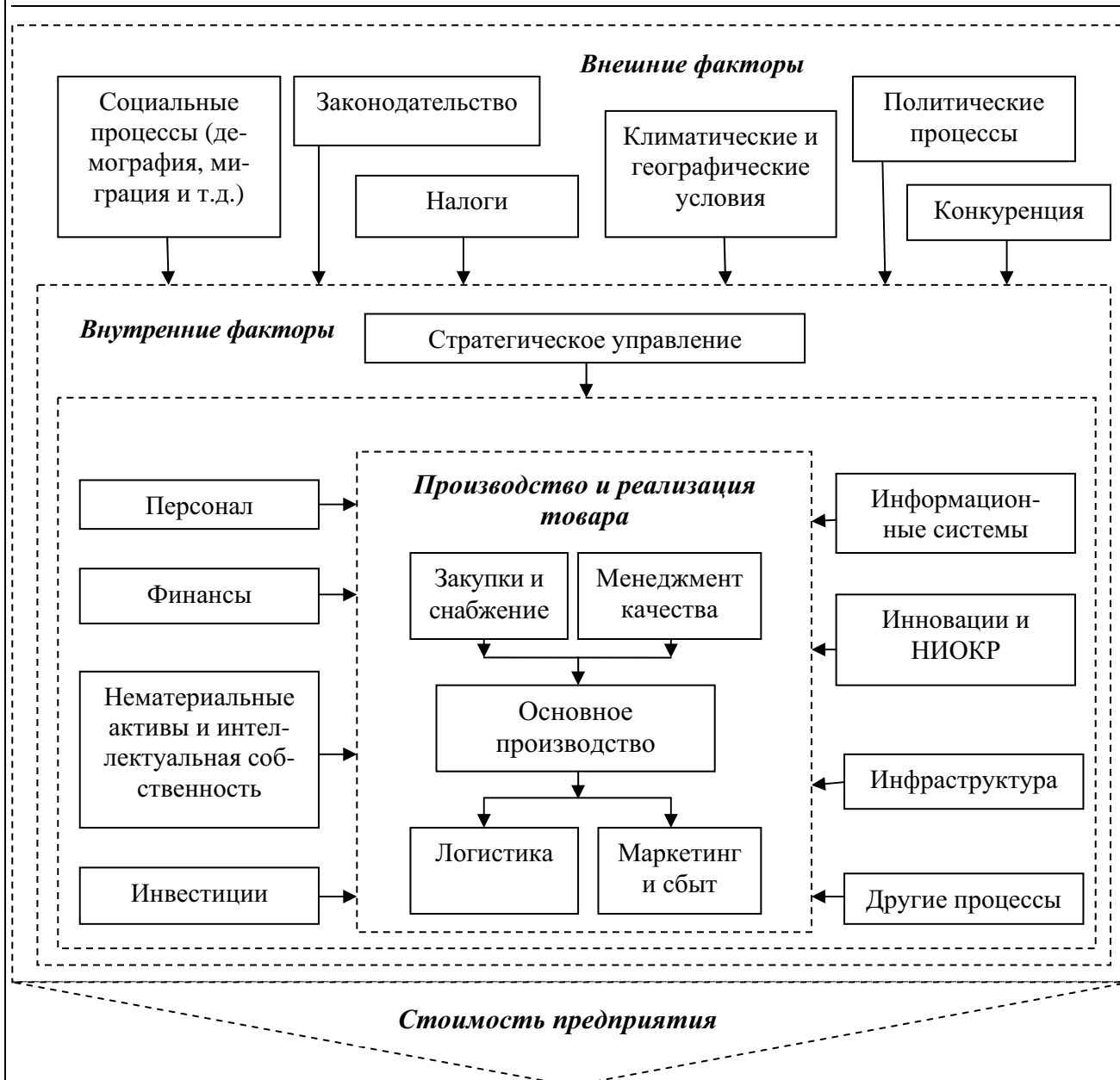

Рис. 1. Влияние внутренних и внешних факторов на формирование стоимости компании

Все эти активы не имеют вещественно-материальной формы, не могут быть отчуждены от компании, а также обладают длительным сроком полезного использования. Поэтому они могут быть идентифицированы как нематериальные активы компании, которые по разным причинам не могут быть учтены в балансе, иными словами – небалансовые нематериальные активы.

Необходимо отметить, что отечественными стандартами не признаются в качестве нематериальных активов и, соответственно, не учитываются балансом такие активы, как бренд, а также нематериальные активы, связанные с клиентами, контрактами, персоналом (долгосрочные и перспективные и долгосрочные отношения с клиентами, и приверженность (loyalty) покупателей, и методы управления компанией, а также внутренний гудвил). Затраты, осуществляемые с целью создания будущих экономических выгод, но не приводящие к созданию нематериального актива, удовлетворяющего критериям признания, установленным стандартами МСФО и ПБУ 14/2007 "Учет нематериальных активов"[2, 6] (такие затраты часто называются затратами, способствующими формированию внутреннего гудвила), также

не подлежат признанию в качестве активов, поскольку они не являются идентифицируемыми ресурсами.

Для определения набора балансовых и небалансовых активов компании, для оценки значимости влияния каждого из них на стоимость компании необходимо применить процессно-ориентированный подход. Вся деятельность организации может рассматриваться как ряд бизнес-процессов, осуществляющих свой вклад в формирование активов и обязательств (пассивов), отражаемых в бухгалтерском балансе организации. Кроме того, каждый из бизнес-процессов в результате своей деятельности формирует ряд нематериальных активов, не учитываемых балансом компании, но которые оказывают значительное влияние на формирование рыночной стоимости предприятия (например, персонал, лояльность клиентов и т.д.). Однако все эти факторы имеют разную природу и разную размерность (стоимостную, количественную, временную). Решением в данной ситуации может быть приведение всех слагаемых формулы (5) к единой размерности, выраженной в темпах роста показателей.

Для учета всех факторов, оказывающих влияние на стоимость компании, можно воспользоваться методом создания математической модели оценки стоимости компании путем построения аналога множественной (многофакторной) регрессии. В качестве моделируемого показателя рассматривается стоимость компании, принимаемая как интегральный показатель при оценке эффективности деятельности фирмы. Множество факторов, влияющих на моделируемый показатель, – это совокупность внешних и внутренних факторов деятельности компании. Цель разработки факторной модели стоимости организации с учетом влияния НМА – выявить степень влияния каждого из факторов деятельности компании на стоимость компании, чтобы в дальнейшем можно было воздействовать на более значимые из них для повышения рыночной стоимости организации.

По предложенной методике можно построить эконометрическую модель для предприятий предпринимательского типа средних размеров Хабаровского края.

Для определения факторов-аргументов, влияющих на функцию y , представляющую собой стоимость компании, необходимо воспользоваться статистическими данными [7], данными бухгалтерского балансового учета и иной финансовой документацией исследуемых фирм.

Основными бизнес-процессами, рассматриваемыми как факторы регрессии, по мнению экспертов – специалистов в области малого и среднего бизнеса, являются: x_1 – производство, x_2 – персонал, x_3 – маркетинг и сбыт, x_4 – логистика, x_5 – инновации.

Бизнес-процесс «Производство» является субинтегральным показателем, как и другие, и включает в себя множество факторов: факторы продукции (например, постоянные и переменные затраты), факторы технологии (например, коэффициент загрузки оборудования; степень технологической сложности товара и т.д.), основные средства, а также факторы стоимости, создаваемые нерегистрируемыми (внебалансовыми) нематериальными активами производства (например, количество компьютеризированных рабочих мест; оснащенность техникой связи и т.д.).

Бизнес-процесс «Персонал» также рассматривается как субинтегральный показатель. Он может включать в себя следующие факторы: затраты на обучение персонала, долевые соотношения персонала по уровню полученного образования, по стажу работы, текучесть квалифицированных кадров и т.д.

Факторы, определяющие субинтегральный показатель бизнес-процесса «Маркетинг и сбыт», по мнению экспертов, могут быть следующими: факторы продукции (например, объем готовой продукции); факторы сбыта (например, объем продаж продукции); факторы, связанные с клиентами (например, количество постоянных клиентов; клиенты, формирующие имидж организации), а также факторы, связанные с заключаемыми контрактами (число договоров о стратегическом партнерстве с субъектами бизнес-среды и т.д.).

Бизнес-процесс «Логистика», являющийся также субинтегральным показателем, может характеризоваться такими показателями, как: складское оборудование; транспорт; гру-

зооборот; создание новых маршрутов распределения; близость к распределительным центрам, поставщикам и потребителям и т.д.

Бизнес-процесс «Инновации», по мнению экспертов, может определяться следующими факторами: затратами на внедрение новых технологий; затратами, связанными с выпуском новых видов продукции; затратами на стимулирование изобретательской и инновационной деятельности; количеством изобретений, рацпредложений сотрудников, не поставленных на баланс предприятия; количеством патентов, лицензий, имеющих стоимостную оценку, поставленных на баланс.

Число оцениваемых параметров в нашем случае составляет $n + 1 = 6$, а значит требуемое число наблюдений должно быть не менее 18.

Для расчетов с использованием построенной эконометрической модели рассмотрены данные 18 хозяйствующих субъектов предпринимательского типа, для которых проведена оценка бизнеса по известным методикам.

Расчет коэффициентов уравнения линейной регрессии осуществлен в программе Microsoft Excel инструментом анализа данных «Регрессия».

По итогам расчета получено уравнение множественной регрессии, которое для рассматриваемой выборки имеет вид:

$$Y = -0,005 + 2,113X_1 + 0,768X_2 + 1,799X_3 - 0,193X_4 - 0,023X_5. \quad (6)$$

Как видно из расчетов, стоимость бизнеса более всего реагирует на изменение субинтегрального показателя бизнес-процесс «Производство». 1 % его прироста приводит к росту стоимости компании на 2,2 %.

Увеличение субинтегрального показателя бизнес-процесс «Персонал» на 1 % ведет к увеличению стоимости фирмы на 0,8 %.

Увеличение субинтегрального показателя бизнес-процесс «Маркетинг и сбыт» на 1 % обеспечивает прирост стоимости компании на 1,8 %.

Увеличение субинтегрального показателя бизнес-процесс «Логистика» на 1 % снижает стоимость на 0,2 %.

И, наконец, увеличение субинтегрального показателя бизнес-процесс «Инновации» на 1 % снижает стоимость предприятия на 0,023 %.

Для проверки надежности результатов дисперсионного и корреляционного анализа применяются следующие статистические показатели модели:

1) **Множественный коэффициент корреляции R** (равен 0,93976). Такое высокое значение множественного коэффициента корреляции говорит о достаточно тесной связи между функцией и всеми включенными в модель факторами-аргументами.

2) **Коэффициент детерминации R^2** (равен 0,88315). По величине коэффициента детерминации можно судить о совокупной доле влияния факторов, включенных в модель, на стоимость компаний. Коэффициент детерминации свидетельствует о достаточно полном охвате полученной моделью всех существенно влияющих на функцию факторов. На другие факторы приходится только 11,68 %.

3) **F -критерий Р. Фишера**. Для доверительной вероятности 95 % и степеней свободы, соответственно, 12 и 5 табличное значение F -критерия равняется 3,11 [1]. Наблюдаемое F -значение равно 18,13895. По этому критерию множественные коэффициенты корреляции всех моделей значимы, так как $F_{расч} > F_{табл}$.

Расхождение результатов оценки стоимости компаний по данной методике и среднего значения стоимости компаний, оцененных по стандартной методике с применением трех подходов: затратного, сравнительного и доходного, составило около 4 %.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть достоинства предлагаемого метода.

1) Стоимость компании, рассматриваемая как интегральный моделируемый показатель, позволяет оценить вклад каждой составляющей, а также эффективность деятельности компании в целом.

2) Данный метод может применяться как крупными компаниями, где каждое отдельное самостоятельное предприятие рассматривается как бизнес-единица, так и для небольших фирм, определяющих в качестве бизнес-процессов деятельность своих отдельных подразделений. Такой метод может быть применен для организаций, действующих в разных отраслях народного хозяйства. Компания сама определяет свой набор бизнес-процессов и те факторы, которые могут оказывать влияние на ее стоимость, с учетом мнения экспертов.

3) Предложенный принцип моделирования оценки компании на основе аналога множественной (многофакторной) регрессии позволяет прогнозировать с достаточной степенью точности стоимость организации, так как при расчете используются достоверные данные бухгалтерского отчета и статистические данные деятельности фирмы.

Следует отметить, что недостатки у этого метода также имеются. Для оценки стоимости компании (рыночной оценки реального собственного капитала) необходимо произвести корректировку всех активов и пассивов по рыночной стоимости, а также выявить факторы, влияющие на стоимость организации. Осуществление этих процедур требует трудовых, временных и денежных затрат. Кроме того, существует риск, используя данные бухгалтерского и финансового учета, учитывать недостоверные данные, поскольку зачастую организации искажают реальные показатели своей деятельности для того, чтобы уменьшить налоговые отчисления.

В целом же применение предложенного метода определения стоимости организации позволяет компаниям существенно повысить рыночную оценку реального собственного капитала за счет включения нематериальных активов, не учитываемых балансом фирмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воротникова, О. М. Эконометрика: учеб. пособие / О. М. Воротникова. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2009. – 138 с.
2. Международный стандарт финансовой отчетности МСФО38. Официальный вестник Европейского союза 2003 г. L 261/336
3. Несмачных, О. В. Оценка эффективности реализации финансовой стратегии предприятия на основе сбалансированной системы показателей: моногр. / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. – 177 с.
4. Оценка бизнеса: учебник / под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 512 с.
5. Порядок оценки стоимости чистых активов акционерных обществ: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 5 августа 1996 г. № 71 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 10.
6. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/2007»: приказ Минфина Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 153н // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 1.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сборник / Росстат. – М., 2010. – 990 с.

Шевченко Д. К., Сергеев А. С.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Шевченко Д. К., Сергеев А. С.

D.K. Shevchenko, A.S. Sergeev

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

**CONCEPTUAL APPROACH TO THE STUDY OF THE PROBLEMS OF TRANSPORT
EFFICIENCY IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CRISIS**

Шевченко Давид Кириллович – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Россия, Владивосток).

E-mail: dalrybvtuz@ mail.ru

Mr. David Shevchenko – Doctor of Economics, Professor, Honoured Worker of the Higher Education of Russia, Far-Eastern Fishing Technical University (city of Vladivostok). E-mail: dalrybvtuz@ mail.ru

Сергеев Александр Садофович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: SERG-Alexander@yandex.ru

Mr. Alexander Sergeev – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Business Administration, Far-Eastern Federal State University (city of Vladivostok). E-mail: SERG-Alexander@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются экономические проблемы эффективности работы национальной транспортной системы, включая транспортную инфраструктуру Дальнего Востока. Представлены основные приоритеты их решения на основе концептуального подхода.

Summary. The paper examines a range of problems linked to the performance level of the national transport system, including these of the transport infrastructure of the Far East. Basic priorities in the area of the problem solution are presented as worked out using a conceptual approach.

Ключевые слова: единая транспортная система страны, региональный транспортный комплекс, глобальный экономический кризис.

Key words: integrated transport system of a country, regional transport system, global economic crisis.

УДК 338.468

Современный мировой экономический кризис в значительной мере повлиял на развитие экономики России и транспорта в частности, который составляет около 9 % ВВП и оказывает значительное влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства страны. Транспорт играет также исключительно важную роль в социально-экономическом развитии Дальневосточного региона (ДФО). Доля транспортных услуг в валовом внутреннем продукте региона почти в 1,5 раза превышает среднероссийский уровень и составляет около 13 % от всего ВРП Дальнего Востока [2]. Однако, занимая почти 40 % территории России, транспортная сеть ДФО и его транспортная инфраструктура в целом пока значительно отстает от среднестатистических значений по сравнению с остальными регионами России. Плотность железнодорожных путей общего пользования в расчете на 10 тыс. кв. км в ДФО в 3,6 раза, а

автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в 5,6 раза меньше, чем в среднем по России [2].

Длительный период реформенных преобразований в России привел к тому, что даже транспортная сеть ДВФО оказалась относительно избыточной. Если до 1990 г. транспортный комплекс региона характеризовался наличием дефицита мощностей, то к началу 2000 г. транспортная инфраструктура оказалась загруженной менее чем на 50 %. Общие отправки грузов на основных видах транспорта снизились относительно 1990 г. почти в 2,5 раза. В 2000-2005 гг. спад перевозок прекратился, но общий уровень загрузки транспорта региона оставался относительно низким и только в последние годы наметился относительный рост объема перевозок, в основном за счет коммерческого автомобильного транспорта (см. рис. 1).

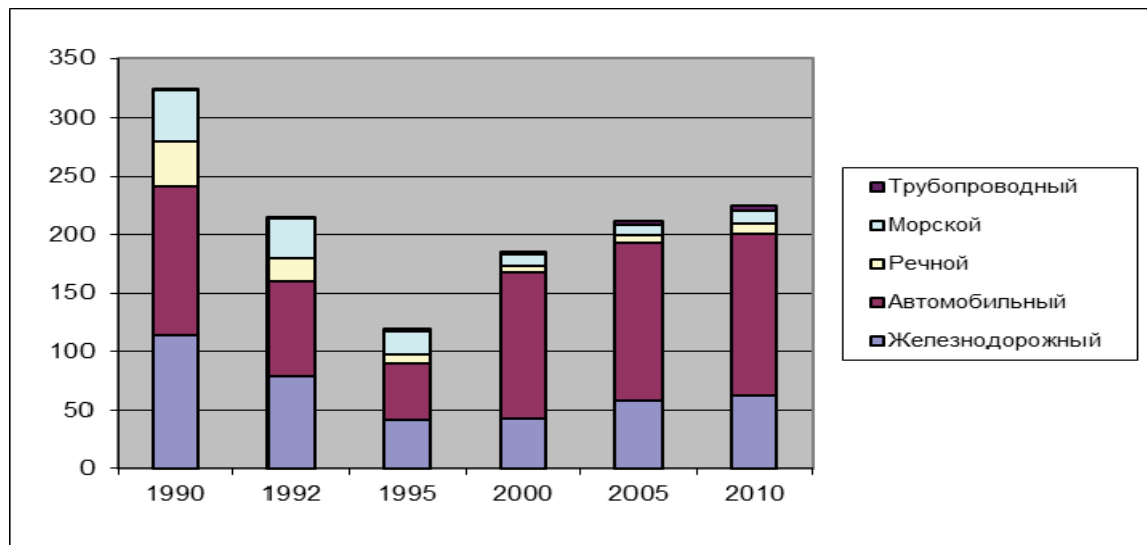

Рис. 1. Объем перевозки грузов транспортом общего пользования ДВФО за 1990 – 2010 гг. (млн т) [2]

Общее ухудшение экономической ситуации в стране под влиянием мирового кризиса негативно отразилось на положении транспортного комплекса ДВФО. В результате падения производства, роста транспортных тарифов и таможенных пошлин значительно сократились объемы перевозки грузов. Неэффективная система управления транзитными грузопотоками, не обеспечивающая клиенту конкурентные преимущества в использовании отечественного транспорта, вызвала сокращение транзитных перевозок по Транссибу.

К основным причинам снижения транспортной активности региона можно отнести следующие факторы:

- общее падение производства;
- систему тарифных ставок, не учитывающую географическую отдаленность региона от центральной части России;
- неэффективное таможенное законодательство;
- отсутствие стабильной политической и экономической ситуации в краях и областях региона и, как следствие, сокращение национальной грузовой базы и внешнеторговой активности.

В связи с этим, проблема выхода страны и транспорта из экономического кризиса требует комплексного, концептуального подхода, тесно увязывающего цели развития транспортной системы с проблемами и факторами, сдерживающими развитие всей национальной экономики. Эти взаимосвязи наглядно показаны на рис. 2.

Рис. 2. Концептуальная схема исследования проблем по выходу из кризиса транспортной системы России

Рассмотрим эти проблемы и приоритетные направления их решения с позиции национальной экономики России.

Прежде всего, глобальный кризис вскрыл серьезные недостатки в социально-экономической, финансовой, научно-технической и правовой сферах деятельности. Все это породило ряд проблем, требующих немедленного решения. В национальной экономике к этим проблемам относятся: нерациональная структура производства; неустойчивая система управления экономикой и связанная с ней низкая производительность труда; неэффективное

использование сырьевых, природных, энергетических ресурсов и высокая зависимость экономики от их экспорта; низкое качество и конкурентоспособность несырьевых секторов экономики; недостаточная развитость финансового сектора и банковской сферы кредитования [1].

В целом основные проблемы национальной экономики можно разделить на три вида:

Первая проблема состоит в том, что в России уже значительно устарело техническое оборудование и применяемые технологии. Сроки эксплуатации техники и оборудования в среднем по использованию основных производственных фондов в промышленности и на транспорте составляют 25 – 40 лет и требуют коренной реконструкции или замены. Поэтому производимая продукция имеет низкое качество и большие отходы сырья и материалов. Непроизводительные простои оборудования, транспортных средств и другие потери в производстве и реализации продукции делают ее более дорогой и неконкурентоспособной. Всё это связано со снижением инновационной и инвестиционной активности за последние 20 лет.

Вторая проблема – низкая конкурентоспособность продукции и транспортных услуг, снижающих как внутренний, так и зарубежный спрос. Когда эта проблема появилась в сырьевых секторах, то не нашлось перерабатывающих отраслей, способных «поддержать» экономику. Более того, проблемы от сырьевых отраслей начали распространяться на смежные, включая машиностроение и транспорт. Это является основной причиной снижения объемов производства, рабочих мест и появления безработицы.

Третья проблема – недостаточная развитость финансового сектора и банков, которые работают недостаточно эффективно и не обеспечивают надежного кредитования предприятий под низкие проценты, как это делается за рубежом. Высокие процентные ставки кредитов в банках России (13 – 18 %) практически не доступны предприятиям среднего и малого бизнеса, сдерживают их модернизацию и развитие. Эта проблема является также основной причиной строительства и ремонта отечественного транспортного флота за рубежом по условиям более благоприятного иностранного кредитования.

Для выхода из создавшегося кризиса Правительством РФ в 2009 г. была разработана среднесрочная программа антикризисных мер на период до 2012 г. [3], в которой предлагался ряд приоритетных мер по коренной модернизации экономики и управления хозяйственной деятельности, направленной на повышение конкурентоспособности и финансовой устойчивости предприятий.

В соответствии с данной программой Правительство РФ планировало осуществлять свою деятельность, исходя из следующих приоритетов [3]:

- 1) публичные обязательства государства перед населением будут выполняться в полном объеме;
- 2) промышленный и технологический потенциал будущего роста должен быть сохранен и усилен;
- 3) основой посткризисного восстановления и последующего поступательного развития должен стать внутренний спрос;
- 4) кризис – не повод отказаться от долгосрочных приоритетов модернизации страны;
- 5) отечественный бизнес должен быть освобожден от давления чиновников. Правительство продолжит снижать административные барьеры для бизнеса;
- 6) экономика должна опираться на мощную национальную финансовую систему;
- 7) Правительство и Центральный Банк будут реализовывать отечественную макроэкономическую политику, направленную на финансовую поддержку и стимулирование высокотехнологичных и наукоемких производств.

При этом данные проблемы и приоритеты не отменяют стратегический курс Правительства, направленный на модернизацию экономики в последующие за 2012-м годы. В частности, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. к важнейшим направлениям модернизационной политики государства относятся следующие направления [1]:

Шевченко Д. К., Сергеев А. С.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

- проведение институциональных реформ, обеспечивающих устойчивое и динамичное развитие человеческого капитала;
- усиление роли внутреннего спроса в обеспечении экономического роста;
- структурное обновление экономики, ведущее к снижению зависимости производства и финансовой системы от экспорта топливно-сырьевых ресурсов;
- последовательная демонополизация и развитие конкуренции, без чего все меры стимулирования спроса не будут эффективными;
- незыблемость и защита права частной собственности как основа устойчивого экономического роста. По мере стабилизации социально-экономической ситуации (в ходе реализации антикризисных мер) государство будет сокращать свою долю во владении промышленными и финансовыми активами;
- обеспечение макроэкономической сбалансированности, предполагающее сокращение бюджетного дефицита, снижение инфляции и процентных ставок, стабилизацию курса национальной валюты;
- радикальное повышение инновационной активности в экономике. Стимулирование повышения энергосбережения и ресурсоэффективности;
- смягчение региональной поляризации за счет ускорения развития депрессивных и слаборазвитых регионов, развитие системы стратегического управления на региональном уровне;
- развитие инфраструктуры – транспортной, энергетической, информационной, создающей основу для повышения эффективности и снижения уровня издержек всех секторов экономики.

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы развития внешнеторгового обмена требуют новых подходов к развитию транспорта, поиску новых технологий и рациональных путей освоения перевозок и пассажиров, и грузов. Следует признать, что транспортная инфраструктура в России, и особенно в ДВФО, развита пока недостаточно. Несмотря на имеющиеся проблемы в развитии транспортной инфраструктуры и отдельных видов транспорта, выгодное геополитическое положение Дальневосточного региона России позволяет ему претендовать на одно из ведущих мест в мировой транспортной системе в качестве транспортного моста между Европой и АТР. Поэтому формирование системы международных транспортных коридоров в регионе и реализация его транзитного потенциала всецело отвечает стратегическим интересам России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [http://www. stras. ru](http://www.stras.ru)
2. Приморский край в Дальневосточном федеральном округе по итогам 2010 года. 2011: Аналитический обзор / Приморскстат. – Владивосток, 2011. – 32 с.
3. Программа антикризисных мер Правительства РФ на 2009 г. / Аргументы и факты. –2009. – № 13 (25-31 марта).

Брейтман А. С.
A.S Breitman

**ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
PRO AT CONTRA**

VIRTUAL REALITY AS A SOCIAL AND CULTURAL FENOMENON: PRO AT CONTRA

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: tour@festu.khv.ru.

Mr. Alexandre S. Breitman – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Cultural Service and Tourism Studies, the Far-Eastern State University of Transport (city of Khabaraovsk).

Аннотация. Полемические заметки обращены к теме тотального проникновения виртуального (или виртуальности) в бытие современного человека, включая как сферу профессиональных интересов, так повседневность и досуг. Делается акцент не столько на безграничных возможностях интернета, сколько на проблемах (технично-технологических и гуманитарных), порождаемых этой новой и недостаточно ещё осмысленной ситуацией.

Summary. These polemic notes are on the issue of the total penetration of virtuality into the being of modern man including his professional activities, everyday life and leisure. An accent is placed here not so much on the vast potentials of the Internet, as on the problems (both technological and humanitarian) that are being created by this new and still not sufficiently studied situation.

Ключевые слова: информационное общество, информационная культура, виртуальная реальность, «человек виртуальный», глобализация, мифологическая реальность.

Key words: information society, information culture, virtual reality, homo virtualis, globalization, mythical reality.

УДК 804.0:801.1

В современных футурологических концепциях (Д. Белл, Ю. Хаяши, И. Масуда, О. Тоффлер, Ф. Феррари, Ю. Хабермас и др.) выделяются следующие этапы общественного развития: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Последний при этом рассматривается как первая стадия информационного общества или само информационное общество, т.е. совершенно новый этап, следующий за индустриальным. Сами же понятия «постидустриальное» и «информационное» рассматриваются в широком контексте процессов глобализации.

Как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Принимая во внимание непреложность этой истины, можно утверждать, что при всей кажущейся объективности, процесс глобализации, о котором так много говорили (и говорят) философы, социологи и экономисты, чрезвычайно выгоден для крупных производителей. Уже на рубеже XX-XXI вв. осознавалось, что глобализация «представляет собой процесс стремительного формирования общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий» (НГ-Сценарий, № 4, 2001). Причем «...самое главное в глобализации, – по утверждению директора Института проблем глобализации М. Делягина, – это превращение формирования сознания в самый коммерческий вид бизнеса...ведь *информационные* технологии сегодня окупаются за несколько месяцев...» (газ. «Завтра» № 43(412), 23.10.2001).

Итак, информационное постиндустриальное общество – свершившийся факт мировой истории. Учитывая, что сегодня не сложилось еще устойчивого и общепризнанного его определения, предлагаю в качестве рабочего следующее: *информационное общество* – это такая форма объединения людей, при которой универсальным способом их взаимодействия

оказывается средства массовой коммуникации (СМК) и, главным образом, единая информационная сеть – интернет, объединившая все способы современной коммуникации и осуществлявшая глобальное телеобщение в неведомых доселе масштабах.

Из попыток сформулировать само понятие информационного общества со всей неизбежностью вытекает необходимость следующей дефиниции, еще менее определенной и более дискуссионной – *информационная культура*. В большинстве случаев под информационной культурой подразумевают определенный уровень подготовленности индивида и/или социума к восприятию, накоплению, кодированию и перекодированию (на высшем уровне – созданию новой) информации. По сути, здесь мы имеем дело с **«человеком информационным»**, подготовленным технологически к существованию в информационном социуме. Такого технико-технологического понимания информационной культуры сегодня явно недостаточно. Поэтому попытаюсь с позиции деятельностного подхода к культуре сформулировать: **информационная культура** – это такой способ существования человека, когда главным и универсальным продуктом его деятельности становится информация, основным хранителем и распространителем которой являются электронные носители, объединенные в единую глобальную сеть – интернет.

В ситуации информационной культуры возрастает интерес и к специфическому ее порождению – *виртуальной реальности*, и к самому субъекту (как и объекту) этой реальности «человеку виртуальному» – некоему гомункулусу, «зародившемуся» в реторте компьютерных лабиринтов.

Виртуальная реальность – некий малоизученный феномен, сравнимый с феноменом реальности мифологической. В случае мифологической реальности мы имеем дело, по сути, с продуктом воображения, воспринимаемым как реальность, т.е. до тех пор, пока в филогенезе не сложится способ (механизм) рационального познания мира, человек будет относиться к продукту своих интуитивных озарений, основанных на могучем воображении, как к единственно возможной реальности. Нечто подобное мы наблюдаем и в случае виртуальной реальности, которая все более осуществляет экспансию в сознание пользователей ПК. В известном смысле **виртуальная реальность** – это мифологическая реальность человека XXI века, с тем только отличием, что, прежде чем принять виртуальную реальность как основную, сознание человека XXI века должно быть «очищено» (что мы и наблюдаем) от всего того багажа культуры, который на протяжении последних 5-6 тыс. лет складывался как рациональный способ познания, породивший философское знание и науку (науки) во всём их многообразии и взаимодополнительности. И если мифологическое сознание древнего человека – естественная и универсальная форма существования и познания мира в конкретную историческую эпоху, то замещение (подмена) подлинного существования нашего современника виртуально-мифологической реальностью – есть ничто иное, как бегство от реальности, со всеми вытекающими из этого последствиями: инфантилизмом, невозможностью подлинной социализации, несформированностью ценностного (научного или религиозного) мировоззрения и, в итоге, невозможностью деконструкцией личности.

Как порождение информационной виртуальной культуры **«человек виртуальный»** выступает сразу в трёх ипостасях:

- как индивид, технически и технологически «вписанный» в современный информационный социум;
- как человек, играющий и развлекающийся в интернете, и, одновременно, человек, зависящий от интернета;
- и наконец, как некий интеллектуально-технологический фантом (интернет-маска, аватар, ник), претендующий на первичность по отношению к своему создателю – индивидуальному пользователю сети.

Вышеприведенные соображения позволяют сделать вывод, что **«человек виртуальный»** – это более всего тот, кто виртуально-мифологическую реальность принимает в качестве основной, а то, что происходит «в реале» его интересует все меньше и меньше. Конечно, технологически «человек виртуальный» может быть оснащен не хуже «человека информационного» и также виртуозно владеть современными web-технологиями. Но именно опасности виртуальной зависимости и подмены, подстерегающие «человека виртуального», и есть главная причина попыток осмыслить этого новый и слабо ещё изученный социокультурный феномен.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ВИР – ВАРИАНТ МИРА

VIRTUAL REALITY AS A VARIANT OF THE WORLD

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27, 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin St., tel.: +7-4217-52-98-18; e-mail: shuneyko@knastu.ru

Аннотация. Коммуникативные особенности виртуальной реальности предполагают, что от иных типов реальности она отличается только в количественном отношении.

Summary. If we are to judge the virtual reality by its communicative properties, then it appears to differ from other types of reality only quantitatively.

Ключевые слова: информационное общество, информационная культура, виртуальная реальность, «человек виртуальный».

Key words: information society, information culture, virtual reality, homo virtualis.

УДК 804.0:801.1

Слово русского языка вир – неологизм. В 2009 г. он занял второе место в рейтинге слов года. Образован по аналогии со словом мир и обозначает всю совокупность виртуального пространства Интернета. Возникновение, закрепление и распространение этого слова в сознании языкового коллектива говорит о том, что виртуальная реальность как самостоятельный и обладающий рядом особенностей социальный, культурный и т.д. феномен существует. Иной вопрос, в какой плоскости лежат эти особенности, насколько они принципиальны и отражаются ли в бурном и разнообразном потоке ученой рефлексии, которая наделяет их всеми оттенками негативных (чаще) и позитивных характеристик.

Восприятию вира в качестве серьезного деформатора или кардинального преобразователя коллектива препятствуют два аргумента. 1. В вир вовлечены относительно небольшие (от общего количества говорящих на том или ином языке) группы людей. 2. В вире отсутствуют качественно новые явления. Здесь действуют те же сценарии, реализуются те же самые стратегии и тактики, используются те же самые приемы, организуются те же формы взаимодействия, что и в мире. При огромном количестве новых речевых явлений, никаких новых коммуникативных единиц (в строгом значении) не появляется.

По этим и иным причинам в качественном отношении вир просто дублирует окружающий мир, все формы его взаимодействия, переносит в себя его константы. Ничего нового в плане взаимодействия между людьми в вире нет. А потому разговоры о том, что вир качественно изменяет сознание людей, часто, – свидетельства не очень широкого кругозора аналитика.

По этим же причинам серьезно говорить об информационном обществе как новом типе объединения людей, не смотря на то, что подобные утверждения стали общим местом, по

крайней мере, преждевременно. Соответственно и возникновение информационной культуры можно только предрекать, но никак не констатировать.

Но. Отсутствие качественных особенностей не отменяет того, что в количественной сфере вир обладает индивидуальными характеристиками. И они приобретают значение определяющих факторов. Более того, простираивают собой ряд последствий, важных для всего коллектива.

Серьезно можно говорить о четырех особенностях виртуальной коммуникации. Она гораздо более мобильна, чем традиционная коммуникация: скорость передачи информации ограничивается только провайдером. Она более раскрепощена и свободна: отсутствуют многие типы цензоров, ограничений может вовсе не быть. Она разрушает ряд табу или не замечает их: публично обсуждаемыми становятся любые темы. Она дает участнику возможность безболезненного выхода из любой ситуации: самое страшное наказание – бан, в принципе, преодолимо. Она позволяет сочетать строгую избирательность контактов с их предельной широтой: включение в закрытую группу и обращение ко всем.

Всё это имеет множество последствий. Снимает привычные ограничения.

Способствует тому, что возрастает коммуникативная активность членов языкового коллектива, увеличивается количество коммуникативных контактов между ними. В результате определенные сегменты языкового коллектива становятся более монолитными не в смысле однородности, а в смысле наличия гораздо большего количества связей. В своем абсолютном преломлении это, безусловно, позитивный факт, потому как он способствует взаимопониманию и служит базой того, что интеллектуальные и ментальные способности членов языкового коллектива растут или, по крайней мере, получают импульс к росту.

Коммуникация становится тематически разнообразней. Новых тем не появляется, но становятся более активными темы, которые прежде находились на глухой периферии.

В вире у человека появляется возможность включаться в недоступные для него в мире иерархии, которые дублируют иерархии мира. Это способствует комфортной самоидентификации, что стабилизирует психику и даёт возможность человеку ощутить свою полноценность или даже исключительность.

Отдельным плюсом является то, что увеличивается общий объем межкультурной коммуникации. Взаимопроникновение языков и выработка инвариантных форм взаимодействия, лежащих вне конкретных национальных языков.

В результате вир вытягивает (или поднимает) мир на новый уровень коммуникативного взаимодействия.

Побочным эффектом этих процессов является возникновение человека виртуального, который, по сути своей, не новый антропологический (социальный, культурный) тип, а очередная вариация традиционной и древней как само человечество подмены. То, что называю реальностью – материальный план мира, всегда у определенного количества людей чем-нибудь подменялся: наркотической эйфорией у наркоманов, состоянием азарта у игроков, погружением в воображаемые миры у художников и т.д. Такие подмены – основа культуры. Самих подмен множество. Подмена реальности Интернетом – только одна из них. Серьезно говорить о её воздействии на социум можно только в том случае, если будет доказано, что людей, осуществляющих подмену мира виром больше, чем, например, запойных алкоголиков, постоянно погружающихся в медитативные трансы монахов, наполненных нарциссизмом утонченных эстетов и т.д.

Думаю, что современное состояние культуры и коммуникации не позволяет говорить о существовании информационного общества и информационной культуры как о сложившихся феноменах. Возможно, мы присутствуем при их зарождении. Но сейчас они просто дублируют (эксплуатируют) наработанные культурой формы и стереотипы.